

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2016
№ 3**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков, С.Д. Князев, А.И. Коробеев, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2016
№ 3**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ,
корп. А (24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016

Владивосток

Дальневосточный федеральный университет

2016

PACIFIC RIM

◆ Economics
◆ Politics
◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin,
E.P. Zharikov, S.D. Knyazev, A.I. Korobeev, S.U. Lee,
N. Park, V.F. Pecheritsa, N.G. Prisekina,
D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2016
№ 3**

**Research
and Socio-political
Journal**

Address:

Far Eastern Federal University
A920–923 Office, Bldg. A (2), Ajax St.,
Vladivostok, Russky Island, Russia, 690922
Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

Registration Certificate ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016

Vladivostok
Far Eastern Federal University
2016

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям журнала	6
РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Курилов В.И., Попова Ю.Ю.</i> Экономическая стратегия КНР «Новый Шёлковый путь» и основные транспортные коридоры России	9
<i>Песцов С.К.</i> Малые государства в системе современных международных отношений: стратегия Сингапура	24
<i>Бобыло А.М.</i> Стратегия развития российского образования как фактор обеспечения национальных интересов РФ в АТР	39
ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	
<i>Ше С.Г.</i> Государственное регулирование и организация предпринимательской деятельности в рыбном хозяйстве Дальнего Востока России	55
<i>Жариков Е.П.</i> Сельское хозяйство – локомотив экономики	88
ЭКОНОМИКА КИТАЯ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	
<i>Горбачев Г.А.</i> Бюджетные дисбалансы в Китае	103
<i>Слепыхина Т.А.</i> Взаимодействие государства и бизнеса в сфере альтернативной энергетики стран Азиатско-Тихоокеанского региона на примере КНР	117
<i>Шелухин А.А.</i> Участие транснациональных корпораций Китая в реализации стратегии «Морского Шёлкового пути XXI века»	125
ПРАВО	
<i>Лобач Д.В., Смирнова Е.А.</i> Терроризм и наркотрафик в условиях перманентного вооружённого конфликта в современной Колумбии	135
<i>Стоун Е.М.</i> Анализ основных криминологических показателей особо тяжкой преступности против личности на территории Дальневосточного федерального округа	149
Сведения о членах редколлегии	161

CONTENTS

To the Readers	6
 REGIONAL SECURITY ISSUES	
<i>Kurilov Vladimir I., Popova Iuliia Yu.</i> The economic strategy of China "New Silk Road" and main Russian transport corridors	9
<i>Pestsov Sergey K.</i> Small states in the system of modern international relations: strategy of Singapore	24
<i>Bobylo Andrey M.</i> Russian education development strategy as a factor of Russia's national interests in Asia-Pacific Region	39
 THE ECONOMY OF RUSSIAN FAR EAST	
<i>She, S.G.</i> State regulation and the organization of business activity in the fishing industry of the Russian Far East	55
<i>Zharikov Evgenie P.</i> Agriculture as an economic locomotive	88
 CHINA ECONOMY: EXPERIENCE, PROBLEMS AND PROSPECTS	
<i>Gorbatsevich Gleb A.</i> Fiscal imbalances in China	103
<i>Slepukhina Tatiana A.</i> State and business interaction in the field of alternative energy in the Asia-Pacific region by the example of the PRC	117
<i>Shelukhin Anton A.</i> Participation of Chinese transnational corporations in implementing the strategy of "Marine Silk Road of XXI Century"	125
 LAW	
<i>Lobach Dmitry V., Smirnova Eugenia A.</i> Terrorism and drug trafficking in the state of permanent armed conflict in the modern Colombia	135
<i>Stoun Elena M.</i> Analysis of main criminological personal core crimes indexes of Russian Far East territories	149
Editorial board's data	161

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому издание журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, а также специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы (на русском яз.) и

references (на англ. яз.) – в конце статьи; поля все – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14.

- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках, e-mail (всё нужно оформить по образцу 2016 г.);

- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);

- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]».

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора. Информация о журнале в Интернете: apr-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "The Pacific Rim: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;

- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;

- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references (list of Literatours in Russian languages and References in English languages should be placed at the end of the article); margins: all – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.

- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail (all you need to draw on the model of 2016);

- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20);

- links placed in square brackets, for example, «According to [5], or the cited reference [5, p. 18]».

We hope that the journal the Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor. Use the following internet link to access the journal's website: apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

REGIONAL INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 339.56:656(5:265)

В.И. Курилов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: kurilov.vi@dvfu.ru

Ю.Ю. Попова²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: popova.yuyu@dvfu.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР «НОВЫЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ» И ОСНОВНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ РОССИИ

Аннотация. Осенью 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил два масштабных внешнеэкономических проекта: «Новый Шёлковый путь», который свяжет Китай с Европой через Россию и страны Средней Азии, а также «Морской Шёлковый путь», объединяющий инфраструктурные проекты в странах Юго-Восточной, Южной Азии и Восточной Африке – по пути следования китайских грузопотоков в Европу.

О намерении участвовать в реализации стратегии уже заявили более 60 стран. Это обусловило необходимость сопряжения законодательства стран-участниц, породило новую потребность сравнительного изучения их

¹ Владимир Иванович Курилов, доктор юридических наук, профессор, проректор по международным отношениям ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

² Юлия Юрьевна Попова, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Курилов В.И., Попова Ю.Ю. Экономическая стратегия КНР «Новый Шёлковый путь» и основные транспортные коридоры России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2016. – № 3. – С. 9–23.

законодательства, вызвало к жизни новые проекты международного публичного и частного права.

Финансовым инструментом стратегии станет Фонд Шёлкового пути с капиталом 40 млрд долл. США. Однако этих средств недостаточно для реализации столь масштабного проекта. По оценке Азиатского Банка Развития, к 2020 г. создание новой инфраструктуры в Азии потребует 8 трлн долларов США [5, р. 142].

Основными задачами Нового Шёлкового пути обозначены следующие:

- 1) не вступая в прямой конфликт с США, создать пояс дружественных государств;
- 2) расширить пространство для коммерческой деятельности китайских предприятий, прежде всего занятых в сфере инфраструктурного строительства, что позволит использовать избыточные производственные мощности;
- 3) способствовать социально-экономическому развитию государств Центральной и Южной Азии, ослабляя тем самым базу для распространения терроризма и экстремизма;
- 4) стимулировать развитие западных регионов КНР, существенно отставших по сравнению с прибрежными провинциями [2, р. 17];
- 5) решить проблему нехватки энергоресурсов.

Добавим, что создание новых шёлковых путей, помимо вышеназванного, будет мощным средством экономического развития и ресурсопроизводящих стран, а значит – будет способствовать развитию мировой экономики в целом. 8 мая 2015 г. Президенты России и Китая Владимир Путин и Си Цзиньпин объявили о сопряжении Евразийского экономического союза и Экономического пояса шёлкового пути. Таким образом, РФ выразила готовность поддержать новую внешнеэкономическую стратегию КНР. Главной целью такой кооперации является качественное изменение характера сотрудничества России и КНР, необходимого для развития Евразийского региона и Мира в целом.

Ключевые слова: стратегия КНР, проекты «Новый Шёлковый путь» и «Морской Шёлковый путь», экономическое сотрудничество России и КНР, проект трансграничной железной дороги, Арктика, международное право, международное экономическое право, международное торговое право, арбитраж, особая экономическая зона, территории опережающего развития, Свободный порт Владивосток, инфраструктура, инвестиции.

Vladimir I. Kurilov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kurilov.vi@dvfu.ru

Julia Yu. Popova²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: popova.yuyu@dvfu.ru

THE ECONOMIC STRATEGY OF CHINA "NEW SILK ROAD" AND MAIN RUSSIAN TRANSPORT CORRIDORS

Abstract. In the autumn of 2013 the Chairman Xi Jinping announced two large-scale foreign trade projects "New Silk Road" that will connect China with Europe through Russia and Central Asia, as well as the "Marine Silk Road", combining infrastructure projects in the South-East, South Asia and East Africa – on the way of Chinese freight traffic in Europe.

The new incarnation of the Great Silk Road has no clear geographical framework, starting and end points. The most important global idea: East and West once again are trying to get closer. The intention to participate in the implementation of the strategy already was announced by nearly 60 countries.

Financial instruments strategy will include the Silk Road Fund with a capital of 40 billion US dollars. However, these funds are not sufficient for the realization of this large-scale project. According to the Asian Development Bank, in 2020 creation of a new infrastructure in Asia will require US \$ 8 trillion.

The main objectives of the New Silk Road are designated as follows:

- 1) without coming into direct conflict with the United States, to create a belt of friendly states;
- 2) to expand the space for commercial activities of Chinese enterprises, mainly engaged in infrastructure construction (which will use excess capacity);
- 3) to promote social and economic development of Central and South Asia, thereby weakening the basis for the spread of terrorism and extremism;

¹ Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for International Relations Far Eastern Federal University, Director of School of Law Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Julia Yu. Popova, PhD, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kurilov Vladimir I., Popova Julia Yu. The economic strategy of China "New Silk road" and main Russian transport corridors // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2016, no. 3, p. 9–23.

4) to promote the development of China's western regions that are significantly behind in comparison with the coastal provinces;

5) to solve the problem of shortage of energy resources.

Creation of new silk routes, in addition to the already mentioned ones, will be a powerful tool for economic development of the countries that produce resources, and consequently - will promote development of the world economy as a whole. The presidents of Russia and China, Vladimir Putin and Xi Jinping announced the pairing of the Eurasian Economic Union and the Economic Belt Silk Road. Thus, the Russian Federation expressed its willingness to support the new China's foreign economic strategy. The main objective of this cooperation is a qualitative change in the nature of the cooperation between Russia and China, necessary for the development of the Eurasian region and the world as a whole.

Keywords: Chinese strategy, projects "New Silk Road" and "Marine Silk Road", economic cooperation between Russia and China, the project of cross-border railway, the Arctic, international law, international economic law, international trade law, arbitration, special economic zone, The area of advanced development, Free port of Vladivostok, infrastructure, investment.

Великий Шёлковый путь имеет долгую историю. Известно, что в 121 г. до Рождества Христова первый караван поставил товары из Китая на Запад. Шёлковый путь сыграл важную роль в развитии государственности Китая, Индии, Персии, Европы, Африки, Аравии и др. По сути, он положил начало политическим и экономическим отношениям между цивилизациями.

Не только шёлк был главным товаром Китая. Он распространял по всему миру представления о праве, религии, философии, а также различные технологии [4]. Таким образом, благодаря Великому шёлковому пути устанавливались политические и экономические связи. К тому же он служил средством продвижения культурных и научных идей. Нет необходимости доказывать, что Великий шёлковый путь уже в те далёкие годы способствовал развитию правового сопровождения экономических и политических проектов, дал начало сравнительному правоведению.

Осенью 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил два масштабных внешнеэкономических проекта: «Новый Шёлковый путь», который свяжет Китай с Европой через Россию и страны Средней Азии, а также «Морской Шёлковый путь», объединяющий инфраструктурные проекты в странах Юго-Восточной, Южной Азии и Восточной Африке – по пути следования китайских грузопотоков в Европу (рис. 1).

У нового воплощения Великого Шёлкового пути нет чётких географических рамок, отправных и конечных пунктов. Важнее глобальная идея: Восток и Запад снова предпринимают попытку к сближению. О намерении участвовать в реализации стратегии уже заявили более 60 стран. Это обусловило необходимость сопряжения законодательства стран-участниц, породило новую потребность сравнительного изучения их законодательства, вызвало к жизни новые проекты международного публичного и частного права.

*Рис. 1. Масштабные внешнеэкономические проекты КНР «Новый Шёлковый путь и «Морской Шёлковый путь»
Источник: <http://aea-al.org/chinas-belt-and-road-reaches-europe/>*

Финансовым инструментом стратегии станет Фонд Шёлкового пути с капиталом 40 млрд долл. США. Однако этих средств недостаточно для реализации столь масштабного проекта. По оценке Азиатского Банка Развития, к 2020 г. создание новой инфраструктуры в Азии потребует 8 трлн долларов США [5, p. 142].

Основными задачами Нового Шёлкового пути обозначено следующее:

- 1) не вступая в прямой конфликт с США, создать пояс дружественных государств;
- 2) расширить пространство для коммерческой деятельности китайских предприятий, прежде всего занятых в сфере инфраструктурного строительства, что позволит использовать избыточные производственные мощности;

3) способствовать социально-экономическому развитию государств Центральной и Южной Азии, ослабляя тем самым базу для распространения терроризма и экстремизма;

4) стимулировать развитие западных регионов КНР, существенно отставших по сравнению с прибрежными провинциями [2, р. 17];

5) решить проблему нехватки энергоресурсов.

Добавим, что создание новых шёлковых путей, помимо вышеназванного, будет мощным средством экономического развития и ресурсопроизводящих стран, а значит – будет способствовать развитию мировой экономики в целом.

8 мая 2015 г. Президенты России и Китая Владимир Путин и Си Цзиньпин объявили о сопряжении Евразийского экономического союза и Экономического пояса шёлкового пути. Таким образом, Российская Федерация выразила готовность поддержать новую внешнеэкономическую стратегию КНР. Однако до сих пор ни Россия, ни Китай не имеют четких представлений о том, каким образом могут быть учтены интересы обоих государств [3].

Главной целью такой кооперации является качественное изменение характера сотрудничества России и КНР, необходимого для развития Евразийского региона и Мира в целом.

По мнению руководства Российской Федерации и Китая, вышеназванные цели могут быть достигнуты путём принятия следующих мер:

1) расширение торгово-экономических отношений и создание благоприятного инвестиционного климата;

2) совершенствование взаимодействия в области производства;

3) способствование увеличению роста взаиморасчёта в национальных валютах;

4) создание условий для появления малых и крупных предприятий.

Уже после первого Восточно-экономического форума, состоявшегося 3 сентября 2015 г. в г. Владивостоке, был заключен ряд соглашений в области науки, образования, технологий, налогового и финансового права.

Стоит отметить, что новая экономическая стратегия КНР является не единственной формой кооперации для двух государств. Взаимодействие осуществляется и в рамках существующих международных ассоциаций, таких как: БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийское экономическое сообщество.

Почему Россия должна быть основным партнером Китая в реализации новой экономической стратегии? Ответ на этот вопрос достаточно ясен.

Перечислим основные риски, подтверждающие, что партнерство с Россией необходимо для Китая:

1) климатические характеристики Центральной Азии, а также возможные чрезвычайные ситуации природного характера;

- 2) огромная территория Азии не обустроена необходимой инфраструктурой;
- 3) военные конфликты и терроризм в Центральной Азии и Ближнем Востоке;
- 4) высокий уровень коррупции в Центральной Азии и утечка капитала, в результате – низкая доходность инвестиций;
- 5) резкое снижение доходности в экономике европейских стран;
- 6) нерешённые территориальные споры между странами Юго-Восточной Азии;
- 7) экономическая конкуренция с Транс-Тихоокеанским партнерством и др.

Реализация экономической стратегии проекта Нового Шёлкового пути должна основываться на системном подходе; для достижения независимости от экономических и геополитических факторов должна быть разработана гармоничная система социально-экономических мер; все маршруты должны работать как единая система; они должны решать разные стратегические задачи при создании, например, обеспечения доступа к ресурсам Арктики, Сибири и Дальнего Востока России; целесообразно не только создавать новую, но и опираться на существующую инфраструктуру.

Стоит отметить, что одной из приоритетных задач для Китая в реализации новой стратегии является борьба с терроризмом и экстремизмом. Новый Шёлковый путь декларируется КНР не как геополитический инструмент, а как стремление внести свой вклад в наведение международного порядка [6]. Китай испытывает трудности, связанные с нестабильной обстановкой в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), где большинство населения исповедует ислам. На территории СУАР, по данным правительства КНР, действует незаконная вооруженная организация Исламское движение Восточного Туркестана, которую Пекин подозревает в связях с международными террористическими организациями, в частности с Аль-Каидой. Создание в СУАР инфраструктуры, ликвидация безработицы и, как следствие, рост благосостояния населения должны способствовать ликвидации угроз террористического характера [8]. Таким же образом проект Нового Шёлкового пути должен влиять и на другие проблемные территории.

Участие России в новом проекте КНР может укрупнить проект, ввести в него новые транспортные коридоры, привести в более полное соответствие с трендами развития экономики мира: сотрудничество с Россией снижает политические и экономические риски путем создания альтернативных торгово-экономических маршрутов; облегчается доступ к ресурсам Дальнего Востока России, Сибири и Арктики. Российской Федерации принадлежит более 20% мировых запасов природных ресурсов. Она занимает первое место в мире по запасам газа (32% мировых запасов, 30% мирового

производства), второе – по добыче нефти (10% – доля мирового производства), третье – по запасам угля (22 угольных бассейна, в том числе в европейской части России – около 15,6% в Сибири – 66,8%, на Дальнем Востоке – 12,9%, на Урале – 4,3%). По запасам железных руд Россия занимает первое место, олова – второе, свинца – третье. Россия также занимает лидирующие позиции в мире в области поставок древесины;

Россия уже развивает сеть портов в Арктике; Транссибирская магистраль может стать высокоскоростным транспортным коридором – самым быстрым и безопасным путём из Азии в Европу.

Транссиб был основан в 1881 г. императором Николаем II. Протяженность Транссибирской железной дороги составляет 9298,2 км. Предполагаемый годовой объем трафика – 100 миллионов тонн грузов, в том числе 250–300 тысяч контейнеров в ДФЭ. Расчётное время доставки грузов – 14 дней.

Неоспоримым преимуществом Транссиба является то, что он проходит по территории одной страны, то есть без пересечения национальных границ. В то же время современная Транссибирская магистраль требует серьёзной модернизации, включая строительство высокоскоростных железных дорог. Одним из таких проектов может стать Евразийская высокоскоростная железная дорога Владивосток – Роттердам с предполагаемым объёмом грузового потока 13 920 000 ДФЭ из Азии в Европу (рис. 2).

Рис. 2. Предполагаемый проект «Евразийская высокоскоростная железная дорога Владивосток – Роттердам»

Источник: <http://010-vladok.reitsma.ru/album/>

Россия и Китай уже начали проект трансграничной железной дороги. Первая в нашей стране высокоскоростная железная дорога между Москвой и Казанью будет построена к 2021 г. как часть высокоскоростного пути, соединяющего Пекин и Москву (рис. 3).

Рис. 3. Проект высокоскоростного пути, соединяющего Пекин и Москву
Источник: <http://www.rg.ru/2015/05/08/proekt-anons.html>

Северный морской путь (СМП) может также рассматриваться как потенциал российской и китайской экономической стратегии. Он имеет временное преимущество по сравнению с другими морскими путями из Азии в Европу. Путь из Даляня в Норвегию по Северному морскому пути занимает 35 дней, в то время как проход через Суэцкий канал занимает 48 дней (рис. 4).

Правовой режим СМП регулируется законодательством Российской Федерации с учётом современных принципов права и международных соглашений, связывающих Россию. Навигационный маршрут официально определен Кодексом торгового мореплавания РФ как проходящий от Карского моря до Тихого океана. В будущем благодаря таянию Арктических льдов СМП обеспечит круглогодичное судоходство для всего Северного полушария.

КНР крайне заинтересована в развитии российских арктических проектов. Освоение Северного морского пути способствовало бы активизации торгово-экономических связей Китая с Европой. Освоение этого маршрута даст значительную экономию времени и финансовых ресурсов КНР как крупнейшему мировому экспортёру. Более того, Арктика интересует Китай

и как кладовая природных ресурсов, а также богатый рыбным промыслом регион [11, с. 226].

Рис. 4. Северный морской путь и традиционный маршрут
Источник: <http://ajw.asahi.com/article/business/AJ201308130047>

Не случайно КНР уже осуществила более десяти экспедиций в Арктику и строит новые мощные ледоколы.

С 1970-х до 2010-х годов площадь льда в Арктике уменьшилась почти в два раза (рис. 5). Суммарные извлекаемые ресурсы в российской Арктике оцениваются в 13 млрд тонн нефти и 87 трлн кубических метров газа. При этом пока разведано не более 158 % российского арктического шельфа.

Важнейшей долгосрочной проблемой китайской экономики является относительная нехватка энергоресурсов [9, с. 9]. Строительство новой инфраструктуры Нового Шёлкового пути увеличит их потребление в разы.

«Ямал СПГ» считается одним из самых успешных проектов в Арктике и является связующим звеном между Россией и Китаем в реализации стратегии Великого шёлкового пути. Проект предусматривает ежегодное производство около 16,5 млн тонн сжиженного природного газа и до 1,2 млн тонн газового конденсата для поставок на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона и Европы. 20% акций этого проекта уже находились в собственности корпорации «China National Petroleum». А 3 сентября 2015 г. NOVATEC и Silk Road Foundation подписали рамочное соглашение о при-

обретении последним 9,9% акций «Ямал СПГ» в присутствии Президента России Владимира Путина и Президента Китая Си Цзиньпина. Таким образом, 29,9% акций проекта находится в собственности КНР.

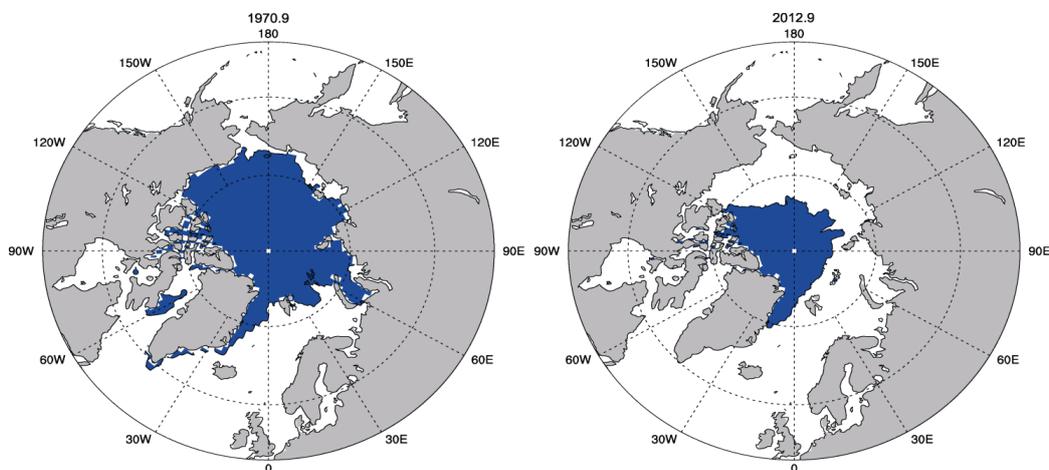

Рис. 5 Уменьшение площади льда в Арктике

Источник: <http://www.iapjournals.ac.cn/aosl/article/2015/1674-2834-8-4-215.html#>

В настоящее время Россия разрабатывает конкретные проекты сопряжения Дальнего Востока и концепции Нового Шёлкового пути.

Традиционно Дальний Восток России является площадкой взаимодействия России и Китая.

В целях интеграции с Азиатско-Тихоокеанским регионом Правительство Российской Федерации приняло решение о создании на Дальнем Востоке специальных экономических зон. Среди них Территории опережающего развития и Свободный порт Владивосток. Их статус регламентируется Федеральным законом от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» и Федеральным законом от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

По сути, Свободный порт Владивосток представляет собой территорию, объединяющую несколько муниципальных образований Приморского края, на которой устанавливаются особые меры государственной поддержки предпринимательской деятельности. Общая площадь территории, которую охватывает экономическая зона, составляет 28,4 тыс. кв. км. На ней проживает 1,4 млн человек (75% населения региона). Свободный порт создаётся на 70 лет с возможностью продления этого срока.

Очевидны преимущества порта Владивосток перед другими портами Дальнего Востока. К ним относится наличие закрытого рейда и глубоких

бухт, пригодных для стоянки судов с большой осадкой. Порт имеет развитую железнодорожную сеть, он является конечным пунктом Транссибирской железнодорожной магистрали.

Получив специальный правовой статус, отдельные территории Приморского края стали привлекательнее для инвестиций, а следовательно – и для стратегии Нового Шёлкового пути.

Среди целей придания территории Приморского края особого правового и экономического режима законодатель выделил использование географических и экономических преимуществ Приморья как восточных морских ворот Российской Федерации для интеграции в экономическое пространство государств Азиатско-Тихоокеанского региона; развитие международной торговли с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона; создание и развитие производств, основанных на применении современных технологий и ориентированных на выпуск в свободном порту Владивосток продукции, конкурентоспособной в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Резидентом территории может стать индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, если они официально зарегистрированы на территории Свободного порта Владивосток.

Учитывая сложившиеся геополитические условия, России и КНР необходимо обеспечить все возможные меры по взаимодействию в рамках реализуемых ими двух масштабных проектов. Для этого в первую очередь следует устранить конкуренцию Евразийского экономического союза и Нового Шёлкового пути и в качестве начальной точки соприкосновения стратегий определить созданную Россией зону свободного экономического развития.

Основные преференции, которые даёт статус резидента Свободного порта Владивосток.

- 1) преференции в отношении налогов (0% налог на прибыль в течении первых пяти лет);
- 2) понижение страховых взносов с 30% до 7.6% на 10 лет;
- 3) возмещение НДС в течение 10 дней;
- 4) значительное ускорение бюрократических процедур в сфере строительства;
- 5) снижение проверочной нагрузки на бизнес;
- 6) создание Управляющей компании Свободного порта, которая будет защищать интересы резидентов;
- 7) режим единого окна при прохождении контроля на границе, круглосуточный режим работы пунктов пропуска;
- 8) режим свободной таможенной зоны для резидентов (беспошлинный и безналоговый ввоз, хранение, потребление (использование) иностранных товаров, вывоз товаров (оборудования), ввоз иностранных товаров (оборудования));

9) упрощённый визовый режим (получение 8-дневной визы на границе).

Следует отметить, что в 2015 г. в своём ежегодном послании Федеральному Собранию России глава государства Владимир Путин ещё раз высказался в пользу распространения режима свободного порта на большинство основных портов Дальнего Востока.

Глава государства считает, что либерализация правил пользования дальневосточными портами станет мощным импульсом к развитию Северного морского пути перевозчиками всего мира. Он намного ближе и безопаснее, чем традиционные маршруты транспортировки грузов из Азии в Европу через политически нестабильные районы Ближнего Востока.

Согласно предложенному Минвостокразвития законопроекту «О Свободном порте Дальнего Востока», льготный режим должен появиться в портах Хабаровского края (Ванинского, Советско-Гаванского, Ульчского, Николаевского и Охотского районов, в том числе на территории и акватории морских портов Ванино, Советская Гавань, Де-Кастри, Николаевск-на-Амуре и Охотск).

Помимо Хабаровского края свободные порты должны появиться на Камчатке (Петропавловск-Камчатский, Вилючинск, Елизовский район), на Сахалине (Корсаков, Холмск, Невельск), на Чукотке (Анадырский, Иультинский, Провиденский и Чаунский районы).

Следует обратить внимание, что Новый Шёлковый путь представляет интерес не только для политиков. Научное сообщество также старается дать объяснение и предсказать возможные перспективы и риски участия государств в столь амбициозном проекте КНР.

По инициативе крупнейших университетов Китая уже созданы специализированные центры и академии, привлекающие ведущих исследователей мира для изучения того, каким образом будет применяться международное экономическое, инвестиционное, торговое право при взаимодействии государств – участников стратегии. Немаловажной проблемой также является и то, каким образом будут разрешаться правовые споры и будет ли создан специализированный международный арбитражный орган.

Одним из примеров такого исследовательского центра можно назвать созданную на базе Университета Гонконга Академию «International Academy of the Belt and Road», президентом которой является профессор, руководитель института изучения ВТО при Университете Гонконга Гуйгуо Ванг. Между Академией и Правительственными учреждениями Китая в апреле 2016 г. были заключены соглашения о сотрудничестве, обеспечивающие государственную поддержку проводимых Академией исследований. Членами названного исследовательского центра являются ведущие учёные Китая, России, Республики Корея, Японии – всего 35 стран. Дальний Восток России представлен в Академии директором Юридической школы ДВФУ, д.ю.н., профессором В.И. Куриловым.

Таким образом, перед современной Россией поставлена серьёзная задача: в условиях современных глобальных вызовов нашему государству предстоит продолжить обозначенное Президентом В.В. Путиным новое, эффективное выстраивание отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Главным партнёром России в АТР является Китай. В связи с этим одной из первоочередных задач нашего государства является решение вопроса о необходимости сопряжения политики России и новой экономической стратегии КНР «The Belt and Road».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Экономический пояс Шёлкового пути» – какими конкурентными преимуществами обладает Китай в Центральной Азии? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31518/8420265.html>.
2. Sarvari, B. The Political Economics of the New Silk Road / B. Sarvari, A. Szedovits // *Baltic Journal of European Studies*. – 2016. – No. 6 (1). – P. 3–27.
3. Wilson, J. L. The Eurasian Economic Union and China's silk road: implications for the Russian-Chinese relationship // *European Politics and Society*. – 2016. – No. 17. – P. 112–132. – DOI: 10.1080/23745118.2016.1171288.
4. Urscheler, L. H. Potential Implications of the One Belt One Road Initiative for Legal Cultures: Reflections of a Comparative Lawyer // *International Law : Perspective of the Belt and Road Initiative*. – Hong Kong, 2015. – P. 110–111.
5. Fallon, T. The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia // *American Foreign Policy Interests*. – 2015. – No. 37 (3). – P. 140–147.
6. Summers, T. China's 'New Silk Roads' sub-national and networks of global political economy // *Third World Quarterly*. – 2016. – Vol. 37, iss. 9. – P. 1628–1643. – DOI: 10.1080/01436597.2016.1153415.
7. Ван, Шуцунь. На пути к взаимовыгодному сотрудничеству [Электронный ресурс] / Шуцунь Ван, Чинсун Вань. – Режим доступа: <http://svom.info/entry/478-na-puti-k-vzaimovыgodnomu-sotrudnichestvu/>.
8. Денисов, И. Е. Шёлковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/articles/1973-shelkovaya-bezopasnost-novaya-kitajskaya-konceptsiya-razvitiya-i-pravila-igry-v-evrazii>.
9. Островский, А. В. Итоги экономики КНР в 2014 году: спад или структурные реформы? // *Китай на новом этапе экономической реформы*. – М. : Ленанд, 2016. – С. 8–25.
10. Ремыга, В. Н. Новая глобальная стратегия Китая – экономический пояс шёлкового пути [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ic-ie.com/press-tsentr/novosti-mkpp/830-uvazhaemye-chleny-i->

partnery-mezhdunarodnogo-kongressa-promyshlennikov-i-predprinimatelej-uvazhaemye-posetiteli-ofitsialnogo-sajta-mkpp.html.

11. Тимофеев, О. А. Арктический фронт Китая: геополитические и экономические измерения // Современный Китай и его окружение. – М., 2015. – С. 225–238.

REFERENCES

1. «*The economic zone of the Silk Road*» – *What competitive advantages China has in Central Asia*. Available at: <http://russian.people.com.cn/31518/8420265.html> (accessed 12 December 2015). (In Russian).

2. Sarvari B., Szeidovits A. The Political Economics of the New Silk Road. *Baltic Journal of European Studies*, 2016, no. 1, pp. 3–27.

3. Wilson J.L. The Eurasian Economic Union and China's silk road: implications for the Russian-Chinese relationship. *European Politics and Society*, 2016, no. 17, p. 112–132. DOI: 10.1080/23745118.2016.1171288.

4. Urscheler L.H. Potential Implications of the One Belt One Road Initiative for Legal Cultures: Reflections of a Comparative Lawyer. *International Law Perspective of the Belt and Road Initiative*. Hong Kong, 2015, pp.110–111.

5. Fallon T. The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia. *American Foreign Policy Interests*, 2015, no. 37 (3), pp.140–147.

6. Summers T. China's 'New Silk Roads' sub-national and networks of global political economy. *Third World Quarterly*, vol. 37, iss. 9, pp. 1628–1643. DOI: 10.1080/01436597.2016.1153415.

7. Wang Cun, Chin Han Sung. *On the way to mutually beneficial cooperation*. Available at: <http://svom.info/entry/478-na-puti-k-vzaimovygodnomu-sotrudnichestvu/> (accessed 16 March 2015).

8. Denisov I.E. *Silk security: a new concept of development of the Chinese and the rules of the game in Eurasia*. Available at: <http://www.pircen.com/articles/1973-shelkovaya-bezopasnost-novayakitajskaya-koncepciya-razvitiya-i-pravila-igry-v-evrazii> (accessed 18 May 2016). (In Russian).

9. Ostrovsky A. The results of China's economy in 2014: recession or structural reform? *China is at a new stage of economic reform*. Moscow, 2016, pp. 8–25.

10. Remyga V.N. *The new global strategy in China – the Silk Road Economic Belt*. Available at: <http://www.ic-ie.com/press-tsentr/novosti-mkpp/830-uvazhaemye-chleny-i-partnery-mezhdunarodnogo-kongressa-promyshlennikov-i-predprinimatelej-uvazhaemye-posetiteli-ofitsialnogo-sajta-mkpp.html> (accessed 16 March 2015). (In Russian).

11. Timofeev O.A. China's Arctic frontier: geopolitical and economic dimensions. *Modern China and its environment*. Moscow, 2015, pp. 225–239.

УДК 327(592.3)

С.К. Песцов¹

Школа гуманитарных наук ДВФУ, г. Владивосток, Россия

E-mail: skpfox@mail.ru

МАЛЫЕ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СТРАТЕГИЯ СИНГАПУРА

Малые государства составляют преобладающее большинство акторов современной международной системы. Однако они, как правило, остаются на периферии интереса в исследованиях мировой политики и международных отношений. Преобладающий интерес к большим государствам – мировым и региональным державам – вполне объясним, поскольку их влияние более масштабно, ощутимо и, чаще всего, имеет более серьёзные последствия. Однако, с другой стороны, нельзя не заметить присутствия в мировой системе целого ряда небольших государств, играющих в ней весьма активную роль, непропорционально большую, по сравнению с их размерами. И продолжающаяся трансформация этой системы, вследствие глобализации и роста экономической взаимозависимости, открывает в этом плане для малых стран дополнительные возможности и новые перспективы. Как показывает опыт Сингапура, одного из самых малых государств Восточной Азии, в современных условиях они вполне могут находить возможности и реализовывать стратегии, не только содействующие успешному развитию национального социально-экономического потенциала, но и повышающие их авторитет в качестве значимых международных акторов.

Ключевые слова: малые государства, внешняя политика, система международных отношений, международные организации и институты, мягкая сила.

¹ Сергей Константинович Песцов, доктор политических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью ШГН ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Песцов, С.К. Малые государства в системе современных международных отношений: стратегия Сингапура // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2016. – № 3. – С. 24–38.

Sergey K. Pestsov¹

School of Humanities, Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: skpfox@mail.ru

SMALL STATES IN THE SYSTEM OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: STRATEGY OF SINGAPORE

Small states make up the vast majority of actors in the contemporary international system. However, they tend to remain on the periphery of interest in the study of world politics and international relations. The predominant interest in the large states – global and regional powers – is quite understandable, since their effect is more massive, tangible and often has more serious consequences. However, on the other hand, it is difficult not to notice the presence in the world system of a number of small states, which play a very active role, a disproportionately large compared to their size. And the continuing transformation of the system, as a result of globalization and increasing economic interdependence, offers additional opportunities and new perspectives for small countries. Experience of Singapore, one of the smallest countries of East Asia, demonstrates that under current conditions they may find opportunities and implement strategies that not only facilitate the successful development of the national socio-economic potential, but also enhance their credibility as an important international actor.

Key words: small government, foreign policy, the system of international relations, international organizations and institutions, soft power.

Преобладающее большинство акторов современной международной системы составляют малые государства. По некоторым оценкам, не более двух десятков из общего числа государств – членов ООН могут с достаточным основанием претендовать на отнесение к иной категории. И, тем не менее, именно эта небольшая группа традиционно выступает в качестве главного и

¹ Sergey K. Pestsov, professor at Department of Advertisement and Public Relations, School of Humanities, Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Pestsov, Sergey K. Small states in the system of modern international relations: strategy of Singapore // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2016, no. 3, p. 24–38.

основного объекта мировой политики, традиционно привлекающего к себе внимание исследователей. В международных отношениях размер государства, безусловно, имеет значение. В разных своих аспектах – от территории и численности населения до величины экономического и военного потенциалов – данный параметр оказывает влияние на поведение государств, во многом определяя их место и роль в общей системе межгосударственных взаимодействий. Преобладающий интерес к большим государствам – мировым и региональным державам – вполне объясним, поскольку, по общему представлению, их влияние всегда более масштабно, более ощутимо и, как правило, имеет более серьёзные последствия. Однако, с другой стороны, нельзя не заметить присутствия в мировой системе небольших государств, играющих в ней достаточно активную роль, непропорционально большую, по сравнению с их размерами. И продолжающаяся трансформация этой системы, вследствие глобализации и роста экономической взаимозависимости, открывает в этом плане для малых стран дополнительные возможности и новые перспективы.

Ещё большее внимание малые государства в качестве важного объекта исследований в международных отношениях приобретают в контексте изучения мягкой силы как одного из приобретающих всё большую важность в современных условиях средств, определяющих международный вес и влияние государства. В этом случае обращение к крупным державам кажется не вполне оправданным, хотя бы потому, что существенным образом осложняет выяснение того, где заканчивается влияние, обусловленное материальными факторами – их размерами, величиной экономического и военного потенциала, и начинается влияние благодаря нематериальным «мягким» ресурсам. Более показателен в этом отношении пример малых стран, которые демонстрируют непропорционально более значимые по сравнению с их размерами имидж и влияние. И хотя, следует признать, мягкая сила здесь чаще вступает средством решения проблемы их выживания, а не обеспечения глобального влияния, опыт малых стран в гораздо большей степени позволяет оценить роль мягкой силы, её реальную ответственность и даже само её существование.

Справедливости ради нельзя не признать, что исследователи и ранее уделяли внимание, пусть и достаточно скромное, малым странам, их месту и роли в мировой политике и международных отношениях. Два основных аспекта в этой связи обычно выступали предметом анализа: определение параметров «малости» («smallness») и выявление типичных для малых стран стратегий поведения. В первом случае основной задачей являлось не только определение достоверных критериев дифференциации государств, но и проведение границ между малыми государствами и странами среднего

размера, с одной стороны, и так называемыми «микрогосударствами», с другой. Чаще всего для этого использовались объективные типологии, учитывающие численность населения, территорию и экономический потенциал [1, р. 143]. Однако предпринимались и попытки использования для этих целей более субъективных классификаций, фиксирующих положение государств в международной системе. Малые государства с этой точки зрения «оказываются малыми не вследствие какого-либо объективного определения, но как результат их воспринимаемой роли в международной иерархии» [2, р. 3].

Что касается роли и поведения малых государств, то, согласно доминирующему подходу в исследованиях международных отношений, малость страны выступает одной из важнейших детерминант, ограничивая пространство для маневра и делая их более уязвимыми и подверженными воздействию окружающей среды. Соответственно их внешняя политика всегда в большей степени будет зависеть от внешних (в первую очередь геополитики и поведения сильных государств), нежели от внутренних факторов. Этот подход к исследованию малых государств, определяемый как анализ, базирующийся на способности (*capacity-based investigation*), доказывает, что именно отсутствие способности в основном определяет их внешнюю политику и нивелирует их значение в международной системе [3].

Одним из первых обратил внимание на данное обстоятельство Д. Виттель, утверждая, что забота малых государств о своей безопасности вынуждает их гораздо больше реагировать на внешнюю среду, чем действовать исходя из внутренних условий. В целом, по его мнению, возможности небольшого государства в основном ограничиваются тремя возможными стратегиями. Это пассивная (которая основана на представлении о том, что размер нейтрализует внешнеполитический потенциал государства), активная (направленная на адаптацию государства к его окружению) и оборонительная стратегия (концентрирующаяся на внутреннем росте с единственной целью поддержания статус-кво) [4, р. 117–122]. По словам М. Иста, малость, как правило, трансформируется в сокращение набора интересов, что проявляется в весьма ограниченной внешнеполитической деятельности, как с точки зрения географии, так и возможных сфер политики [5]. Некоторые исследователи, опираясь на аналогию международной системы с джунглями, вообще утверждают, что малые государства могут выбирать только между ролью ягнят – слабых единиц с единственной целью выживания – и шакалов, которые хотят добиться поддержки более сильных государств в надежде на получение дополнительных выгод [6, р. 150].

Уязвимость и зависимость от внешней среды обуславливают еще одну важную характеристику поведения малых государств – их приверженность

международным организациям и институтам. Членство в такого рода структурах, во-первых, способно предоставить им дополнительные гарантии экономической, военной и политической безопасности. Во-вторых, эффективные международные институты позволяют ограничивать силу и влияние в международной политике великих держав. В целом же внешнюю политику небольших государств отличает несколько основных черт. Она, как правило, характеризуется ограниченными взаимодействиями с другими государствами; активностью участия в международных организациях; поддержкой международных норм и правил; предпочтением минимального применения силы и концентрацией в основном на региональных проблемах [7].

Однако далеко не все исследователи с этим согласны. Некоторые из них указывают на ошибочность сосредоточения внимания исключительно на внешнем окружении и игнорирования внутренних факторов как важных детерминант поведения небольших государств на международной арене. Иногда, по их мнению, малость может оборачиваться большей эффективностью. В частности, внешнеполитический аппарат малых государств может обладать человеческими ресурсами, квалификацией и пропагандистскими навыками, существенно превосходящими его физические размеры, позволяя ему функционировать с большей гибкостью и результативностью. Более того, многие вообще ставят под сомнение жёсткую корреляцию между малым размером и уязвимостью государства на международной арене. Так, например, Л. Гетшель указывает на важность учёта в процессе концептуализации понятия малого государства различия между измерениями силы влияния (добиваться от других, чтобы они делали то, что хочу я) и автономии (защиты себя от влияния других). «Малость может, таким образом, характеризоваться как обладание эффектом производства влияния, так и дефицитом автономии». Если влияние является категорией, которая отражает качественные факторы («относительное измерение»), которое определяет малость страны, то автономность учитывает количественные факторы (такие как географический размер, силовые ресурсы) [8].

Обоснованность этих сомнений стала усиливаться вместе с распространением на область международных отношений и поведения малых государств концепций мягкой силы, структурной силы и дискурсивной силы. Они укрепили обоснованность предположений о доступности, независимо от размера государств, разных внешнеполитических стратегий, открывающих для них возможность успешной реализации своих интересов. В этой связи А. Чоном даже вводится специальное понятие «виртуального расширения» как способа перевода позитивных моральных коннотаций, связанных с малостью, в стратегии успешного посредничества и продвижения своих политических и экономических систем с целью привлечения инве-

сторов [9]. Общим элементом здесь является отказ от признания общей ущербности малых государств, хотя пока и без точного и однозначного определения того, как, при каких условиях и какие из малых государств смогут добиться успеха на этом пути. Новые конструктивистские подходы хотя и привели уже к важным переменам в исследовании небольших государств, но самостоятельной теоретической школы пока что не образуют. Однако, по крайней мере, они позволяют отказаться от чрезмерно упрощенного определения малых государств как акторов с ограниченными возможностями и влиянием, с которыми можно встретиться до сих пор.

Весьма показательным и одним из наиболее очевидных примеров в этом отношении является Сингапур, входящий, наряду с Брунеем, в группу самых малых государств Восточной Азии. Вместе с тем, довольно высокие позиции, которые Сингапур устойчиво занимает во многих авторитетных международных рейтингах, указывают на наличие у этой страны имиджа и репутации, существенно превосходящих его физическую величину. Так, по показателю глобального вклада стран мира в общее развитие человечества в «Индексе хороших стран» (The Good Country Index) 2015 г. Сингапур оказался на 22-й позиции, незначительно уступив Японии и США, но существенно опередив своих соседей, включая такие страны, как Республика Корея, Китай и Россия [10]. В рейтинге стран по показателю глобальной конкурентоспособности («Global Competitiveness Index») 2014–2015 гг. Всемирного экономического форума Сингапур занял 2-ю позицию, уступив только ещё одному представителю малых государств – Швейцарии, но опередив США, Японию и оставив далеко позади Республику Корея, Китай и Россию [11]. Наконец, в соответствии с Индексом развития человеческого капитала (Human Capital Index), ранжирующим государства в соответствии с тем, насколько они успешны с точки зрения развития и использования человеческих талантов, Сингапур находится на 13-й позиции, из своих ближайших соседей уступая лишь Японии, но опережая США, Россию, Республику Корея и Китай [12].

Во многом, полагает А. Чонг, это является результатом стратегии компенсации территориальной неполноценности, политической уязвимости и недостатка ресурсов Сингапура «расширением его международного значения» с помощью мер мягкой силы, которая начала реализовываться руководством страны еще в 1960-е годы. В этом смысле концепция мягкой силы, получившая позднее, благодаря усилиям Дж. Ная, своё теоретическое оформление, для Сингапура, в отличие от многих других государств, оказалась далеко не инновационной идеей. Она, скорее, подтвердила обоснованность избранного лидерами страны курса, во многом обусловленного объективными обстоятельствами и практическими потребностями. «По-

скольку Сингапур является маленьким государством, – констатировал позднее в этой связи бывший исполнительный директор Международного фонда Сингапура Тан Тай Кеон, – стратегии мягкой силы во многом являются императивом, а не опцией» [13, р. 18]. В качестве теоретической основы современная стратегия мягкой силы Сингапура в большей степени опирается на наследие отцов-основателей государства – Ли Куан Ю, Синнатамби Раджаратнама, Вон Кан Сена, Го Ток Чона, Кишора Махбубани, нежели на идеи, сформулированные Дж. Наем и его последователями. Поэтому корни мягкой силы Сингапура, полагает А. Чонг, могут быть обнаружены в политической настойчивости его правящей элиты, отстаивавшей социально-политическое отличие страны в рамках постколониального окружения Юго-Восточной Азии; в прагматизме собственного бренда «сделай сам» при развитии экономики; в дипломатическом стиле, оформившемся в обучающем контексте Холодной войны. Таким образом, концепцию мягкой силы Сингапура можно, скорее, рассматривать как «автохтонную», или эндогенную, и в меньшей степени – как вариант адаптации и приспособления к местным условиям положений западных теорий.

В современной её трактовке концепция мягкой силы Сингапура, по мнению Кишора Махбубани, декана Школы публичной политики имени Ли Куан Ю Национального университета Сингапура, включает, как минимум, семь ключевых элементов. Первые два них – лидерство и эффективное управление – основывается не только на исключительных личных достоинствах отцов-основателей Сингапура, но и созданной ими системе государственного управления. Три основополагающих принципа – меритократия, прагматизм и честность – составляют основу этой системы, а верховенство закона обеспечивает её эффективность. «К счастью, – констатирует в этой связи Кишор Махбубани, – несмотря на то, что верховенство закона является западной концепцией, эта концепция хорошо работает и в восточных обществах» [14]. Третьим в числе важных составных элементов мягкой силы он называет мультикультурализм, позволяющий создать уникальную идентичность как сплав четырёх основных – китайской, малайско-мусульманской, индийской и западной – мировых цивилизаций. Законодательство, предупреждающее расовую и религиозную нетерпимость, а также нормативные акты, обеспечивающие равное право представителям меньшинств в публичных учреждениях государства, выступают в этом случае важными инструментами управления мультикультурализмом. В качестве четвертого элемента Кишор Махбубани называет английский язык. Он не только открывает сингапурцам доступ к богатому наследию западной цивилизации, предоставляя им ещё одно конкурентное преимущество, но, одновременно, действует как достаточно эффективный инструмент укреплё-

ния мультикультурализма. Пятый элемент – еда – в виде множества национальных кухонь, представляющих богатое культурное многообразие Сингапура. Шестым элементом в этом списке выступает зелёная среда. Несмотря на небольшие размеры Сингапура, отмечает в этой связи Кишор Махбубани, в нём представлено больше видов деревьев, чем во всех континентальных штатах США, вместе взятых. И проводя ежегодно День посадки деревьев (Tree Planting Day), считает он, Сингапур подчеркивает важность оставаться зелёным. Наконец, седьмой основой мягкой силы Сингапура является открытость миру, проявляющаяся и в значительных объёмах торговли этой страны с внешним миром, и в предоставлении ей наиболее удобных условий для работы и ведения бизнеса. Сингапур, по мнению Кишора Махбубани, отличается уникальная двойная идентичность. Он является азиатским и одновременно вестернизированным. И потому его успехи в практике объединения всего лучшего, что есть на Востоке и Западе, могут стать вдохновляющим примером глобального значения. «...Если Сингапур сможет объединить Восток и Запад, – полагает он, – это изменит доминирующий глобальный взгляд на мир» [14].

Важной особенностью мягкой силы Сингапура, также непосредственно связанной с его физическими характеристиками как малого государства, является то, что стратегия её использования в первую очередь нацелена не на повышение влияния в управлении глобальными делами, а на использовании растущей привлекательности для решения внутренних задач, задач устойчивого внутреннего развития. Современный вариант стратегии мягкой силы Сингапура основывается на концепции «Сингапур – земля возможностей» («Making Singapore a Land of Opportunity»), провозглашенной премьер-министром страны Ли Сиен Луном в 2004 году. Смысл этой концепции он сформулировал следующим образом: «Сингапур сегодня является тем, что он собой представляет, благодаря тому, что он был страной возможностей для предприимчивых людей со всей Азии. Наша привлекательность уникальна. Мы находимся на перекрестке Востока и Запада, являемся современным, космополитическим городом, связанным с миром финансов и бизнеса, но уходим корнями в древние культуры наших предков. Мы предлагаем динамично развивающуюся экономику, где люди могут добиться хорошей жизни, стабильное общество, где они могут создать крепкие семьи, а также возможности для всех, чтобы построить светлое будущее. И теперь с Азией, находящейся на подъёме, мы должны переделать Сингапур как страну возможностей» [15, р. 31]. Данная концепция опирается на идею, согласно которой новая экономика знаний, приобретающая глобальный характер, будет нуждаться в глобальной сети, связываемой «узлами». И Сингапур должен стать одним из таких узлов. Стратегия, поз-

воляющая решить эту задачу, может быть представлена, по мнению Тан Тай Кеона, в виде «четырёх Т»: включающих «Талант» (Talent), «Торговлю» (Trade), «Технологии» (Technology) и «Терпимость» (Tolerance).

Сосредоточение на человеческом капитале и знаниях лежит в основе успехов Сингапура. И потому первая из этих «Т» предполагает активизацию усилий, направленных на привлечение в страну творческих людей из-за рубежа, создание условий, предотвращающих отток собственных талантов и укрепление связей с теми гражданами страны, кто по разным причинам оказался за пределами Сингапура. Важность второго элемента обусловливается тем, что именно торговля образует кровеносную систему сингапурской экономики. Соглашения о свободной торговле и участие в работе международных организаций, в качестве практических инструментов, позволяют не только решать насущные внутренние задачи, но содействуют укреплению авторитета страны как ответственного члена международного сообщества. Третья составляющая – технологии – является важным средством обеспечения притягательности, позволяя всё большему числу компаний выбирать Сингапур для работы в тех или иных областях. Научные исследования и разработки представляют собой значимый драйвер роста. Инвестиции Сингапура в высокие технологии оправданы множеством причин, включая наличие грамотной рабочей силы и широкое распространение интернета. В настоящее время в качестве одного из основных двигателей роста Сингапур выбрал биотехнологии, намереваясь стать азиатским «Биополисом». С этой целью создан и активно развивается Институт молекулярной и клеточной биологии (Institute of Molecular and Cell Biology – IMCB), уже превратившийся в ведущее научное учреждение Юго-Восточной Азии в области исследования стволовых клеток, диабета и онкологии. Наконец, четвертый элемент современной стратегии мягкой силы Сингапура – толерантность – отражает стремление и необходимость создания в стране общей атмосферы, благоприятной для жизни и работы талантливых людей самых разных культур, национальностей и религий. И в качестве важной дополнительной составляющей стратегии мягкой силы Сингапура Тан Тай Кеон упоминает ещё одну «Т» – «доверие» (trust). «Для того, чтобы быть в состоянии привлекать лучших людей и лучшие предприятия, – подчёркивает он, – мы должны обладать репутацией или приобрести «бренд» надёжных» [13, p. 13].

Одним из основных практических инструментов мягкой силы Сингапура в современных условиях выступает так называемая «Сингапурская Модель Развития» (Singapore Model of Development – SMD), рассматриваемая как способ расширения бренда Сингапура в качестве модели управления. SMD, как инструмент мягкой силы, работает двумя способами. В её целостном неформальном виде государство-реципиент принимает идею

патерналистского государства развития, опирающегося на рациональное планирование элиты и дисциплинированное исполнение населением, объединённым общим коммунитарным видением. В частичной её версии государства-реципиенты выборочно используют отдельные элементы SMD, в наибольшей степени соответствующие их потребностям и условиям. Использование SMD, главным образом сегментированного её варианта, в качестве формальной версии программы иностранной помощи является относительно недавней политикой. Начало этому было положено формальным запуском в 1992 г. Сингапурской Программы Сотрудничества (Singapore Cooperation Programme – SCP), в её рамках правительство Сингапура намеревалось подготовить 53 000 специалистов из 168 стран в таких сферах, как принятие политических решений, использование в государственном управлении информационных технологий, банковская и финансовая деятельность, управление воздушным, морским и наземным транспортом и управление производительностью труда в промышленности.

Будучи нацеленной, как и большинство усилий по оказанию помощи, в первую очередь на культивирование доброго отношения к Сингапуру со стороны международного сообщества, эта программа опирается на несколько специфических основополагающих принципов. Во-первых, её смысл заключается в передаче идей, а не «твёрдых» технологий или денежных грантов. Философия «обучения человека ловле рыбы, а не обеспечения его едой», лежащая в основании такого подхода, кроме всего прочего, позволяет Сингапуру избегать критики и опасений создания ситуаций зависимости, а также освобождает его от ответственности за неправильное применение правильных методов управления. Во-вторых, Сингапур не предъявляет к возможным участникам этой программы каких-то идеологических ограничений. И, в-третьих, Сингапур стремится к расширению многостороннего международного партнерства и интеграции усилий в реализации отдельных направлений SCP. Очевидной иллюстрацией в этом случае выступают Программы Подготовки Кадров для Третьей Страны (Third Country Training Programmes (ТСТР)), в которых Сингапур объединяет усилия с развитыми (Великобритания, Канада, Германия, Дания, Япония) и развивающимися (Индия) государствами, а также такими международными институтами, как Всемирный Банк и МВФ [16].

В настоящее время в рамках этой программы Сингапур сотрудничает с более чем 40 ключевыми странами и международными организациями, объединяя опыт в оказании технической помощи другим странам. На сегодняшний день в рамках SCP подготовлено свыше 100 000 государственных служащих из 170 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Ближнего Востока, Восточной Европы, Латинской Америки и Карибского бас-

сейна. Каждый год проводится около 300 курсов, на которых обучается около 7 000 правительственных чиновников. Хотя SCP обеспечивает подготовку стран по всему миру, основное внимание уделяется региону АСЕАН, прежде всего в плане оказания технической помощи новым членам АСЕАН – Камбодже, Лаосу, Мьянме, Вьетнаму. Эта работа проводится в рамках Инициативы по интеграции АСЕАН (Initiative for ASEAN Integration – IAI), которая была инициирована бывшим премьер-министром Сингапура Го Чок Тонг на 4-м неформальном саммите АСЕАН в ноябре 2000 г. в целях укрепления и содействия интеграции АСЕАН. Сингапур с тех пор выполнил четыре обязательства перед IAI на общую сумму около 170 млн долл., а также создал учебные центры IAI в Камбодже, Лаосе, Мьянме, Вьетнаме для проведения подготовки в таких областях, как английский язык, торговля, финансы и информационные технологии [17].

Современная стратегия мягкой силы Сингапура ориентируется на использование интегрированного подхода не только в отношении основных её составляющих, но и с точки зрения включения в её реализацию всех институтов и учреждений. Это не просто политика или стратегия, которые должны реализовываться отдельным университетом или министерством. В активных участников этого процесса должны также превратиться СМИ, публичные институты и даже некоммерческие организации. В частности, довольно важная роль в реализации этой стратегии отводится таким организациям, как Международные Предприятия Сингапура (International Enterprise Singapore – IE) и Международный фонд Сингапура (Singapore International Foundation – SIF). Одной из главных целей последнего является «создание друзей для лучшего мира» через улучшение взаимопонимания между жителями Сингапура и мировыми сообществами. Деятельность Международного фонда Сингапура реализуется посредством ряда программ. К их числу относятся: программа «Молодёжных общественных предпринимателей» (Yong Social Entrepreneurs – YSE), целью которой является содействие молодёжи разных национальностей в реализации социально значимых проектов в Сингапуре и за рубежом; программа «Молодёжных деловых послов» (Young Business Ambassadors – YBA), призванная способствовать социализации молодых предпринимателей в разных обществах и культурах; программа «Шаг за шагом» (Little by Little), представляющая собой серию культурных обменов с целью налаживания взаимопонимания между различными культурами; программа «Понимание Сингапура» (Singapore Insights), включающая тематические семинары и диалоги по вопросам городских инноваций и образа жизни. Популяризации сингапурской культуры и инноваций посредством художественных выставок и публикаций, объединяющих усилия сингапурцев и представителей других

наций, призван также содействовать фонд Международный Сингапур (Singapore Internationale – SI). Не менее важное значение с точки зрения укрепления авторитета и влияния Сингапура придаётся и таким инструментам, как оказание помощи странам и регионам, страдающим от стихийных бедствий, и предоставление стипендии студентам из самых бедных государств региона. В последнем случае организация работы осуществляется с помощью специальной программы «Друзья Сингапура» (Friends of Singapore). Ещё одна программа – «Зарубежные волонтеры Сингапура» (Singapore Volunteers Overseas) – направляет и координирует работу сингапурских врачей, учителей и университетских преподавателей в других странах. В настоящее время данная программа охватывает десять стран – Афганистан, Бутан, Камбоджу, Индию, Индонезию, Лаос, Мьянму, Шри-Ланку, Тимор-Лесте, Вьетнам. Наконец, ещё одна программа – «Зарубежные Сингапурцы» (Overseas Singaporeans) – призвана поддерживать и развивать связи с диаспорами и с согражданами, проживающими за рубежом.

Для малых государств, вполне обосновано полагает А. Чонг, концепция мягкой силы выступает как политическая целесообразность и стратегическое преимущество [18]. Неразрывная связь между небольшими размерами, с одной стороны, уязвимостью и ограниченными возможностями, с другой, на которой акцентировали внимание ранние исследователи малых государств, сегодня вряд ли может восприниматься как аксиома. Мягкая сила, как свидетельствует международная практика, способна стать средством расширения возможностей для малых государств в условиях глобализации. Доступность ресурсов мягкой силы гораздо меньше зависит от размера государства и, как показывают многочисленные примеры, малые государства обладают определённой возможностью построения и эффективного использования мягкой силы. Мягкая сила, таким образом, может рассматриваться как средство виртуального расширения масштабов и присутствия внешней политики малых государств. И как показывает, в том числе, опыт Сингапура, малые государства могут использовать свой успешный опыт использования мягкой силы для содействия успешному развитию национального социально-экономического потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crowards, T. Defining the Category of «Small’ States» // *Journal of International Development*. – March, 2002. – Vol. 14, no. 2. – P. 143–179.
2. Hey, J. A. K. *Introducing Small State Foreign Policy* // *Small States in World Politics. Explaining Foreign Policy Behavior* / ed. by J. A. K. Hey. – Boulder, London : Lynne Rienner Publisher, 2003. – P. 3.

3. Neumann, I. B. Introduction. Lilliputians in Gulliver's world / I. B. Neumann, S. Gstöhl // *Small states in international relations* / eds. by C. Igebritsen, I. B. Neumann, S. Gstöhl, J. Beyer. – Reykjavik : University of Iceland Press, 2006. – P. 16–20.
4. Vital, D. *The inequality of states: a study of the small power in international relations*. – Oxford : Oxford University Press, 1967. – Pp. 117–122.
5. East, M. A. Size and foreign policy behavior: a test of two models // *World Politics*. – 1973. – Vol. XXV, no. 4. – P. 556–576.
6. Calenzo, G. Neorealism and International Subsystems of Small States / G. Calenzo, M. Muhindo // *Academic Interdisciplinary Political Studies*. – 2011. – Vol. I, no. 2. – P. 148–150.
7. Papadakis, M. *Opportunity, Willingness, and Small States: The Relationship Between Environment and Foreign Policy* / M. Papadakis, H. Starr. London UK : Harper Collins Academic, 1987. – P. 409–453.
8. Laurent, G. *Small States and the Common Foreign and Security Policy (CFSP) of the EU: A Comparative Analysis* // NFP 42 Working Paper. – Berne : Institut für Politikwissenschaft, 2000. – May, no 14. – P. 6–7.
9. Chong, A. *Small State Soft Power Strategies: Virtual Enlargement in the Cases of the Vatican City State and Singapore* // *Cambridge Review of International Affairs*. – 2010. – Vol. XXIII, no. 3. – P. 383–405.
10. *The Good Country Index 2015* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goodcountry.org/index/overall-rankings>.
11. *The Global Competitiveness Report 2015–2016* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>.
12. *Human Capital Index 2016: Rankings* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/human-capital-report-2016/rankings/>.
13. Tan Tay Keong. *Survival Strategies of a Small State: Lessons from Singapore* // *Soft Power Workshop – Lessons from Singapore* / eds. by M. Weinstein, E. Fried. – Tel Aviv : The Harold Hartog School of Government and Policy, S. Daniel Abraham Center for Internat. and Region. Studies, Tel Aviv Univ., November 2005. – P. 10–18.
14. Kishore, M. *Seven pillars of Singapore's soft power* [Электронный ресурс] // *The Straits Times*. – Режим доступа: <http://www.straitstimes.com/breaking-news/singapore/story/seven-pillars-singapores-soft-power-20131109>.
15. *Budget Statement 2004. Building a Future of Opportunity*. [Электронный ресурс]. – 51 p. – Режим доступа: http://www.singaporebudget.gov.sg/data/budget_2004/download/FY20_04_Budget_Statement.pdf.
16. *Third Country Training Programmes* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.scp.gov.sg/content/scp/about_us/third_country_trainin programmes.html.

17. Initiative for ASEAN Integration [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.scp.gov.sg/content/scp/iai_programmes/about.html.

18. Chong, A. The Foreign Policy Potential of «Small States Soft Power» Information Strategies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eisa-net.org/bebruga/eisa/files/events/turin/ChongALAN%20CHO NG%202007%20The%20Foreign%20Policy%20Potential%20of%20Small%20 State%20Soft%20Power.pdf>.

REFERENCES

1. Crowards T. Defining the Category of «Small' States». *Journal of International Development*, March, 2002, vol. 14, no. 2, pp. 143–179.

2. Hey J.A.K. *Introducing Small State Foreign Policy*. Hey J. A. K., ed. *Small States in World Politics. Explaining Foreign Policy Behavior*. Boulder, London: Lynne Rienner Publisher, 2003, p. 3.

3. Neumann I.B., Gstöhl S. Introduction. Lilliputians in Gulliver's world. Igebritsen C., Neumann I.B., Gstöhl S., Beyer J., eds. *Small states in international relations*. Reykjavik: University of Iceland Press, 2006, pp. 16–20.

4. Vital D. *The inequality of states: a study of the small power in international relations*. Oxford: Oxford University Press, 1967, pp. 117–122.

5. East M.A. Size and foreign policy behavior: a test of two models. *World Politics*, 1973, vol. XXV, no. 4, pp. 556–576.

6. Calenzo G., Muhindo M. Neorealism and International Subsystems of Small States. *Academic Interdisciplinary Political Studies*, 2011, vol. I, no. 2, pp. 148–150.

7. Papadakis M., Starr H. *Opportunity, Willingness, and Small States: The Relationship Between Environment and Foreign Policy*. London UK: Harper Collins Academic, 1987, pp. 409–453.

8. Laurent G. *Small States and the Common Foreign and Security Policy (CFSP) of the EU: A Comparative Analysis*. NFP 42 Working Paper. Berne: Institut für Politikwissenschaft, 2000, May, no 14, pp. 6–7.

9. Chong A. *Small State Soft Power Strategies: Virtual Enlargement in the Cases of the Vatican City State and Singapore*. *Cambridge Review of International Affairs*, 2010, vol. XXIII, no. 3, pp. 383–405.

10. *The Good Country Index 2015*. Available at: <https://goodcountry.org/index/overall-rankings> (accessed 17 June 2016).

11. *The Global Competitiveness Report 2015–2016*. Available at: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness> (accessed 17 June 2016).

12. *Human Capital Index 2016: Rankings*. Available at: <http://reports.weforum.org/human-capital-report-2016/rankings/> (accessed 17 June 2016).

13. Tan Tay Keong. Survival Strategies of a Small State: Lessons from Singapore. Weinstein M, Fried E., eds. Soft Power Workshop – Lessons from Singapore. Tel Aviv: The Harold Hartog School of Government and Policy. S. Daniel Abraham Center for Internat. and Region. Studies, Tel Aviv Univ., November 2005, pp. 10–18.

14. Kishore M. Seven pillars of Singapore's soft power. The Straits Times. Available at: <http://www.straitstimes.com/breaking-news/singapore/story/seven-pillars-singapores-soft-power-20131109> (accessed 19 March 2016).

15. Budget Statement 2004. Building a Future of Opportunity. Available at: http://www.singaporebudget.gov.sg/data/budget_2004/download/FY2004_Budget_Statement.pdf (accessed 12 June 2016).

16. Third Country Training Programmes. Available at: https://www.scp.gov.sg/content/scp/about_us/third_country_trainingprogrammes.html (accessed 05 July 2016).

17. Initiative for ASEAN Integration. Available at: https://www.scp.gov.sg/content/scp/iai_programmes/about.html (accessed 05 July 2016).

18. Chong A. The Foreign Policy Potential of «Small States Soft Power» Information Strategies. Available at: <http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/turin/ChongALAN%20CHONG%202007%20The%20Foreign%20Policy%20Potential%20of%20Small%20State%20Soft%20Power.pdf> (accessed 19 March 2016).

УДК 37:001.83(470:5:265)

А.М. Бобыло¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: sibiryak_84@mail.ru

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РФ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В настоящее время Россия проводит активную политику по вхождению в мировое образовательное пространство, включая образовательное пространство АТР. Между Россией и странами АТР разрабатываются и реализуются программы образовательного и научно-технического сотрудничества. Среди них – различные масштабные международные проекты, которыми предусмотрены выделение правительственных стипендий на обучение, обмен студентами и преподавателями, активизация международного партнерства российских университетов с образовательными и научными учреждениями стран АТР (Китая, Вьетнама, Японии, РК, Сингапура и др.), создание международных ассоциаций вузов, сетевых университетов на двухсторонней и многосторонней основе (например, с Китаем, РК, Вьетнамом).

Кроме того, достигнутые на правительственном уровне договоренности о сотрудничестве между Россией и странами АТР (КНР, РК, Япония, Индонезия, Вьетнам и др.) в сфере топливной и атомной энергетики, гражданской авиатехники, фундаментальных космических исследований, военно-технического и торгово-экономического сотрудничества, строительства Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в условиях глобального изменения климата на планете в связи с парниковым эффектом дают основания полагать, что уже в

¹ Бобыло Андрей Михайлович, кандидат политических наук, директор Департамента интернационализации ДВФУ, докторант кафедры международных отношений ВИ – ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Бобыло, А.М. Стратегия развития российского образования как фактор обеспечения национальных интересов РФ в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2016. – № 3. – С. 39–54.

ближайшее время от российских и азиатских университетов потребуется разработка новых совместных образовательных программ по подготовке высококвалифицированных специалистов, обладающих уникальными профессиональными знаниями и компетенциями для технологического осуществления разрабатываемых проектов, проведения их экономической, правовой и иной экспертизы, со знанием двух и более иностранных языков, создание совместных научно-исследовательских центров и лабораторий.

В этой связи крайне важными для понимания представляются такие вопросы, как степень вовлеченности России как уникального евроазиатского государства в процесс формирования новой образовательной архитектуры на азиатско-тихоокеанском пространстве, а также стратегия реализации её национальных интересов посредством продвижения системы российского образования в данном регионе.

Ключевые слова: образование, АТР, национальные интересы, гуманитарное сотрудничество, мягкая сила, Россотрудничество, ДВФУ, интернационализация, совместные проекты, экспорт образования, Русская школа за рубежом, иностранные студенты, программа развития, государственная политика, безопасность, КНР, РФ.

Andrey M. Bobylo¹

Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: sibiryak_84@mail.ru

RUSSIAN EDUCATION DEVELOPMENT STRATEGY AS A FACTOR OF RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS IN ASIA-PACIFIC REGION

Currently, Russia is pursuing an active policy of entering into the world educational space, including educational space of Asia-Pacific Region (APR). Russia and APR countries are developing and realizing programs of educational and scientific-technical cooperation. Among them – a variety of large-scale international projects, provided by governmental scholarships, students and faculty exchanges, international partnership between Russian universities and educational

¹ Andrey M. Bobylo, candidate of political sciences, doctoral student at Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Bobylo, Andrey M. Russian education development strategy as a factor of Russia's national interests in Asia-Pacific Region // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2016, no. 3, p. 39–54.

and scientific institutions of the Asia-Pacific countries (China, Vietnam, Japan, South Korea, Singapore and others.), establishment of international associations and networks among the universities on bilateral and multilateral basis (for example, in China, South Korea, Vietnam).

In addition, the agreements between Russia and APR countries (China, South Korea, Japan, Indonesia, Vietnam, etc.) in the field of oil and gas, nuclear energy, civil aviation, fundamental space research, military-technical and trade economic cooperation, building the Silk Road economic belt and the Eurasian economic community, global climate changes due to the greenhouse effect is the evidence of the fact, that in the nearest future Russian and Asian universities have to create new joint training programs to prepare high-qualified specialists with unique knowledge and competencies for technological realization of developed projects, their economic, legal and other kinds of expertise, speaking in two or more foreign languages; establishment of joint research centers and laboratories.

In this context, it is extremely important for understanding such issues as the degree of Russia's involvement as a unique Eurasian state in the process of forming a new educational architecture in the Asia-Pacific region, as well as the strategy for implementation its national interests by promoting Russian education system in this region.

Key words: education, ATP, national interests, humanitarian cooperation, soft power, Rossotrudnichestvo, FEFU, internationalization, joint projects, export of education, Russian school abroad, foreign students, program of development, public policy, security, China, Russia.

В настоящее время Россия проводит активную политику по вхождению в мировое образовательное пространство, включая образовательное пространство АТР. Между Россией и странами АТР разрабатываются и реализуются программы образовательного и научно-технического сотрудничества. Среди них – различные масштабные международные проекты, которыми предусмотрено выделение правительственных стипендий на обучение, обмен студентами и преподавателями, активизация международного партнерства российских университетов с образовательными и научными учреждениями стран АТР (Китай, Вьетнама, Японии, РК, Сингапура и др.), создание международных ассоциаций вузов, сетевых университетов на двусторонней и многосторонней основе (например, с Китаем, РК, Вьетнамом).

Достигнутые на правительственном уровне договоренности о сотрудничестве между Россией и странами АТР (КНР, РК, Япония, Индонезия, Вьетнам и др.) в сфере топливной и атомной энергетики, гражданской

авиатехники, фундаментальных космических исследований, военно-технического и торгово-экономического сотрудничества, строительства Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в условиях глобального изменения климата на планете в связи с парниковым эффектом дают основания полагать, что уже в ближайшее время от российских и азиатских университетов потребуется разработка новых совместных образовательных программ по подготовке высококвалифицированных специалистов, обладающих уникальными профессиональными знаниями и компетенциями для технологического осуществления разрабатываемых проектов, проведения их экономической, правовой и иной экспертизы, со знанием двух и более иностранных языков, создание совместных научно-исследовательских центров и лабораторий. Например, согласно экспертным оценкам, строительство в 2016 г. железной дороги для перевозки угля на острове Калимантан в Индонезии при участии российских специалистов обеспечит создание более 2,5 тыс. рабочих мест на предприятиях и 10 тыс. мест в смежных отраслях, а строительство АЭС Ниньтуан-1 во Вьетнаме обеспечит работой от 4 до 7 тыс. чел. [1].

Не менее амбициозны и задачи по увеличению количества иностранных обучающихся, расширению студенческих обменов, определённые правительствами ряда стран АТР. Например, в КНР в настоящее время обучаются около 17 тыс. студентов из России, а в России более 25 тыс. китайских студентов. В соответствии с утвержденным на государственном уровне планом, к 2020 г. Россия и Китай договорились довести общее число участников программ академических обменов до 100 тыс. чел. [1]. Во многом это связано с реализацией масштабных международных проектов между двумя странами в области совместного освоения углеводородных месторождений в Арктике, транспортной логистики и др. В настоящее время в данных сферах ощущается острая нехватка профессиональных переводчиков, юристов, обслуживающего персонала. Существует спрос на подготовку специалистов в России со стороны Индонезии, Вьетнама, КНДР, Республики Корея, Индии и ряда других стран региона.

В этой связи, ключевой задачей развития для российских образовательных организаций становится повышение уровня их конкурентоспособности, открытости и укрепление репутации на национальном и международном рынках образования и труда.

Большое значение в деле подготовки специалистов для зарубежных стран в России имеет совершенствование национальной нормативно-правовой базы в сфере интернационализации образования. За последние годы Правительством РФ был утверждён ряд важных документов, таких

как Федеральный Закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (октябрь, 2002 г.); постановление Правительства Российской Федерации № 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (октябрь, 2013 г.); Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.; Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию (июнь, 2007 г.), которые по сути стали фундаментом работы в сфере интернационализации российского образования.

В настоящее время на государственном уровне активную работу по продвижению российских образовательных услуг и расширению сотрудничества между образовательными учреждениями за рубежом, в том числе в странах АТР, проводит Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), которое является основным государственным институтом, реализующим важнейшие внешнеполитические задачи, направленные на укрепление «мягкой силы» и международного престижа России, в сфере продвижения и закрепления позиций российского образования и русского языка за рубежом.

В соответствии с утвержденной 27 марта 2014 г. министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым Концепцией продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом, данное агентство призвано содействовать приоритетам внешней политики России, направленным на укрепление положительного образа страны в мире, «соответствующего авторитету её культуры, образования, науки, спорта, уровню развития гражданского общества», повышение конкурентоспособности российской системы высшего образования и социально-экономического развития страны в целом [2].

В Концепции признаётся, что одним из наиболее эффективных инструментов создания и поддержания положительного образа страны за рубежом является именно система образования, прежде всего высшего и послевузовского профессионального образования, привлекающего на обучение в страну иностранных граждан.

Следует признать, что российская высшая школа располагает существенными возможностями более глубокой интеграции в глобальное пространство высшего образования, в том числе благодаря новым приоритетам государственной политики Российской Федерации. Для выполнения данной задачи Россотрудничество принимает участие в подборе и

направлении иностранных студентов и соотечественников за счёт средств федерального бюджета на обучение в российские государственные высшие учебные заведения [2].

С 2011 г. в представительства Россотрудничества за рубежом направляются электронные презентации ведущих российских вузов из числа партнеров агентства. Сегодня дополненная база данных представительств включает более 30 презентаций на английском, французском, испанском, немецком и китайском языках. Представительства Россотрудничества активно используют презентационный материал в работе с молодежью, ориентированной на получение профессионального образования в вузах РФ. На основе таких презентаций созданы постоянно действующие экспозиции об образовательной системе Российской Федерации.

Результатом вышеназванных мер стало увеличение доли страны на международном рынке образовательных услуг с 2% в 2007 г. до 4% в 2011 г.; увеличение количества иностранных студентов, проходящих обучение в российских образовательных организациях (с 93 742 чел. в 2006/2007 уч. г. до 108 084 чел. в 2009/2010 уч. г.). Планируется, что к 2020 г. Россия должна обеспечить обучение в российских образовательных организациях не менее 5% иностранных студентов, отправив, в свою очередь, не менее 6% российских студентов на обучение за рубеж [3].

По состоянию на 2014 год, в вузах РФ насчитывалось более 186 тыс. иностранных студентов, и их число ежегодно продолжает увеличиваться. При этом в соответствии с установленной квотой Правительства РФ с 2013 г. 15 тыс. иностранных граждан принимаются на обучение за счёт средств федерального бюджета. Значительную долю иностранцев в вузах РФ составляют граждане СНГ. По статистике, первенствуют в этом списке выходцы из Казахстана (53 809 чел., или 28,8%), на втором месте – граждане Беларуси (17 724 чел., или 9,4%), на третьем – Украины (15 978 чел., или 8,5%), далее следуют представители Туркмении (15 631, или 8,4%) и Узбекистана (15 025, или 8%). Также в десятку стран входят граждане Азербайджана, КНР, Таджикистана, Молдавии, Индии [3].

Наиболее востребованными направлениями подготовки среди иностранных граждан в российских университетах являются специальности в области филологии и изучения русского языка; электроники и новых материалов; биотехнологии и современной медицины; логистики; энергоресурсов; менеджмента и управления; юриспруденции; маркетинга.

Стоит признать, что данные цифры не отражают действительного потенциала российского экспорта образовательных услуг. Основной проблемой в работе по набору за рубежом абитуриентов является, несомненно, присутствие в мировом образовательном пространстве острейшей конку-

рентной борьбы. Известно, что роль признанных лидеров этой образовательной гонки играют США, Великобритания и Германия. По нашему мнению, сохранение и усиление позиций российского образования на международном рынке услуг требует выработки эффективного механизма реализации обозначенных задач на государственном уровне, а также дополнительной финансовой поддержки.

Помимо этого уделяется большое внимание и работе с выпускниками российских (советских) вузов, которых по всему миру насчитывается более 500 тыс. чел. В рамках своих полномочий и возможностей представительства Россотрудничества ведут активную прикладную работу в странах пребывания по оказанию выпускникам и проживающим за рубежом соотечественникам помощи в организации национальных и региональных объединений, планировании и проведении конкретных мероприятий, таких как III Всемирный форум иностранных выпускников российских (советских) вузов в Москве в 2012 г. Традиционно успешной формой сотрудничества представительств с выпускниками является совместная реализация различных образовательных программ.

Важнейшим инструментом поддержки и продвижения российского образования за рубежом является популяризация русского языка и обучение на русском. Это один из главных факторов гуманитарного и политического влияния России и распространения российской культуры в мировом сообществе. Происходящие в мире процессы глобализации и интернационализации сегодня вызывают резкую активизацию мобильности населения во многих странах и регионах. В результате этого для многих российских граждан и соотечественников, проживающих за пределами РФ, остро встает проблема получения детьми образования на русском языке. В последние годы также наблюдается заметный рост интереса к изучению русского языка за рубежом со стороны иностранных преподавателей и студентов.

4 ноября 2015 г. Президент РФ Владимир Путин утвердил концепцию «Русская школа за рубежом». Концепция определяет приоритетные цели и задачи государственной политики в отношении общего образования на русском языке в международном образовательном пространстве, подходы к обеспечению доступа к общему образованию на русском языке за рубежом, а также виды господдержки соответствующих образовательных организаций [4].

Серьезным преобразованиям подвергается и сама российская высшая школа. К настоящему времени в России сформирована сеть федеральных и национальных исследовательских университетов. В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» поставлена задача об обеспечении вхождения к 2020 г. не менее пяти российских вузов в

первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов QS (проект 5-100). На эти цели университетам – участникам проекта ежегодно предоставляется государственная поддержка из федерального бюджета в объеме от 200 млн до 1 млрд рублей. Общий объем финансирования из федерального бюджета по проекту на 2014–2016 гг. составил 45 млрд рублей [5]. С целью координации деятельности и консолидации усилий в сфере высшего и дополнительного профессионального образования, а также в сфере научной и инновационной деятельности, российскими вузами – участниками проекта создана Ассоциация образовательных организаций высшего образования «Глобальные университеты».

По мнению экспертов, реализация проекта «5-100» позволит продвигаться в модернизации системы высшего образования, научных исследований и разработок, в том числе появится возможность тиражировать значимые эффекты от проекта на всю систему высшего образования в целом [6]. В качестве примера активной образовательной политики России в АТР можно назвать создание в г. Владивостоке в 2011 г. Дальневосточного федерального университета (ДФУ).

Интернационализация ДФУ как необходимое условие его развития определяется масштабом задач, которые стоят перед университетом с учетом его нового статуса, последними решениями руководства страны в части повышения качества высшего образования и конкурентоспособности ведущих отечественных университетов, а также тенденциями развития лучших мировых университетов.

Отличительной характеристикой ДФУ является тот факт, что он оказался в «двойном фокусе» последовательно принимаемых решений. С одной стороны, это ряд целенаправленных правительственных программ и мер по развитию образования и науки и повышению конкурентоспособности ведущих университетов России (постановления Правительства о создании федеральных и национальных исследовательских университетов; Распоряжение Правительства «Об утверждении плана мероприятий по развитию ведущих университетов, предусматривающих повышение их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров» и др.).

С другой стороны, всё более активная политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, направленная на развитие взаимодействия и сотрудничества со странами региона по всему спектру экономических, культурных, научно-технологических и политических вопросов (в этом ряду следует отметить присоединение в 2011 г. к Восточноазиатскому саммиту; председательство России в АТЭС в 2012 г.; Поручение Президента от

23 октября 2012 г. о всестороннем анализе итогов председательства и комплексном плане дальнейших действий в рамках АТЭС; отдельный пункт Поручения – использование потенциала ДВФУ для укрепления партнерства с общественно-политическими и деловыми кругами стран АТР) [7].

Как сказано в Программе развития ДВФУ, «в основу создания университета положена интеграция двух моделей: современного исследовательского университета, участвующего в международном обмене наиболее передовыми знаниями и специалистами, и предпринимательского университета, обеспечивающего конкурентоспособное развитие отраслей национальной экономики». При этом интернационализация университета рассматривается в Программе развития не просто как важная составная часть деятельности университета, а как необходимое условие его развития, а именно: стратегической целью университета определено его становление как ведущего научно-образовательного и инновационного центра, обеспечивающего пространственную эффективность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе [7]. При этом миссия вуза гласит: «Образованием и просвещением, приумножением научных знаний и созданием новых технологий способствовать взаимопониманию и сотрудничеству стран Азиатско-Тихоокеанского региона, их социальному и культурному процветанию, развитию молодого человека АТР» [8].

За период деятельности объединенного университета (с 1 июня 2011 г.) удалось достичь значительных положительных результатов в сфере интернационализации университета. Так, например, в 2016/2017 учебном году в ДВФУ будут обучаться более 3 000 иностранных студентов (около 20 % от общей численности студентов ДВФУ) из 49 стран мира, что является хорошим показателем по российским меркам, но недостаточным – по международным. Правительством РФ поставлена задача в течение ближайших лет довести его до 7 000–9 000 чел., что составит третью часть от всего студенческого контингента ДВФУ. В соответствии с планами руководства вуза, к 2020 г. ДВФУ станет настолько интегрирован в образовательные и научные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что «университет не только будет привлекать к себе на обучение абитуриентов из этих стран, но также сможет значительную часть своих студентов отправлять в зарубежные вузы по различным обменным программам, пока же масштабы таких стажировок российских студентов недостаточны» [9].

Кроме того, в учебном процессе университета задействовано более 100 иностранных преподавателей. Доля профессорско-преподавательского состава, имеющего опыт работы и прошедшего стажировки в ведущих российских и зарубежных университетах и научных центрах, возросла до 30% от общей численности штатных сотрудников университета [9].

При поддержке зарубежных вузов-партнеров в университете реализуется более 150 отдельных курсов на английском языке, в том числе с использованием дистанционных технологий. С 2012 г. в ДВФУ реализуются 8 магистерских программ на английском языке, осуществляются 12 международных совместных образовательных программ, 4 программы двойного диплома с университетами США, Австралии, КНР. Ежегодно в этих программах принимают участие более 400 человек. ДВФУ – единственный российский вуз, имеющий аккредитованный японским Правительством филиал на территории Японии [9].

Важную роль в укреплении сотрудничества России со странами АТР в сфере образования играют университеты, заинтересованные в установлении и поддержании взаимовыгодных связей с российскими образовательными учреждениями, путём расширения академической мобильности преподавателей и студентов. ДВФУ, в частности, проводит большое количество мероприятий в сфере работы с молодежью стран АТР. Так, например, ежегодно проводятся международные летние и зимние школы «Россия – Дальний Восток», «Мост дружбы Владивосток – Янцзы», фестиваль иностранных студентов из стран АТР, дни открытых дверей ДВФУ в КНР и др., в которых принимает участие большое количество иностранной молодежи из стран АТР. Данные мероприятия носят просветительский характер и организованы с целью расширения профессионального кругозора, повышения квалификации, формирования навыков профессиональной коммуникации среди иностранных студентов и обучающихся.

Наиболее значимым институциональным партнёром ДВФУ в сфере интернационализации образования является Ассоциация тихоокеанских университетов (APRU) – ведущий в АТР образовательный сетевой консорциум, объединяющий 45 ведущих университетов из 16 стран Тихоокеанского региона (США, Канады, Мексики, Чили, Австралии, Новой Зеландии, Сингапура, Индонезии, Малайзии, Филиппин, Таиланда, Республики Корея, Японии, Китая, Тайваня, России). При этом ДВФУ является единственным российским членом этой ключевой для региона неправительственной организации (НПО) в сфере образования.

Цель Ассоциации – содействие социально-экономическому развитию АТР через расширение научного, образовательного и культурного сотрудничества между странами и университетами региона. В своей деятельности она придерживается глобальных академических и исследовательских стандартов и в качестве сетевой структуры стремится вносить вклад в развитие мирового и регионального сообщества с помощью: 1) поиска новых форм организации высшего образования и научных исследований в АТР; 2) воспитания глобальных лидеров в АТР; 3) партнёр-

ства в решении проблем, стоящих перед АТР, и поиске ответов на глобальные и региональные вызовы.

В целях содействия развитию партнерских связей между вузами АТР Ассоциация ежегодно проводит такие мероприятия, как встреча старших должностных лиц (ректоров, проректоров), форум образовательных и научно-исследовательских технологий, конференции аспирантов и докторантов университетов-членов Ассоциации, нацеленные на развитие академической мобильности, краткосрочные летние школы для студентов и др.

Взаимодействие ДВФУ с этой организацией усилилось в последние два года, когда в июне 2013 г. в новом кампусе ДВФУ на о. Русский было проведено 17-е ежегодное Собрание ректоров APRU, а в сентябре 2014 г. и 2015 г. – третья и четвертая международные конференции под названием: «Развитие сотрудничества в сфере образования и академической мобильности в АТР».

Большое внимание со стороны университета уделяется развитию программ обучения русскому языку для иностранных граждан и их популяризации в странах АТР. Так, с 2013 г. в рамках инфраструктурного проекта «Становление университета как ведущего центра русского языка как иностранного (РКИ) в АТР» Программы повышения конкурентоспособности российских вузов (Проект 5-100) ДВФУ проводит масштабную работу по созданию и функционированию на базе средних и высших образовательных учреждений стран АТР Центров подготовки по русскому языку (ЦПРЯ) с обязательным направлением преподавателей русского языка как иностранного для реализации учебного процесса по программе подготовительного отделения. Целью проекта является создание эффективной системы подготовки иностранных граждан по русскому языку в ДВФУ и за рубежом, направленной на повышение качества владения русским языком иностранными абитуриентами и студентами. В настоящее время (за период 2013–2016 гг.) создано 12 ЦПРЯ на территории КНР (пров. Хэйлунцзян, Шаньдун, Чжецзян) с общей численностью обучающихся более 700 чел. [9].

С сентября 2014 г. ДВФУ совместно с Государственным советом КНР по стипендиям реализует масштабный международный проект «Китай – остров Русский», поддержанный правительствами России и КНР и направленный на подготовку китайских студентов по русскому языку. В настоящее время в рамках данного проекта по различным формам подготовки – от языковой стажировки до программ магистратуры и аспирантуры проходят обучение более 200 китайских студентов, которые имеют возможность не только интенсивно изучать русский язык, но и проходить дополнительные дисциплины, направленные на закрепление навыков делового русского языка, освещение различных аспектов русской культуры, исто-

рии, традиций, искусства, вопросов этикета и особенностей развития Дальнего Востока России [9].

Не менее перспективным проектом в области популяризации русского языка в Китае стал созданный в 2015 г. на базе ДВФУ трёхсторонний международный Центр переподготовки и повышения квалификации преподавателей русского языка из стран АТР совместно с Государственным институтом русского языка имени А.С. Пушкина и Хэйлунцзянским университетом (ведущим вузом КНР в области русистики). В рамках данного центра осуществляется подготовка переводчиков-синхронистов высшего уровня в области русского языка для стран АТР, повышение квалификации, переподготовка зарубежных преподавателей-русистов, включая обмен молодыми преподавателями русского языка из России и стран АТР, организуются выездные семинары для зарубежных филологов-русистов (мастер-классы, круглые столы, лекции), совместно ДВФУ и Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина проводятся тематические летние школы для студентов и преподавателей-филологов, создаются учебно-методические центры по РКИ в заинтересованных зарубежных вузах. Так, например, в октябре 2015 г. на базе ДВФУ была проведена школа-семинар для зарубежных преподавателей РКИ «Русский язык, литература и культура в учебной аудитории» с участием более 50 преподавателей из стран АТР.

Вышеприведенные примеры деятельности ДВФУ дают основания полагать, что существующий задел в сфере интернационализации образования и науки позволит достигнуть стратегической цели университета на период до 2020 г. – становление его в качестве ведущего научно-образовательного и инновационного центра России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Также следует отметить, что помимо ДВФУ на образовательном рынке АТР активно работают и вузы Сибири, Урала, Республики Татарстан и Центральных регионов России. Так, например, Новосибирский государственный университет (НГУ) и Хэйлунцзянский университет реализуют пилотный образовательный проект «Китайско-российский институт», в рамках которого происходит русскоязычное обучение китайских студентов как в Китае, так и непосредственно в НГУ силами преподавателей университета. Томским политехническим университетом реализуются сетевые бакалаврские программы (2+2) с Цзилиньским университетом (КНР) и Шеньянским политехническим университетом Китая. С сентября 2016 г. начнёт свою работу созданный на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова совместный российско-китайский университет в городе Шэньчжэнь.

В последние годы активно развиваются совместные сетевые университеты СНГ, БРИКС, ШОС, где на паритетных началах ведётся работа между

российскими и национальными университетами стран регионов. С учётом положительного опыта университета ШОС перспективным проектом могло бы стать создание Евразийского университета и университета АТЭС, которые бы готовили специалистов, в том числе и в области интеграции, для стран Евразийского союза и АТР. Это особенно важно для России, так как речь идёт о соседних государствах, объединённых общим историческим прошлым, значительная часть населения которых говорит на русском языке.

С 2013 г. при поддержке Россотрудничества и Министерства образования и науки РФ рядом российских университетов ежегодно проводится цикл предметных олимпиад «Время учиться в России!» для школьников, желающих получить образование в России. В настоящее время проект реализуется в КНР, Вьетнаме, Индии, Монголии и ряде других стран. Цель олимпиад – повышение интереса к российскому образованию и отбор талантливых ребят для обучения в российских университетах на бюджетной основе.

Кроме этого Россия регулярно принимает участие в заседаниях рабочих групп международных организаций (АТЭС, АСЕАН, ШОС, БРИКС) по проблемам глобальных вызовов, развития человеческого капитала, экономики, основанной на знаниях вопросов экологии, здравоохранения, разоружения, международного права, на которых обсуждаются актуальные вопросы современности, такие как воспитание глобальных лидеров, личности безопасного типа, человека третьего тысячелетия. Главная роль при этом отводится развитию образования и интернационализации национальных университетов на региональном уровне.

Таким образом, в настоящее время в АТР реализуются крупные международные проекты, направленные на усиление интернационализации образования и формирование единого образовательного пространства. Потенциал региона огромен и с точки зрения численности населения, и с учётом темпов социально-экономического развития. В интересах России как евроазиатской страны – стать активным участником динамичных процессов интеграции образовательного пространства в АТР как на уровне Правительства, Министерства образования и науки РФ, так и на уровне университетов, в первую очередь представляющих дальневосточные регионы страны. Это особенно актуально в постиндустриальную эпоху, когда образование выдвигается в число ключевых элементов «высокой» мировой политики, становясь одним из факторов обеспечения национальной безопасности государств, формирования их позитивного восприятия на международной арене.

Российская высшая школа может и должна стать эффективным инструментом «мягкой силы» во внешней политике нашей страны на ближайшую перспективу. В первую очередь данный инструмент должен быть

направлен на решение следующих важнейших задач: повышение академической репутации российских университетов, укрепление позиций России в продвижении русского языка и русской культуры за рубежом, рост востребованности российских специалистов и учёных на международном рынке труда, большая включенность России в работу международных образовательных институтов (ассоциаций, организаций, сетевых университетов) на двусторонней и многосторонней основе, увеличение потока взаимобмена студентами, профессорско-преподавательским составом.

Одним из ключевых аспектов интеграции российского образования в образовательное пространство АТР является создание университетской сети в АТР, которая поможет подготовить высококвалифицированных специалистов, будет способствовать доступу к достижениям ведущих вузов региона, мобильности студентов, преподавателей и научных сотрудников, разработке совместных программ и курсов, созданию центров коллективного пользования.

Значительная роль в достижении указанных целей и задач на образовательном пространстве АТР во многом отводится (помимо Россотрудничества) и самим российским университетам, прежде всего Дальневосточному федеральному университету, призванному, по мнению Президента РФ В.В. Путина, стать «интеллектуальной доминантой», центром коммуникации и партнерства России с элитами и субъектами инновационной экономики стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Как представляется, в настоящее время работа по продвижению российских образовательных услуг требует более масштабного, системного и скоординированного подхода. В частности, на государственном уровне России следовало бы проводить более масштабную и точечную работу с соотечественниками в странах АТР при существенном увеличении количества иностранных граждан, принимаемых на обучение за счёт ассигнований федерального бюджета. Целесообразно создание эффективно действующих ассоциаций иностранных выпускников российских вузов в странах региона, разработка гибких академических, правовых и финансовых траекторий, приведение их в соответствие с международными образовательными стандартами.

Кроме этого российским университетам необходимо повышать качество и конкурентоспособность разрабатываемых образовательных и научных продуктов в странах АТР, с их привязкой к дальнейшей профессиональной траектории обучающихся, в соответствии с требованиями рынка труда АТР, реализации перспективных международных проектов стран региона с участием России, что повлечет за собой рост интереса к российскому образованию и изучению русского языка.

Решение указанных задач в образовательной сфере будет способствовать повышению эффективности реализации национальных интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, её поэтапной интеграции в политическое и экономическое региональное пространство, регулярному участию в глобальной повестке по ключевым вопросам, таким как развитие человеческого капитала, борьба с международным терроризмом, обеспечение устойчивого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыденко, А. Россия и страны АТР заинтересованы в развитии многостороннего и взаимовыгодного сотрудничества [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 2014. – № 10. – С. 133–144. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/12093>.
2. Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом [Электронный ресурс] : утв. МИД России 27 марта 2014 г. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70892382/#ixzz4DQ8tyxSx>.
3. Российские вузы с успехом привлекают иностранных студентов, чтобы подняться в мировом рейтинге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/19feb2015/inostud.html>.
4. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/50643>.
5. «Единая Россия» проконтролирует ситуацию с реализацией проекта «5-100» [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Единая Россия». – Режим доступа: <http://er.ru/news/125735/>.
6. Программа повышения конкурентоспособности российских университетов (Проект 5-100) [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/projects/5-100>.
7. Программа повышения конкурентоспособности Дальневосточного федерального университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dvfu.ru/web/ispolnitelnaa-direkcia-programmy-razvitiia/programma-povysheniia-konkurentosposobnosti-dvfu>.
8. Программа развития Дальневосточного федерального университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dvfu.ru/documents/78565/>.
9. Дальневосточный федеральный университет [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.dvfu.ru/web/international/news>.

REFERENCES

1. Davydenko A. Russia and APR countries are interested in the development of multilateral and mutually beneficial cooperation. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2014, no. 10, pp. 133–144. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/12093> (accessed 18 February 2016). (In Russian).
2. *The concept of promotion of Russian education on the basis of representations abroad Rossotrudnichestvo*: approved The Ministry of Foreign Affairs of Russia 27 March 2014. Available at: <http://base.garant.ru/70892382/#ixzz4DQ8tyxSx> (accessed 18 February 2016). (In Russian).
3. *Russian universities successfully attract foreign students to climb in the world rankings*. Available at: <http://www.newsru.com/russia/19feb2015/inostud.html> (accessed 18 February 2016). (In Russian).
4. *The concept of Russian language governmental support and promotion*. Available at: <http://kremlin.ru/acts/news/50643> (accessed 18 February 2016). (In Russian).
5. «United Russia» will check the situation with the implementation of «5-100» project. *The official website of the party «United Russia»*. Available at: <http://er.ru/news/125735/> (accessed 14 May 2015).
6. The program will improve the competitiveness of Russian Universities (Project 5-100). *The Ministry of Education and Science of the Russian Federation: the official. site*. Available at: <http://минобрнауки.рф/projects/5-100> (accessed 18 February 2016). (In Russian).
7. *The program is improving the competitiveness of the Far Eastern Federal University*. Available at: <http://www.dvfu.ru/web/ispolnitelnaa-direkcia-programmy-razvitiya/programma-povysheniya-konkurentosposobnosti-dvfu> (accessed 14 May 2015). (In Russian).
8. *Development Programme Far Eastern Federal University*. Available at: <http://www.dvfu.ru/documents/78565/> (accessed 14 May 2015). (In Russian).
9. *Far Eastern Federal University: official. site*. Available at: <http://www.dvfu.ru/web/international/news> (accessed 10 May 2016).

.....**ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО**
.....
ВОСТОКА
THE ECONOMY OF RUSSIAN FAR EAST

УДК 639.2/.3-027.563:351(571.6)

С.Г. Ше¹

«Hankook I. S.» со. Ltd, г. Ансан, Республика Корея

E-mail: Sosongun@rambler.ru

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЫБНОМ ХОЗЯЙСТВЕ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

Аннотация. Сокращение объёмов добычи гидробионтов в России в 1991–2002 гг. привело к кризисной ситуации в рыбопереработке и к динамичному росту малого рыболовства. В целом, об эффективной предпринимательской деятельности в рыбном хозяйстве РФ говорить сегодня сложно. По нашему мнению, рецессия предпринимательства прямым образом связана с отсутствием государственной поддержки. В условиях, когда основные проблемы в экономике связаны с сокращением безработицы, опыт государственного регулирования малого бизнеса в рыбном хозяйстве на Дальнем Востоке России можно оценить как крайне неудачный. Между тем, в периоды социальных потрясений мировое сообщество не раз обращалось к кооперации как к универсальной и гибкой форме, являющейся важным институтом развития малого бизнеса. К сожалению, в рыбном хозяйстве постперестроечной России этот опыт во многом забыт. В статье представлен геоэкономический подход к организации управления водными и биологическими ресурсами Дальневосточного бассейна, позволяющий усовершенствовать государственное управление

¹ Ше Сон Гун, кандидат экономических наук, служащий «Hankook I.S.» со. Ltd, г. Ансан, Республика Корея.

Для цитирования: Ше, С.Г. Государственное регулирование и организация предпринимательской деятельности в рыбном хозяйстве Дальнего Востока России // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2016. – № 3. – С. 55–87.

© Ше С.Г., 2016

рыбохозяйственным комплексом, с целью укрепления продовольственной безопасности страны. Предложена трёхзвенная схема системы управления водными и биологическими ресурсами в Тихоокеанском геоэкономическом регионе. Приведена характеристика особенностей отраслевого управления в РФ. Исследованы современные методы государственного регулирования предпринимательской деятельности в рыбном хозяйстве Республики Корея. Приведено сравнение с российским опытом организации рыбохозяйственной деятельности. Предлагается усовершенствование государственного регулирования малого предпринимательства на основе поддержки кооперативных отношений в рыболовстве. Представлена характеристика развития артелей в России. Разработаны принципы артельного подхода. Предложена трёхзвенная схема управления кооперативным сектором в рыбном хозяйстве. Полученные результаты имеют практическую значимость для развития малого бизнеса в рыбном хозяйстве прибрежных регионов.

Ключевые слова: геоэкономический регион, государственное регулирование, продовольственная безопасность, водные биологические ресурсы, малое предпринимательство, кооператив, рыбное хозяйство прибрежного региона, артель, принципы организации малого бизнеса, Дальний Восток России, Республика Корея.

S.G. She¹

«Hankook I.S.» co. Ltd, city of Ansan, Republic of Korea

E-mail: Sosongun@rambler.ru

STATE REGULATION AND ORGANIZATION OF BUSINESS ACTIVITY IN THE FISHING INDUSTRY OF THE RUSSIAN FAR EAST

Abstract. Reduction of volumes of production of hydrobionts in Russia in 1991–2002 years has led to a crisis situation in fish processing and to the dynamic growth of small fishery. Generally, it is difficult to speak about any effective business activity in fishery of the Russian Federation. In our opinion, business reces-

¹ She, Son Gun, PhD, employee «Hankook I. S.» co. Ltd, city of Ansan, Republic of Korea.

For citing: She, S.G. State regulation and the organization of business activity in the fishing industry of the Russian Far East // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2016, no. 3, p. 55–87.

sion directly is connected with lack of the state support. In conditions when the main problems in economy are connected with unemployment reduction, experience of state regulation of small business in fishery in the Far East of Russia can be estimated as extremely unsuccessful. Meanwhile during the periods of social shocks the world community addressed cooperation as to the universal and flexible form which is important institute of development of small business more than once. Unfortunately, after the adjustment period in the Russian fishing industry, this experience has been mostly forgotten. The geoeconomic approach to organizing water and biological resources management on the Far East Basin has been worked out. This approach allows improving state management of the fisheries industry in order to strengthen food supply security of the country. The author offers a tree-chain scheme of water and biological resources control system in the Pacific geoeconomic region. The author provides a description of sectoral management in the Russian Federation. Modern methods of state regulation of business activity in fishery of Republic of Korea are investigated, its efficiency is evaluated. The South Korean approaches to regulation of small business are compared with this practice in Russia. The research results have considerable practical importance for small-scale business development in the fisheries of the coastal region. The author characterizes development of cooperatives in Russia, works out principles of cooperative approach, and proposes a three-link scheme of running cooperative sector in fishery. In this article we propose to improve state regulation of small business by supporting cooperative relations in fishery.

Key words: geoeconomic region, state regulation, food safety, small entrepreneurship, cooperative, the fisheries of the coastal region, principles of organizing small entrepreneurship, Russian Far East, Republic of Korea.

Развиваемый в работе геоэкономический подход к управлению национальной экономикой предполагает выделение соответствующих региональных структур – геоэкономических регионов. Разработка подобной системы управления приведёт к укреплению экономической безопасности страны в условиях санкций. По этой причине реформирование рыбного хозяйства, ведущей отрасли на Дальнем Востоке России, обуславливает необходимость исследования целого ряда проблем, связанных с вопросами совершенствования государственного регулирования и поддержки предпринимательской деятельности.

Цель исследования заключается в разработке подходов к развитию и организации предпринимательской деятельности в Дальневосточном регионе России на основе российского и зарубежного опыта развитых морских стран (Великобритания, КНР, Республика Корея).

Объектом исследования является малое предпринимательство и системы управления им на различных уровнях в России и за рубежом.

Статья посвящена проблемам развития предпринимательской деятельности и укрепления экономической безопасности на Дальнем Востоке России.

1. Реформирование системы управления в Тихоокеанском геоэкономическом регионе водно-биоресурсного типа

Одним из основных объектов экономически небезопасного влияния на Дальнем Востоке России является водная субстанция – это морские границы и водно-биологические ресурсы (ВБР) бассейнов Жёлтого, Японского, Охотского морей, экосистемы бассейна реки Амур и более мелких рек. К таким проявлениям следует отнести: санкции, введённые США и рядом Европейских стран в отношении РФ; делимитационный конфликт, давно существующий между Японией и Россией относительно принадлежности Курильских островов; незаконный оборот водных биологических биоресурсов (см. табл. 1.1); загрязнение акватории реки Амур пограничным г. Хэйхэ (КНР) [1, с. 39–40].

Роль государства в таких регионах, как Дальний Восток, всегда являлась решающей. Например, Аляска и Хоккайдо при поддержке своих правительств имеют сегодня устойчивый путь развития. При этом потеря населения на российском Дальнем Востоке за 1990-е годы к 2003 г. составила 1,4 млн чел. Многие учёные утверждают, что в России в целом и на Дальнем Востоке в частности необходимо менять устаревшее административно-территориальное деление [2, с. 8].

При рассмотрении вопросов развития экономики страны в контексте обеспечения экономической безопасности региональный аспект выделяется, прежде всего, тем, что хозяйственные регионы формируются как инфраструктурные образования, а их интернационализация и глобализация является системным средством обеспечения конкуренто- и жизнеспособности народного хозяйства как целостного комплекса. При таком видении национальная экономика может быть представлена как сеть региональных экономик, в которой каждый регион связан с каждым и сам образует один из центров подготовки общих для всей сети решений. Следует отметить, что геоэкономический подход к проблеме экономической безопасности страны отражает, в первую очередь, тенденцию переноса «центра тяжести» международной конкуренции из сферы непосредственного межгосударственного взаимодействия с применением военной силы в экономическую сферу.

Особое место в современном районировании России занимают федеральные округа, сформированные в соответствии с Указом Президента РФ

от 13 мая 2000 г. за № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в Федеральном округе». Концепция формирования федеральных округов, по мнению В. Ю. Рогова, исходит из опоры на имеющиеся силовые структуры, поскольку их границы не совпадают с действующей сеткой экономического районирования страны, но практически полностью совпадают с границами военных округов [18, с. 125].

Применительно к Дальнему Востоку, по мнению В. Дворцова, «ключевым внешним признаком геоэкономического региона является наличие и возможность наращивания ресурсно-коммуникационного потенциала внутристранового и международного значения» [5, с. 167]. Далее автор приводит схему «потенциальных субъектов северо-восточного геоэкономического прибрежного тихоокеанского квазирегiona, состоящих из Сахалинской области с Южным, Центральным и Северным районами Курильских островов; Камчатской области с Корякским АО; Магаданской области и Чукотского АО» [5, с. 167].

Подход к территориальному делению страны, разработанный учёными под руководством академика РАН А. Г. Гранберга, заключается в том, что «при реформировании существующего деления территории страны в первую очередь нужно исходить из административно-экономической целесообразности объединения. Так, в частности, в Тихоокеанский регион предлагается включить только Приморский край, Сахалинскую область и Камчатский край» [5, с. 167].

Отказаться от комплексного социально-экономического развития Дальнего Востока в пользу стратегии концентрации ресурсов на территориях с комфортными для проживания условиями предлагает В. Л. Ларин. По его мнению, существуют две зоны. Первая зона индустриального развития Хабаровск – Комсомольск, которая может обеспечить оборонную функцию. Вторая зона – юг Приморья, обеспечивающая транспортную функцию [10, с. 14–15].

Геоэкономический подход к управлению национальной экономикой, разработанный В. Ю. Роговым, предполагает выделение соответствующих региональных структур – геоэкономических регионов. В зависимости от значения отдельных факторов экономического развития региона в качестве территориальной структуры хозяйства страны, взаимодействующей с зарубежными странами, могут быть выделены геоэкономические регионы различного типа – транспортного, ресурсного, инновационного. Учитывая особое значение водных и биологических ресурсов Дальнего Востока, в качестве программного региона может быть образован внутренний Тихоокеанский геоэкономический регион водно-биоресурсного типа [17, с. 93].

Применяемый в настоящее время бассейновый принцип в построении системы управления рыболовством не имеет сегодня чёткого оформления, и под бассейнами зачастую понимаются акватории вокруг регионов – субъектов Российской Федерации. Вполне очевидно, что подобного рода границы рыбного промысла в рамках одного геоэкономического образования не имеют существенного значения, поскольку системообразующий конструкт, в качестве которого должен выступить бассейн Тихого океана, отсутствует.

Дальневосточный рыбохозяйственный бассейн включает в себя «Чукотское море с бассейнами впадающих в него рек, Берингово море с бассейнами впадающих в него рек, воды Тихого океана, прилегающие к Восточной Камчатке и Курильским островам, с бассейнами впадающих в него рек, Охотское море с бассейнами впадающих в него рек, Японское море с бассейнами впадающих в него рек, а также водные объекты рыбохозяйственного значения, расположенные на сухопутной территории Российской Федерации в границах Чукотского автономного округа; Приморского, Хабаровского и Камчатского краёв; Еврейской автономной области; Сахалинской, Магаданской и Амурской областей, ограниченные бассейнами вышеуказанных рек...» [28].

Тихоокеанский геоэкономический регион водно-биоресурсного типа может быть сформирован только из территорий российского Дальнего Востока, рыбохозяйственная деятельность которых тесно связана с обеспечением продовольственной безопасности страны. По этой причине те регионы, у которых отсутствуют соответствующие показатели, не должны рассматриваться в качестве системообразующих областей, к таким территориям следует отнести: Амурскую область, Республику Саха (Якутия), Еврейскую АО, Чукотский АО, Корякский АО. Таким образом, Тихоокеанский геоэкономический регион водно-биоресурсного типа должен состоять из Хабаровского, Приморского и Камчатского краёв, а также из Сахалинской и Магаданской областей. Разработка подобной системы управления приведёт к укреплению продовольственной безопасности страны, усилению государственного контроля в сфере использования и охраны водных и биологических ресурсов.

Одним из прототипов геоэкономических субъектов управления может служить Акционерное Камчатское общество (АКО), организованное в 1927 г. Причиной создания АКО, пишет Ю.П. Воронов, «...была объективная невозможность советской власти утвердиться на дальних окраинах России. В 1926 г. ОГПУ стало известно о нелегальном съезде на Камчатке, участники которого ходатайствовали перед Японией об оказании помощи для свержения советской власти. В первый год своего существования АКО

получило 24 рыболовных и краболовных участка и три рыбоконсервных завода. К началу Великой Отечественной войны АКО имело уже 26 рыбокомбинатов и рыбозаводов, 188 рыболовных и краболовных участков, 17 консервных заводов и 9 холодильников. Но главное – Советскому Союзу удалось сохранить за собой Камчатку и Чукотку, что в случае вооруженного конфликта было бы невозможно» [4].

В качестве современного аналога государственной корпорации геэкономического масштаба может служить готовящееся российскими властями создание госкомпании по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока, которая будет подчиняться напрямую президенту страны и фактически станет «государством в государстве». Задачей компании станет «привлечение инвестиций в освоение территории Сибири и Дальнего Востока и эффективное использование природных ресурсов» [26].

Геэкономическая управляемость экономикой регионов достигается, прежде всего, за счёт применения механизмов стратегического планирования и разработки организационных структур, позволяющих реализовывать эти планы. В качестве проявления тенденций к институциональному оформлению субъекта управления Тихоокеанским геэкономическим регионом могут служить озвученные рекомендации работников рыбохозяйственного комплекса, адресованные Правительству РФ на третьем отраслевом Всероссийском съезде, который прошел 16 февраля 2012 г. в Москве. Так, по итогам конференции были приняты предложения о необходимости расширения полномочий Федерального агентства по рыболовству (Росрыболовство) и создания министерства рыбного хозяйства [9].

Геэкономический подход к управлению поможет бороться и с теневым использованием водных биоресурсов, в частности с главной причиной сокращения гидробионтов – браконьерством. На сегодняшний день незаконный оборот морских биоресурсов можно назвать одной из основных угроз экономической безопасности России. Практика морской охраны Тихоокеанского регионального управления показывает, что наиболее опасной в этой сфере является деятельность не только иностранных, но и российских рыболовных компаний (см. табл. 1.1).

Следует отметить, что организационно-экономические аспекты государственного регулирования в рыбохозяйственной деятельности исследовались в трудах В.О. Бобырева, А.П. Жука, Е.А. Романова, Г.Д. Титовой, Д.К. Шевченко и др. Согласно подходу В.О. Бобырева, необходимо восстановить министерство рыбного хозяйства и вернуть ему функции, которые были при СССР. При таком подходе упор делается на реформирование субъекта управления [6], [3].

Таблица 1.1

Классификация незаконной предпринимательской деятельности в рыболовстве

Классификационные признаки	Субъекты	Вид рыболовства	Функции	Районы браконьерского промысла ВБР	Преступный сговор с коррумпированными чиновниками и прочими представителями государственных органов власти РФ
Иностранное (пиратское) браконьерство	Нерезиденты РФ, граждане РФ, входящие в экипаж иностранного рыболовного судна	Прибрежное, промышленное рыболовство	Браконьерская добыча ВБР – контрабанда – сбыт	Исключительная экономическая зона и территориальные воды РФ	Отсутствует или возникает в виде взятки при осуществлении браконьерства
Организованное браконьерство	Нерезиденты РФ; предприниматели официального сектора экономики; граждане РФ, входящие в экипаж иностранного рыболовного судна; неофициально работающие предприниматели и их сообщества	Прибрежное, промышленное рыболовство	Браконьерская добыча ВБР – переработка – контрабанда – сбыт	Прибрежная зона, исключительная экономическая зона и территориальные воды РФ	Преступные взаимоотношения (взятка, преступное обеспечение квотами, силовое и прочее прикрытие преступной деятельности)
Прибрежное браконьерство	Предприниматели; физические лица; неофициально работающие предприниматели и их сообщества	Прибрежное, любительское рыболовство	Браконьерская добыча ВБР – переработка – сбыт	Нерестовые реки, прибрежная зона, исключительная экономическая зона и территориальные воды РФ	Отсутствует или возникает в виде взятки при осуществлении браконьерства

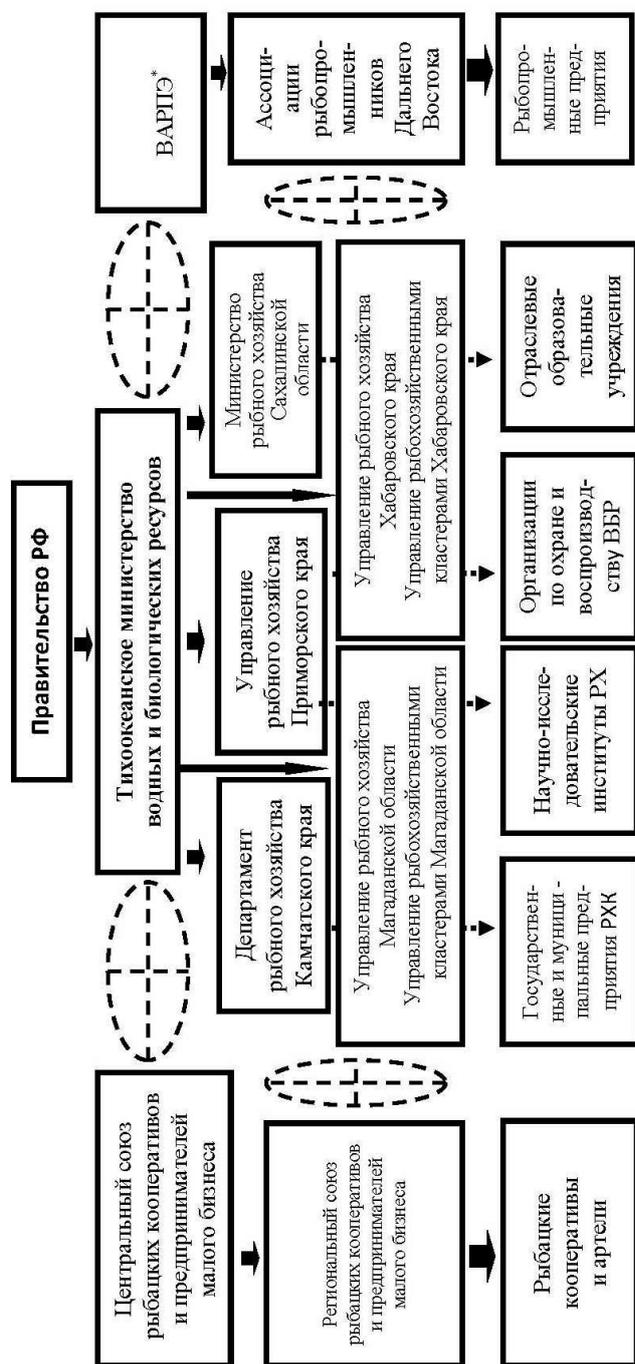

Рис. 1.1. Трёхзвенная система управления водными и биологическими ресурсами в Тихоокеанском геоэкономическом регионе (Тихоокеанское министерство водных и биологических ресурсов – департамент, управление рыбного хозяйства субъекта федерации, региональный промышленный кластер – производственное объединение, предприятие)

* Всероссийская ассоциация рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров (ВАРПЭ).

Таким образом, одной из главных причин ухудшения уровня социально-экономического развития Дальнего Востока является неэффективная система управления рыбохозяйственным комплексом. Так, если в дореформенный период отраслевые министерства и ведомства выступали в качестве связующего звена в системе управления народным хозяйством между Госпланом СССР и предприятием, то в настоящее время, когда отрасль состоит из нескольких тысяч малых и средних предприятий, управляемость в среднем звене практически отсутствует.

По нашему мнению, на начальном этапе реформирования геоэкономического министерство должно быть организовано на региональном уровне (см. рис. 1.1). Например, в послевоенный период (1946–1948 гг.) отраслью руководили два министерства: Министерство рыбной промышленности восточных районов СССР и Министерство рыбной промышленности западных районов СССР, т.е. в данный период объектом для организации субъекта управления являлись такие районы, которые вносили весомый вклад в укрепление продовольственной безопасности страны. С 1948 г. по 1957 г. рыбной отраслью управляло Министерство рыбной промышленности СССР. В период с 1965 г. по 1991 г. – общесоюзное Министерство рыбного хозяйства СССР. Следует иметь в виду, что централизация управления рыбной отраслью была важнейшим фактором роста объёмов добычи рыбы и производства рыбной продукции. Так, в 1990 г. централизованная система управления обеспечила среднегодовое потребление рыбных товаров в стране до 20,3 кг против 11,4 кг в 2004 г. [20, с. 9].

Проведём оценку влияния рыбохозяйственной деятельности Тихоокеанского геоэкономического региона на формирование продовольственной безопасности страны. Информационной базой исследования явились данные Федеральной службы государственной статистики. Расчёты проведены с использованием MS Excel и Statistica. Данные и результаты оценки значимости модели приведены в таблицах 1.2–1.4.

Рыбохозяйственная деятельность имеет большое значение в обеспечении продовольственной безопасности страны, поскольку одним из десяти целевых индикаторов, определяющих уровень достижения рациональных норм потребления пищевых продуктов в Российской Федерации, является уровень потребления рыбных продуктов на душу населения. Так, несмотря на удорожание товаров и услуг первой необходимости на фоне низких доходов населения, рыба и морепродукты остаются в ряду важнейших компонентов рациона питания основных групп населения.

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) включает пять основных рыбохозяйственных регионов. В табл. 1.3 просуммируем показатели субъектов федерации из данных табл. 1.2, на основе полученных данных составим

регрессионную модель на предмет определения зависимости показателей рыбохозяйственных комплексов приведенных территорий ДВФО. Так, из табл. 1.2 видно, что структура Тихоокеанской геоэкономической модели водно-биоресурсного типа по принципу обеспечения продовольственной безопасности страны может состоять из Хабаровского, Приморского и Камчатского краев, а также Сахалинской и Магаданской областей.

Таблица 1.2

Показатели рыбохозяйственной деятельности на Дальнем Востоке*

Го- ды	Сахалин- ская область	Камчат- ский край	Примор- ский край	Хабаров- ский край	Магадан- ская область
<i>Улов рыбы, тыс. тонн</i>					
2007	522,3	690,1	700,6	146,8	108,0
2008	475,3	727,7	690,6	147,4	93,0
2009	642,9	838,9	660,7	182,1	100,9
<i>Рыба живая, свежая или охлажденная, тонн</i>					
2010	526761,3	157000,0	56494,0	9918,5	86921,5
2011	706598,8	184738,1	76839,2	22457,0	102410,4
2012	696738,7	183718,8	82161,4	30023,4	88819,7
2013	760058,6	170532,2	76339,8	26199,3	79635,4
2014	528699,7	165369,8	57556,6	... **	57081,3
2015	544344,6	168638,9	35543,0	...	56601,6
<i>Вывоз рыбы и продуктов рыбных переработанных (без рыбных консервов), тыс. тонн</i>					
2007	290,3	361,3	289,4	79,1	54,5
2008	335,6	339,3	-	122,9	59,9
2009	417,6	415,5	37,0	110,8	52,1
2010	304,8	377,0	376,2	132,0	78,9
2011	260,3	381,3	382,0	121,6	89,3
2012	281,5	415,0	417,3	...	75,3
2013	303,2	414,1	408,1	...	53,9
2014	325,4	310,3	368,4	...	43,0
2015	376,3	373,4	416,1	...	43,0

* Данные предоставлены Территориальным органом государственной статистики по Сахалинской области.

** ... – Данные не размещаются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных.

Окончание табл. 1.2

Го- ды	Сахалин- ская область	Камчат- ский край	Примор- ский край	Хабаров- ский край	Магадан- ская область
<i>Вывоз рыбных консервов, тыс. усл. банок***</i>					
2007	32692,3	4421,4	11454,7	366,0	-
2008	46864,6	5019,8	-	525,3	-
2009	45065,7	1575,9	8952,1	972,9	-
2010	38615,8	4737,2	1830,0	907,6	-
2011	18516,0	1282,0	8231,0	794,6	-
2012	27058,2	2896,0	8289,3	...	-
2013	32161,9	2749,0	19373,1	...	-
2014	17657,3	301,0	17102,1	...	-
2015	13901,2	62,0	80993,6	...	-

Для отображения зависимости переменных используем модель линейной взаимосвязи. Модель множественной регрессии имеет следующий вид:

$$y_i = a + b_1x_1 + b_2x_2 + b_3x_3 + \varepsilon_i,$$

где y_i – среднедушевое потребление рыбы в РФ; a – свободный член регрессии; b_i – подлежащие оцениванию неизвестные параметры регрессионной модели; x_1 – вывоз рыбы, без консервов из Дальнего Востока; x_2 – улов рыбы на Дальневосточном бассейне; рыба живая, свежая или охлажденная; x_3 – вывоз консервов из Дальнего Востока; ε_i – ошибка, показатель случайных отклонений.

Самая высокая корреляция из приведенных данных табл. 1.4 наблюдается между среднедушевым уровнем потребления рыбы в РФ и вывозом рыбы из Дальнего Востока, что достаточно логично, поскольку на Дальневосточном бассейне на 1 ноября 2016 г. было добыто 67 % рыбы (2 млн 795,4 тыс. тонн) от вылова всех российских пользователей (4 млн 150,9 тыс. тонн) [29]. Следует отметить, что показатель «улов рыбы» считался до 2009 г., однако с 2010 года поменялась номенклатура продукции, соответственно появился новый показатель – «рыба живая, свежая или охлажденная», но это несопоставимые значения. Именно по этой причине, на наш взгляд, данный показатель отражает обратную корреляцию ($r_{2y} = - 0,605347$) и поэтому не может быть включен в модель. На основе

*** По Магаданской области вывоз рыбных консервов не осуществлялся.

оставшихся коэффициентов (см. табл. 1.4) построим однофакторную модель, оценим полученное уравнение регрессии.

$$Y = - 0,063530 + 0,015596 X_1$$

Проведем оценку адекватности однофакторного регрессионного уравнения на предмет определения значимости соответствующих критериев. Коэффициент детерминации R^2 означает функциональную зависимость между переменным, чем ближе значение коэффициента к 1, тем сильнее зависимость. В нашем случае множественный $R^2 = 0,49857912$, что говорит о среднем уровне зависимости; в данном случае каждый фактор объясняет 49,85 % зависимой переменной y , следовательно, отклонение зависимой переменной от расчётных значений незначительное.

Таблица 1.3

**Статистические данные об основных показателях
рыбохозяйственной деятельности на Дальнем Востоке РФ**

Год	Среднедушевое потребление рыбы в России, кг	Вывоз рыбы из ДВ региона, без консервов, тыс. тонн	Улов рыбы в Дальневосточном бассейне; рыба живая, свежая или охлажденная, тонн	Вывоз рыбных консервов из ДВ региона, туб
2000	10	719,2	2330,9	33371,7
2001	11	768,1	2161	32312
2001	11	766	1788,1	29343,6
2003	11	773,4	2031,3	27628,8
2004	12	752	1762,8	74684,7
2005	13	858,3	2018,1	41398,2
2006	13	819,6	2052,7	44218,6
2007	14	1134,9	2167,8	48934,4
2008	13	1216,1	2134	61209,7
2009	15	1339,5	2425,5	56566,6
2010	18	1268,9	1528,401	46090,6
2011	25	1234,5	1796,6664	28823,6
2012	22	1189,1	1820,8821	38243,5
2013	22	1179,3	1799,7937	54284
2014	22,3	1047,1	1326,7813	35060,4
2015	20,5	1208,8	1124,9466	94956,8

Из анализа данных табл. 1.3, рассчитанных в среде Statistica, следует, что коэффициент корреляции (r_{xly}) = 0,706101. Таким образом, поскольку $r_{xly} > 0,7$, мы можем утверждать, что зависимость среднедушевого потребления рыбы в стране от вывоза рыбы из Дальнего Востока достаточно высокая.

Осуществим оценку параметров корреляции показателей рыбного хозяйства в Тихоокеанском геоэкономическом регионе водно-биоресурсного типа с помощью t-критерия Стьюдента в среде Statistica. На основе данного критерия отбираются наиболее существенные факторы в регрессионном уравнении. *t-критерий Стьюдента* $x_{1y} = |-17,9648|$. Поскольку $|t_{расч. 1y}| > |t_{табл.}|$ ($t_{табл. (32)} = 2,0369$, при $p = 0,95$), каждый фактор уравнения является значимым.

F-статистика (*f-критерий Фишера*) также подтверждает зависимость, так, из Statistica $f_{расчетн. (1, 14)} = 13,92066$; $f_{табл. (1, 14)} = 4,60$, при $p = 0,95$ и $f(1, 14)$ степенями свободы. Так как $f_{расчетн.} > f_{табл.}$, мы можем утверждать о наличии линейной зависимости между переменными.

Таблица 1.4

Матрица анализа парных коэффициентов корреляции

Факторы	Вывоз рыбы из ДВ региона	Улов рыбы в Дальневосточном бассейне; рыба живая, свежая или охлажденная	Вывоз рыбных консервов из ДВ региона	Среднедушевое потребление рыбы в России
Вывоз рыбы из ДВ региона	1	-0,230509	0,342539	0,706101
Улов рыбы в Дальневосточном бассейне; рыба живая, свежая или охлажденная	-0,230509	1	-0,356545	-0,605347
Вывоз рыбных консервов из ДВ региона	0,342539	-0,356545	1	0,118668
Среднедушевое потребление рыбы в России	0,706101	-0,605347	0,118668	1

Таким образом, в данном исследовании обосновано посредством разработки и оценки значимости регрессионной модели определение *геоэкономического региона водно-биоресурсного типа как сферы активного государственного регулирования и стимулирования предпринимательства с целью обеспечения рыбной составляющей продовольственной безопасности страны. Под указанным геоэкономическим регионом понимается зона,*

сформированная основными рыбохозяйственными субъектами Российской Федерации, а также образованная речными бассейнами рек, прилегающими к ним территориальными морями и исключительной экономической зоной РФ.

Геоэкономический подход к совершенствованию субъекта управления рыбохозяйственной деятельности предполагает следующие направления:

- Реорганизовать территориальные управления Росрыболовства на Дальневосточном бассейне.
- Реорганизовать территориальные водные службы при министерстве природных ресурсов России на Дальнем Востоке.
- Организовать Тихоокеанское министерство водных и биологических ресурсов при Правительстве РФ.
- Создать региональный департамент природных ресурсов при Тихоокеанском министерстве водных и биологических ресурсов.

Система управления водными и биологическими ресурсами в Тихоокеанском геоэкономическом регионе водно-биоресурсного типа (рис. 1.1) – структура трёх уровней, а именно: *бассейнового* (Тихоокеанское министерство водных и биологических ресурсов), *административно-территориального* (департамент, управление рыбного хозяйства субъекта Федерации, региональный промышленный кластер) и *муниципального* (производственные объединения, предприятия). Управление предпринимательскими структурами (малыми и рыбопромышленными предприятиями) может осуществляться на основе геоэкономических методов регулирования. В совокупности они представляют собой геоэкономическое ядро государственного управления рыбохозяйственным комплексом, состоящее из механизмов, моделей, прямых, косвенных методов государственного управления и прямой государственной поддержки малого бизнеса в рыбном хозяйстве в масштабе геоэкономического региона. К подобным методам можно отнести разработанные автором следующие методы государственного регулирования и поддержки предпринимательской деятельности: целевая программа по развитию рыбохозяйственных производственных кооперативов, методика квотирования малого и среднего предпринимательства прибрежного региона на предмет вылова анадромных видов рыб, модель неконкурентного взаимодействия на промысле малых и крупных предпринимательских структур, лизинговая схема финансирования строительства рыболовных судов, основанная на государственной поддержке малого бизнеса и т.д. Организация трёхзвенной системы управления водными и биологическими ресурсами в Тихоокеанском геоэкономическом регионе водно-биоресурсного типа приведет к ускорению освоения Дальневосточного фе-

дерального округа и к комплексному обеспечению продовольственной безопасности страны в условиях санкций.

К основным функциям Тихоокеанского министерства водных и биологических ресурсов следует отнести: управление государственными и муниципальными предприятиями и организациями рыбной промышленности Дальнего Востока; освоение новых районов морского рыболовства; организация рационального ведения рыбного хозяйства в прибрежных промысловых районах и внедрение передовой техники, технологии и информационных технологий в добыче, переработке и разведении рыбы; развитие и регулирование промысла рыбы, нерыбных объектов, а также морских водорослей в прибрежных водах; взаимодействие с саморегулируемыми организациями рыбного хозяйства по проблемам рыболовства, переработки и воспроизводства водных биологических ресурсов; создание условий для добычи, производства и разведения конкурентоспособной рыбопродукции.

В числе наиболее острых проблем, имеющих характер угроз экономической безопасности страны, помимо введённых США и странами ЕС антироссийских санкций в связи с украинскими событиями 2014 г., следует отметить проблему обеспечения водными ресурсами потребности экономики России на фоне обострения глобальной проблемы водообеспечения. Такая постановка вопроса обусловлена не столько проблемой обеспечения водными ресурсами самого российского хозяйства, сколько неизбежным вовлечением нашей страны, её политических и хозяйственных руководителей в проекты водообеспечения сопредельных государств. Позитивная трактовка указанной компоненты означает развитие конкурентных преимуществ ресурсного и инновационного характера. Речь идет о создании глобализированных инфраструктур, обеспечивающих, во-первых, экспорт питьевой воды; во-вторых, технологий (в виде оборудования и инжинирингового сервиса) рационального водопользования; в-третьих, экспорт продуктов и услуг, производимых в данной стране на основе использования достаточных водных ресурсов, с учётом экологических требований по обеспечению устойчивого водопользования.

В контексте следует отметить, что такой субъект управления, как Тихоокеанское министерство водных и биологических ресурсов, может быть дополнен интегрированным структурным подразделением по управлению и охране водным фондом Дальнего Востока, но только, естественно, по всем дальневосточным административным территориям.

Такие органы, интегрированные в одну общую государственную структуру, следовало бы наделить функциями по управлению использованием водных фондов и их охране, которыми наделены соответствующие комитеты

природных ресурсов, например: гидрогеологические, инженерно-геологические и геоэкологические исследования, установление лимитов и лицензирование водопользования, государственная экспертиза, согласование земельных участков под строительство, государственный учёт вод и государственный водный кадастр, разработка и контроль над реализацией программ по использованию, воспроизводству и охране природных ресурсов.

Предпосылки к такой реорганизации существуют давно, известно, что водная служба в Амурской области из-за неуккомплектованности не отвечает поставленным задачам, поэтому значительная часть функций по управлению и охране водного фонда практически не исполнялась [1, с. 39–40]. В результате бесхозяйственное и интенсивное использование водных ресурсов привело к серьёзным экологическим последствиям и к катастрофическому снижению пресноводной рыбы. Так, рыбные запасы водоёмов Амурской области в настоящее время полностью подорваны. Например, уловы основных промысловых рыб сократились с 165 т добычи в 1991 г. до 20 т уловов рыбы в 2000 г. [1, с. 39–40]. Главной причиной сокращения гидробионтов является браконьерство, организованное как отечественными предпринимателями, так и китайскими рыбаками. А поскольку территориально-административные границы не совпадают с границами водных бассейнов, то браконьерская деятельность будет ощущаться и на других административных территориях. Следует иметь в виду, что значительная часть морских промысловых видов рыб весьма продуктивно нерестится и искусственно воспроизводится в реках Дальнего Востока во многом благодаря морской рыбоохране. Таким образом, прибрежная рыбоохрана должна взять под контроль рыбные запасы водоёмов Дальнего Востока, вместе с тем неуккомплектованные водные службы необходимо передать в управление Тихоокеанскому геоэкономическому региону водно-биоресурсного типа с целью организации комплексного обеспечения продовольственной безопасности страны.

Таким образом, в данном исследовании предложена трёхзвенная схема системы управления водными и биологическими ресурсами в Тихоокеанском геоэкономическом регионе, позволяющая восстановить управляемость в рыбохозяйственном комплексе, с целью комплексного укрепления продовольственной безопасности страны в условиях санкций. Данный подход значительно отличается от существующего (В. О. Бобырев). Разработанный субъект управления (Тихоокеанское министерство водных и биологических ресурсов) территориально ограничен дальневосточным бассейном; в структуру объекта управления входит трёхзвенная модель управления кооперативным сектором; объектом регулирования является не

только рыбохозяйственная деятельность, но и управление использованием и охрана водных фондов Дальнего Востока [24], [25].

2. Государственное регулирование кооперативных отношений малого предпринимательства в прибрежном рыбном хозяйстве ряда зарубежных стран

Одна из ключевых особенностей развития малого бизнеса в таких развитых морских странах, как Великобритания, КНР, Республика Корея заключается в кооперации. Следует отметить, что это явление встречается не только в промышленности, в частности, в автопроме, электронике, электротехнике, строительстве, но и в таких сферах предпринимательской деятельности, как прибрежное рыболовство, туризм, сельское хозяйство. Однако если в первом случае процесс производства разделен на основные и вспомогательные subprocesses, подчинённые друг другу (вертикальные связи), то во втором случае система отношений состоит из равнозначных подсистем (горизонтальные связи). Например, кооперативные отношения субъектов малого бизнеса типа: «прибрежное рыболовство – рыбоводство – рыбопереработка – туризм» направлены на обеспечение внутреннего потребления экологически чистой продукции в условиях развития туризма и досуга.

Первому случаю отвечает схема, представленная на рисунке 2.1. Вторым случаем раскрывает схема на рисунке 2.2.

Рис. 2.1. Схема организации кооперативных отношений промышленных корпораций и предприятий малого бизнеса за рубежом (Великобритания, КНР, Республика Корея)

Между тем кооперация не ограничивается предпринимательским саморегулированием, она, как правило, поддерживается государством, являясь инструментом государственного регулирования социально-экономических процессов. Например, к распространенным методам управления в экономике Республики Корея относятся: организация свободных экономических зон (СЭЗ); миграционная политика государства; инновационное экономическое развитие. Особенность такого комплексного подхода к управлению заключается в том, что в данный процесс вовлечены не только государственные институты и предпринимательские структуры, но также общественные, муниципальные и научные организации.

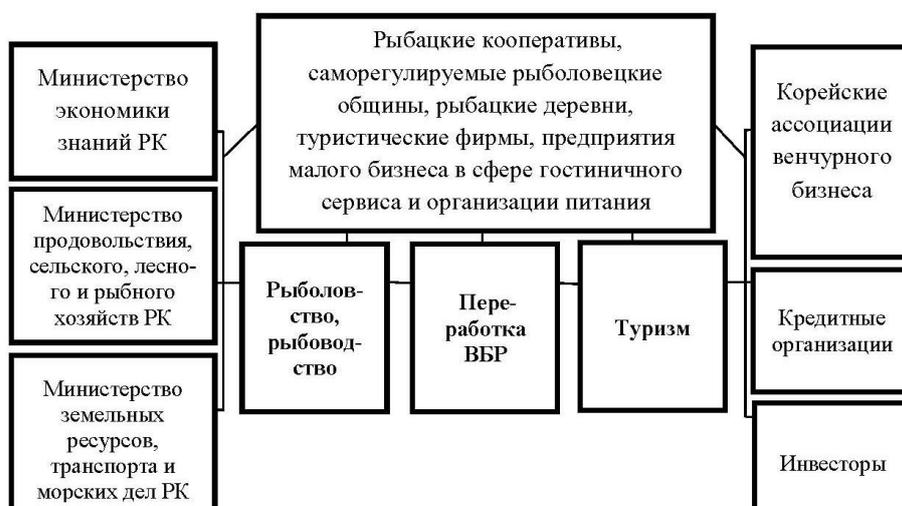

Рис. 2.2. Схема организации кооперативных отношений малого бизнеса по видам экономической деятельности в рыбном хозяйстве и в туризме Республики Корея

Управление рыбным хозяйством в России было организовано по несколько иным принципам. Одной из ключевых целей, стоящих перед рыбной промышленностью, являлось обеспечение продовольственной безопасности страны. В условиях административно-командной экономической системы основной упор делался на океаническое рыболовство. Тогда, как, впрочем, и сегодня, не задумывались над тем, каким потенциалом может обладать современный рыбац как единица рыбохозяйственной деятельности. Недооценка данного фактора привела к тому, что большая часть рыбодобывающего флота сегодня физически и морально устарела. Проблемы устойчивого развития малого предпринимательства отошли на второй план.

Рассмотрим один пример: от советского рыбопромышленного опыта в наследие современному рыбному хозяйству достался принцип единого технологического производства – «добыча – переработка – сбыт», по такой системе были организованы базы океанического рыболовства на Дальнем Востоке, и по такой же схеме сейчас происходит организация предпринимательской деятельности в рыбном хозяйстве России. Модернизируется лишь структура технологической цепи, например, у некоторых авторов можно встретить такое её описание: «добыча – переработка – транспорт – сбыт». О новом подходе в науке речь пока не идёт, не решается также и экологическая проблема.

Особенность южнокорейского подхода заключается в том, что на основе индустриально-промышленных инфраструктур и комплексов государственными и саморегулируемыми субъектами управления была организована инфраструктура постиндустриального типа, включающая инновационные, информационные и экологические подсистемы. Такой креативный подход позволил более эффективно использовать ограниченные ресурсы и увеличить их добавленную стоимость посредством вовлечения прибрежных регионов во внутреннюю и международную туристическую индустрию (см. рис. 2.2).

Отличия данного подхода заключаются в том, что, во-первых, в Республике Корея он связан с организацией малого бизнеса не только в прибрежной рыбохозяйственной деятельности, но и в туризме, по принципу «рыболовство – рыбоводство – переработка – туризм». Во-вторых, объектом государственного регулирования и поддержки при данном подходе являются не только предприятия и фирмы, но и домашние хозяйства, осуществляющие рыбохозяйственную деятельность. В-третьих, такой подход позволяет увеличить занятость в прибрежных регионах и снижает проблему урбанизации.

Подобная форма организации малого предпринимательства может быть использована и в России, например, в Приморском крае, в Сахалинской области, в Камчатском крае, на озере Байкал, в Крыму и т.д. [22].

Институциональные формы объединений хозяйствующих субъектов прибрежного рыболовства могут существенно различаться между собой в зависимости от характера решаемых ими задач и ситуации, сложившейся к настоящему времени в прибрежных регионах. Рассмотрим современные формы организации предпринимательской деятельности в рыбном хозяйстве. Первой формой объединения является ассоциация.

Ассоциации могут формироваться как по административно-территориальному принципу, так и с учётом используемых способов и орудий рыболовства. Ассоциация представляет собой добровольное объединение полностью самостоятельных производителей с целью совместного решения

определенного ряда вопросов. Однако существующие ассоциации рыбопромышленников преимущественно заняты решением узких конкретных задач и не участвуют в управлении рыбохозяйственным комплексом.

Весьма перспективной институциональной формой для развития прибрежного рыболовства выступают *рыбацкие колхозы* – предприятия, которые занимались прибрежным промыслом даже в период повальной ориентации на океаническое рыболовство. Между тем сейчас для реализации этой перспективы необходимым условием является серьёзная демократизация системы управления колхозов и реальное обеспечение защиты имущественных прав их членов.

Вызывает сомнение утверждение специалистов Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ВНИИРО) о том, что нежелательно развитие малого бизнеса на базе крупных рыбохозяйственных предприятий (в особенности оставшихся с доперестроечного периода). Как правило, данные предприятия не могут решить свои проблемы за счёт выделяемых средств и ресурсов для развития прибрежного рыболовства [12]. В контексте данного подхода делается весьма спорный, на наш взгляд, вывод о том, что при любых формах институциональной организации прибрежного рыболовства создание объединений на основе большого количества мелких хозяйствующих субъектов лишено перспектив развития.

Эффективную форму организации малого бизнеса, по нашему мнению, представляет собой организация субъектов малого предпринимательства на базе рыбохозяйственных производственных *кооперативов*. Целью государственной политики организации малого предпринимательства в рыбном хозяйстве Тихоокеанского геоэкономического региона водно-биоресурсного типа должно являться увеличение объемов добычи водных биологических ресурсов, повышение уровня занятости и доходов населения прибрежных регионов путём обеспечения малому бизнесу доступа к прибрежному рыболовству за счёт организации производственных рыболовецких кооперативов. Предлагаемая организационная структура управления рыбным хозяйством в прибрежном регионе приведена на рис. 2.3.

Основные задачи, позволяющие реализовать поставленную цель:

- Осуществить государственную поддержку формирования трёхзвенной структуры рыбацких кооперативов: «рыбацкий кооператив – региональный кооперативный союз рыбаков – центральный союз рыбацких кооперативов».
- Усовершенствовать нормативно-правовую базу в части формирования рыбацких кооперативов в рыбном хозяйстве, принять Закон об аквакультуре.

- Разработать целевую программу по развитию рыбацких кооперативов.
- Сформировать благоприятные условия для развития рыбацких кооперативов в рыбном хозяйстве прибрежных регионов.

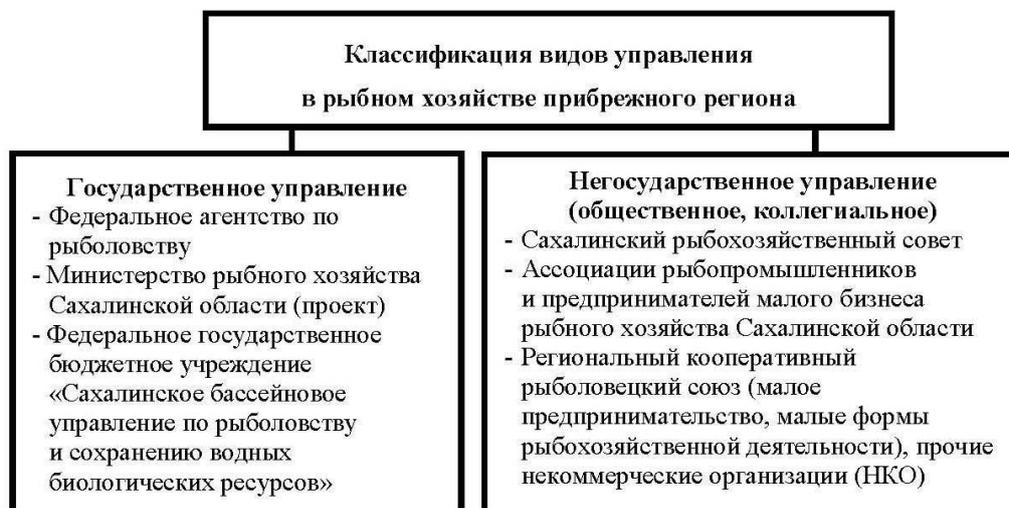

Рис. 2.3. Классификация видов управления в рыбном хозяйстве прибрежного региона (на примере Сахалинской области)

На рис. 2.4 приведена схема управления кооперативным сектором в рыбном хозяйстве как трёхуровневая структура (федеральный, региональный, муниципальный уровни). На каждом уровне система управления имеет свои задачи и методы управления. Чем ниже иерархический уровень управления кооперативным сектором, тем конкретнее её работа с первичными рыбацкими кооперативами. Верхние уровни способствуют работе нижнего звена структуры.

Региональные союзы рыбацких кооперативов на федеральном уровне должны быть объединены в Центральный союз рыбацких кооперативов, задачей которого является обмен опытом, консультирование по вопросам кооперации в рыбохозяйственной деятельности и представление интересов всех ветвей кооперативного сектора рыбного хозяйства перед законодательными органами и общественностью.

На региональном уровне союзы рыбацких кооперативов оказывают поддержку вступившим в них рыбацким кооперативам и консультируют их в области права, экономики, информационных и отраслевых технологий. Они занимаются проверкой деятельности кооперативов и предлагают им услуги как современные консалтинговые предприятия.

Рис. 2.4. Трёхзвенная схема управления кооперативным сектором в рыбном хозяйстве

На муниципальном уровне рыбохозяйственная кооперация объединяет рыбаков, рыбацкие кооперативы, рыболовецкие колхозы, а также тех, кто занимается не только переработкой и хранением рыбопродукции до поступления её в магазины, но и разведением рыбы. Многие рыболовецкие кооперативы участвуют также в разработке долговременной стратегии развития рыболовства в прибрежных водах, причём с учётом как экономической выгоды, так и экологической целесообразности.

Выделим несколько основных видов инфраструктур в рыбохозяйственной кооперации (внутриотраслевая; межотраслевая; сервисная), которые могут послужить основой для развития новых бизнес-процессов в отрасли.

- Внутриотраслевая (функциональная) инфраструктура в рыбохозяйственной кооперации предполагает формирование вертикально и горизонтально интегрированных малых и крупных предпринимательских структур (кластеров). В эту организацию могут войти такие подсистемы, как портовая и материально-техническая инфраструктуры (холодильное хозяйство, судовое снабжение, судоремонтное хозяйство, производство орудий лова и т.п.). Следует отметить, что функциональная инфраструктурная кооперация

может быть осуществлена по основным видам рыбохозяйственной деятельности (рыболовство – рыбоводство – рыбопереработка – сбыт) и использоваться в наращивании экспорта рыбопродукции глубокой переработки.

- Межотраслевая инфраструктура представляет собой разнородную систему производственных отношений (рыболовное судостроительство, транспортные грузоперевозки рыбопродукции на ж/д транспорте и т.д.). Если рассматривать инфраструктурную кооперацию рыбного хозяйства как социально-экономическую организацию, тогда вовлечение трудовых ресурсов из числа местных жителей на временной основе (во время путины и т.п.) можно рассматривать в качестве модели аутсорсинга. Весьма актуальной проблемой в Сахалинской области является дефицит жестяно-баночной тары, на этой основе могут быть также организованы кооперативные взаимосвязи между рыбопромышленными компаниями и предприятиями малого бизнеса, осуществляющие производство и доставку необходимых материалов. При всём многообразии межотраслевых взаимосвязей нельзя не отметить взаимоотношения бизнеса и государства, при которых рыбацкая кооперация может успешно конкурировать с крупными структурами в укреплении продовольственной безопасности страны в условиях санкций.

- Сервисная инфраструктура рыбохозяйственной кооперации обусловлена маркетинговой, информационной и экологической организацией. К подобной кооперации можно отнести следующие её виды: развитие бытовых сетей, направленных на организацию внутреннего туризма (экологические маршруты, спортивное и любительское рыболовство); формирование отраслевых каналов сбыта (рыбные рынки, сети ресторанов и специализированных магазинов); развитие отраслевых информационных структур (информационно-отраслевые центры, информационно-консультационные службы и т.п.); организация внешнего туризма по любительскому, спортивному рыболовству (в т.ч. дайвингу) за рубежом.

По мнению специалистов рыбного хозяйства, наиболее оптимальной интегрированной формой производства является технологическая цепочка «добыча – переработка – сбыт», которая возможна, по нашему мнению, только в рыбной промышленности, так как в малом предпринимательстве не могут существовать идеальные бизнес-процессы. Вместе с тем, существующие ассоциации рыбопромышленников сегодня не в состоянии решить отраслевые проблемы субъектов малых форм хозяйствования и зачастую «преследуют необъятные цели» [19]. Усложняет государственное регулирование малого предпринимательства в рыболовстве отсутствие адекватного объекта управления и эффективных общественных организаций, которые смогли бы использовать синергию объединенного малого бизнеса в государственных интересах.

Объединительные процессы в малом предпринимательстве рыбного хозяйства необходимы, потому что наибольшей эффективности хозяйственная деятельность достигает только в случае объединения людей с целью решения жизненно важных проблем, которые иначе решить крайне затруднительно. Следует отметить, что поиск решений возникающих проблем является основной задачей кооперативного движения. Принципиальным моментом такого подхода является то, что в лице рыбацких кооперативов, объединённых в саморегулируемую организацию, государство получает уже сформированный социально-экономический институт, посредством которого государственные органы управления могут проводить социальную политику в прибрежных регионах.

В заключение следует отметить, что в основе развития кооперативного сектора должна лежать прямая государственная поддержка субъектов малого предпринимательства, которые достаточно адекватно выстраивают свои бизнес-процессы в условиях социально-экономических кризисов. Так, из отечественного и зарубежного опыта следует, что решению продовольственной проблемы весьма эффективно способствует деятельность кооперативов, добывающих водные биологические ресурсы, производящих рыбпродукцию и осуществляющих рыбоводство в прибрежных регионах.

В результате проведения государственной политики по организации рыбацких кооперативов в прибрежных регионах повысится роль малого предпринимательства, возрастёт доверие населения к государственному регулированию рыбного хозяйства, усилятся темпы экономического роста, поскольку он будет обеспечиваться тесными взаимоотношениями государства, бизнеса и общества [23].

3. Артельный подход к организации предпринимательской деятельности

Известно, что предпринимательская деятельность многообразна и на практике можно ещё встретить такие организации, которые основываются на принципах равноправности, ответственности друг за друга, товарищеской взаимопомощи, между тем, к сожалению, малый бизнес в России по большому счёту построен на совершенно иных принципах. Так, например, существовал подход, который развивал ремесленную деятельность не по принципу индивидуализма, а по принципу артельности, однако многие учёные и практики сравнивают сегодня это понятие с кооперативом и, нередко, даже с колхозом.

Артель известна на Руси с незапамятных времён. Слово «артель» образовалось по принципу: «...товарищество за круговой порукой, товарищество, братство для работы сообща и раздела заработков, за вычетом расхо-

дов, прогула и т.п.» [8, с. 20]. Клятва эта давалась, как правило, перед образом – главной святыней артели (отправляясь на работы, занимаясь «отхожим промыслом», артельщики обязательно брали с собой особо чтимые иконы, перед которыми они молились на чужбине и совершали свой артельный ритуал) [27].

Русская артель была добровольным товариществом совершенно равноправных работников, призванных на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Пример такой организации мы можем услышать в русской народной песне «Дубинушка»: «...одна песня из тех в память врезалась мне – это песня рабочей артели». На миграционный образ жизни русского рабочего 1887–1913 гг. обращал внимание профессор С. Н. Прокопович. По этому поводу автор писал, что, как правило, мужчина в трудоспособном возрасте работал и «...жил в городе бобылем, приходя к семье (в деревню) лишь изредка на побывку» [15]. Таким образом, приведём одну из основных черт артели – это *принцип промыслового вида экономической деятельности*, позволяющий отличить артель, основанную на миграционной трудовой и предпринимательской деятельности, от производственных форм малого предпринимательства, например, от сельскохозяйственной и потребительской кооперации, колхозов, производственных артелей бытового обслуживания и мастерских.

С. И. Ожегов толковал понятие артель как «...объединение лиц некоторых специальностей для совместной работы, с участием в общих доходах и общей ответственностью» [14, с. 29]. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а напротив – поощряло его. Мало того, артель позволяла сочетать самостоятельный и усердный труд отдельного артельщика с коллективными усилиями всей организации. Товарищеская взаимопомощь и общее согласие – главное в артели. «Артельная система, – отмечал исследователь артели М. Слобожанин, – есть не классовая, а общечеловеческая система, а артель – это союз личностей» [16]. Принцип *индивидуальной трудовой деятельности* заключается в том, что каждый человек в артели должен был проявить свои лучшие способности, а не просто приложить труд.

Профессор Г. Шульце-Геверниц, побывавший в России в XIX веке, отмечал принципиальные отличия русской артели от западноевропейских промышленно-ремесленных объединений. Если последние основаны на индивидуалистических началах, то русские артели охватывают всего человека, связывая его с остальными членами артели, заказчиками и государством круговой порукой. Ещё одно важное отличие русской артели от западного кооперативного движения заключается в том, что она ставит во

главу угла не только материальный интерес, но и духовно-нравственные потребности личности. При этом Л.Н. Гумилев относил артели, наравне с ватагами, землепроходцами, старообрядцами, разинцами и т.д., к *консорциуму*, под которой он понимал субэтнические группы людей, объединённые одной исторической судьбой [7, с. 34]. Отнесём данное свойство артели к принципу *этнического и духовного единства*.

Демократическая черта артели заключалась не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выражать свои способности вне зависимости от социального положения. В самых типичных артелях Древней Руси могли участвовать все без исключения при одном условии – признания ими артельных основ. Между тем, трансформация и разрушение подлинных принципов русской артельности прошли под влиянием именно западноевропейского развития кооперативного движения, основанного на индивидуализме. Главной причиной тому было насыщение рынка труда неквалифицированной рабочей силой, связанное с отменой крепостного права. Исконно русская трудовая артель, как производственная организация, постепенно уступила место кооперативно-цеховым союзам, максимизирующим прибыль за счёт присвоения части чужого труда. Артельщики стали активно пользоваться трудом учеников и наёмных рабочих. И именно в результате мануфактурных производственных отношений утратился принцип *артельной равноправности*: ко времени революции миллионы людей работали не в производственных артелях, а в потребительской кооперации.

Первый опыт по созданию коллективных артелей на Дальнем Востоке России известен ещё с 90-х гг. XIX века. В это время почти все группы населения побережья были втянуты в рыболовство. С 1926 г. крестьянское население получает особые рыбопромысловые «крестьянские участки», сдаваемые ему в аренду государством без торгов на льготных условиях: от одного до трёх лет за пониженную арендную плату. По мере восстановления народного хозяйства и укрепления кооперативных отношений в регионе стали формироваться специальные союзы, объединявшие и регулировавшие производство, а также сбыт рыбных товаров артелей. В октябре 1927 г. в состав Приморского промыслового союза вошло 126 артелей и товариществ, из которых 66 были крестьянскими, а 40 – организованы городским безработным населением. Артели «Примпромрыбаксоюза» освоили 157 береговых рыболовных участков, или 43% от их количества в крае [13]. В данном случае сущность артели проявляется в институциональном поведении предпринимательской структуры, «ведущей себя рационально» по принципу *самоорганизации*. К организации предпринимательской деятельности в современном рыбном хозяйстве приведём трёхзвенную схему

управления кооперативным сектором в Тихоокеанском геоэкономическом регионе водных и биологических ресурсов (см. рис. 2.5).

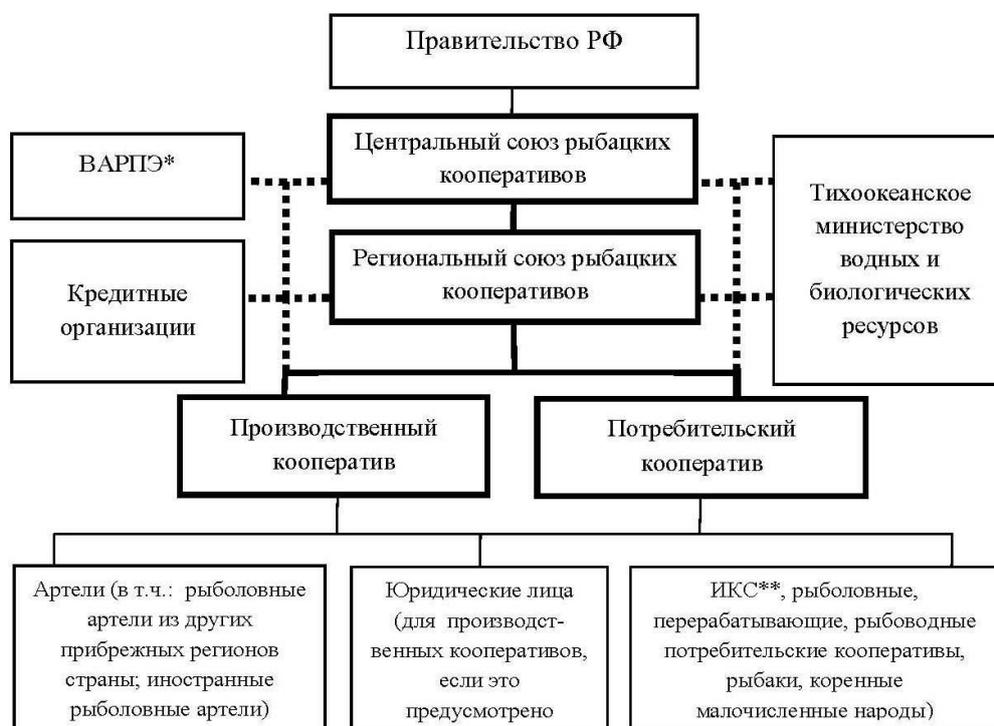

Рис. 2.5. Трёхзвенная схема управления кооперативным сектором в рыбном хозяйстве

Как отмечает В.М. Лысков, «артель старателей признается как добровольное объединение не являющихся предпринимателями граждан для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности, основанной на их личном трудовом (или ином) участии и объединении определенных имущественных (паевых) взносов, при их личной ограниченной и дополнительной ответственности по обязательствам этой коммерческой организации (ст. 107, п. 1–2 ГК РФ; ст. 1 закона «О производственных кооперативах (артелях)» [11]. Следует уточнить данное определение. Действительно, артель является добровольным объединением не являющихся предпринимателями граждан, при этом артель как организация проявляет предпринимательскую деятельность, но осуществляемую не только в усло-

* ВАРПЭ – Всероссийская ассоциация рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров.

** ИКС – Информационно-консультационные службы рыбного хозяйства.

виях миграционной трудовой и предпринимательской деятельности (промысловые: лесозаготовка, строительство, рыболовство, золотодобывающая промышленность и т.д.), но и в местах постоянного проживания членов артели (производственные).

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что артельный подход к организации предпринимательской и трудовой деятельности может быть основан на следующих принципах: производственного и промыслового видов экономической деятельности артели; индивидуальной трудовой деятельности; артельной равноправности; самоорганизации; этнического и духовного единства (православие, ислам и т.д.). Такие принципы позволяют чётко определить предмет предпринимательской деятельности, основанной на артельном подходе. Развитие артелей как формы организации предпринимательства приведёт к росту производительности труда и снижению безработицы в регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амурская область: водные ресурсы и основы региональной водохозяйственной деятельности / под ред. В. Н. Заслоновского. – Екатеринбург ; Чита : РосНИИВ, 2005. – 103 с.
2. Бакланов, П. Я. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России как фактор геополитической динамики // Аналитические доклады научно-координационного совета по международным исследованиям. Вып. 2 : Демографическая ситуация и миграционная политика на Дальнем Востоке: национальная безопасность, интеграционные процессы, соотечественники за рубежом. – М. : Изд-во МГИМО (У) МИД России, 2005. – С. 6–10.
3. Бобырев, В. О. О необходимости и мерах усиления госрегулирования развития рыбопромышленного комплекса // Российский экономический журнал. – 2001. – № 8. – С. 83–85.
4. Воронов, Ю. П. Хозяйственное управление Сибирью. Исторические параллели // ЭКО. – 2011. – № 9. – С. 99–110.
5. Геоэкономика и конкурентоспособность России: Научно-концептуальные основы геоэкономической политики России / под ред. Э. Г. Кочетова. – М. : Книга и бизнес, 2010. – 388 с.
6. Гимбатов, Г. М. Управление рыбным хозяйством России и региона: опыт и перспективы / Г. М. Гимбатов. – М. : Экономика, 2002. – 389 с.
7. Гумилев, Л. Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению / Л. Н. Гумилев. – М. : Рольф, 2000. – 384 с.
8. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 736 с.

9. За создание министерства рыбного хозяйства выступают дальневосточники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trud-ost.ru/?p=121467>.
10. Ларин, В. Л. Международная миграция на Дальнем Востоке и проблемы обеспечения национальной безопасности России // Аналитические доклады научно-координационного совета по международным исследованиям. Вып. 2 : Демографическая ситуация и миграционная политика на Дальнем Востоке: национальная безопасность, интеграционные процессы, соотечественники за рубежом. – М. : Изд-во МГИМО (У) МИД России, 2005. – № 2. – С. 13–16.
11. Лысков, В. М. Особенности регуляционного регулирования деятельности артелей старателей (история и современность) [Электронный ресурс] // Известия Иркутской экономической государственной академии : электрон. науч. журн. – 2003. – № 2. – С. 83–88. – Режим доступа: <http://izvestia.isea.ru/reader/article.asp?id=12304>.
12. Концепция развития прибрежного рыболовства в Российской Федерации : (проект). – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во ВНИРО, 2004. – 56 с.
13. Мандрик, А. Т. Рыбная промышленность Приморья в период новой экономической политики (октябрь 1922–1926 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fegi.ru/primorye/fish/>.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 4-е изд., доп. – М. : А ТЕМП, 2009. – 944 с.
15. Петраков, Н. Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней / Н. Я. Петраков. – М. : ОАО «Изд-во "Экономика"», 1998. – 286 с.
16. Платонов, О. Русский труд / О. Платонов. – М. : Современник, 1991. – 335 с.
17. Рогов, В. Ю. Государственное регулирование рыбохозяйственного комплекса региона: геоэкономический подход / В. Ю. Рогов. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. – 286 с.
18. Рогов, В. Ю. Основы формирования геоэкономических регионов современной России / В. Ю. Рогов. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2002. – 197 с.
19. Теплякова, Н. В. Организационно-экономический механизм развития рыбохозяйственного комплекса : на примере Камчатской области : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Н. В. Теплякова. – М., 2003. – 148 с.
20. Чичельницкий, И. М. Оценка реального уровня потребления рыбных товаров // Рыбное хозяйство. – 2003. – № 4. – С. 9–10.
21. Ше, С. Г. Артельный подход к организации предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] // Известия Иркутск. гос. экон. акад. : электрон. науч. журн. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <http://izvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=13599>.

22. Ше, С. Г. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в рыболовстве Республики Корея // Известия ТИНРО. Т. 180 : сб. науч. тр. – Владивосток : ТИНРО-Центр, 2015. – С. 320–329.
23. Ше, С. Г. Государственное регулирование малого предпринимательства на основе поддержки кооперативных отношений в рыбном хозяйстве прибрежного региона [Электронный ресурс] // Известия Иркутск. гос. экон. акад. : электрон. науч. журн. – 2009. – № 2. – С. 54–57. – Режим доступа: <http://izvestia.isea.ru/reader/article.asp?id=5006>.
24. Ше, С. Г. Подход к реформированию системы управления в Тихоокеанском регионе водно-биоресурсного типа [Электронный ресурс] // Известия Иркутск. гос. экон. акад. : электрон. науч. журн. – 2012. – № 4 (84). – С. 70–73. – Режим доступа: <http://izvestia.isea.ru/reader/article.asp?id=14501>.
25. Ше, С. Г. Реформирование системы управления в Тихоокеанском геоэкономическом регионе водно-биоресурсного типа // Вестник Иркутск. гос. техн. ун-та. – 2012. – № 8 (67). – С. 226–321.
26. Власти России создадут в Сибири «государство в государстве» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/20/04/2012/5703f65a9a7947ac81a67274>.
27. У образа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/economics/pr2.htm>.
28. Об утверждении Правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна [Электронный ресурс] : приказ Минсельхоза РФ от 01.03.2007 № 151 (ред. от 14.09.2007). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68238/.
29. Вылов рыбы в РФ вырос на 5% с начала года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agro2b.ru/ru/news/37071-Vylov-ryby-vyros-nachala-goda.html>.

REFERENCES

1. Zaslonskii V.N., ed. *Amur region: water resources and bases of regional water management activity*. Ekaterinburg, Chita: Russian Res. Inst. for complex use and protection of water resources Publishing House, 2005. 103 p. (In Russian).
2. Baklanov P.Ya. Demographic and migratory processes in the Far East Russia as a factor of geopolitical dynamics. *Analytical reports of scientific coordination council on the international researches. Iss. 2: The demographic situation and migration policies in the Far East: national security, integration processes, compatriots abroad*. Moscow: Moscow St. Inst. of Internat. Relations Publshing House, 2005, pp. 6–10. (In Russian).

3. Bobyrev V.O. About need and measures of strengthening of state regulation of development of a fishing complex. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, 2001, no. 8, pp. 83–85. (In Russian).
4. Voronov Yu. P. Economic board Siberia. Parallels in history. *EKO*, 2011, no. 9, pp. 99–110. (In Russian).
5. Kochetov E.G., ed. *Geoeconomy and competitiveness of Russia: Scientific and conceptual fundamentals of geoeconomic policy of Russia*. Moscow: Kniga i biznes, 2010. 388 p. (In Russian).
6. Gimbatov G.M. *Management of fishery of Russia and region: experience and prospects*. Moscow: Ekonomika, 2002. 389 p. (In Russian).
7. Gumilev L.N. *End and again beginning: Popular lectures on ethnography*. Moscow: Rolf, 2000. 384 p. (In Russian).
8. Dal' V.I. *Explanatory dictionary of Russian. Modern version*. Moscow: EKSMO-Press, 2002. 736 p. (In Russian).
9. *Creation of Ministry of Fisheries is supported by Far*. Available at: <http://trud-ost.ru/?p=121467> (accessed 15 August 2016). (In Russian).
10. Larin V.L. The international migration in the Far East and problems of ensuring national security of Russia. *Analytical reports of scientific coordination council on the international researches. Iss. 2: The demographic situation and migration policies in the Far East: national security, integration processes, compatriots abroad*. Moscow: [Moscow State Inst. of Internat. Relations Publ. House], 2005, pp. 13–16. (In Russian).
11. Lyskov V.M. Features of regulatory regulation of activity of artels of gold prospectors (history and present). *Izvestiya Irkutskoi ekonomicheskoi gosudarstvennoi akademii* [News of Irkutsk St. Acad. of Economics], 2003, no. 2, pp. 83–88. (In Russian).
12. *The concept of development of coastal fishery in the Russian Federation: (project)*. 2nd ed., revis. and add. Moscow: All-Russian Res. Inst. of Fisheries and Oceanography Publishing House, 2004. – 56 p. (In Russian).
13. Mandrik A. T. Fishing industry of Primorye in the period of new economic policy (October, 1922–1926). Available at: <http://www.fegi.ru/primorye/fish/> (accessed 15 August 2016). (In Russian).
14. Ozhegov S.I. *Explanatory dictionary of Russian*. 4th ed., add. Moscow: A TEMP, 2009. 944 p. (In Russian).
15. Petrakov N.Ya. *Russian roulette: economic experiment at the cost of 150 million lives*. Moscow: Ekonomika, 1998. 286 p. (In Russian).
16. Platonov O. *Russian work*. Moscow: Sovremennik, 1991. 335 p. (In Russian).
17. Rogov V.Yu. *State regulation of a fishery complex of the region: geoeconomic approach*. Irkutsk: Baikal St. Univ. of Economics and Law Publishing House, 2011. 286 p. (In Russian).

18. Rogov V.Yu. *Bases of formation of geoeconomic regions of modern Russia*. Irkutsk: Baikal St. Univ. of Economics and Law Publishing House, 2002. 197 p. (In Russian).
19. Teplyakova N.V. *Organizational and economic mechanism of development of a fishery complex: the example of the Kamchatka area*. Cand. Dis. (Econ. Sci.): 08.00.05. Moscow, 2003. 148 p. (In Russian).
20. Chichel'nitskii I.M. Assessment of real level of consumption of fish goods. *Rybnoe khozyaistvo*, 2003, no. 4, pp. 9–10. (In Russian).
21. She S.G. *Collective approach to the organization of business activity*. *Izvestiya Irkutskoi ekonomicheskoi gosudarstvennoi akademii* (electronic magazine) [News of Irkutsk St. Acad. of Economics], 2012, no. 3. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=13599> (accessed 15 August 2016). (In Russian).
22. She S.G. State regulation of business activity in fishery of the Republic of Korea. *Izvestia TINRO* [Proceed. of the Pacific Fisheries Res. Center]. Vol. 180. Vladivostok: TINRO-Tsentr, 2015, pp. 320–329. (In Russian).
23. She S.G. State regulation of small business on the basis of support of the cooperative relations in fishery of the coastal region. *Izvestiya Irkutskoi ekonomicheskoi gosudarstvennoi akademii* (electronic magazine) [News of Irkutsk St. Acad. of Economics], 2009, no. 2, pp. 54–57. Available at: <http://izvestia.isea.ru/reader/article.asp?id=5006> (accessed 15 August 2016). (In Russian).
24. She S.G. Approach to reforming of a control system in the Pacific region of water and bioresource type. *Izvestiya Irkutskoi ekonomicheskoi gosudarstvennoi akademii* (electronic magazine). [News of Irkutsk St. Acad. of Economics], 2012, no. 4 (84), pp. 70–73. (In Russian).
25. She S.G. Reforming of a control system in the Pacific geoeconomic region of water and bioresource type. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bull. of Irkutsk St. Techn. Univ.], 2012, no. 8 (67), pp. 226–321. (In Russian).
26. *The Russian authorities in Siberia will create a «state within a state»*. Available at: <http://www.rbc.ru/politics/20/04/2012/5703f65a9a7947ac81a67274> (accessed 21 July 2016). (In Russian).
27. U obraza. Available at: <http://www.voskres.ru/economics/pr2.htm>. (In Russian).
28. *On approval of the Rules for fishing Far East fishery basin: the order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation of 01.03.2007 number 151 (as amended on 14.09.2007.)*. – Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68238/ (accessed 16 December 2016). (In Russian).
29. *Catch of fish in Russia increased by 5% since the beginning of the year*. Available at: <http://agro2b.ru/ru/news/37071-Vylov-ryby-vyros-nachala-goda.html> (accessed 16 December 2016). (In Russian).

УДК 338.43(571.6+518)

Е.П. Жариков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО – ЛОКОМОТИВ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Санкции против России дали возможность остановить импортный продуктовый поток в страну и содействовали развитию сельского хозяйства. Тем не менее, остаётся ряд проблем по развитию сельского хозяйства, в частности, в трансграничных обширных регионах с небольшим внутренним населением. К таким регионам относятся и южные районы российского Дальнего Востока, в частности, Приморский край. В результате рыночных реформ сельскому хозяйству этих регионов был нанесён серьёзный урон. До реформ объём продукции растениеводства в стоимостном выражении составлял 36,7 %, а продукции животноводства 63,3 %. В настоящее время мы имеем зеркальное отражение – объём продукции растениеводства 62,5 %, продукции животноводства 37,5%. Таким образом, имеются значительные резервы развития животноводства, которое в своё время было обеспечено собственной кормовой базой.

Развитое животноводство – это весомая база органических удобрений, так востребованных растениеводством, которые не могут быть эффективно заменены всем спектром имеющихся в настоящее время неорганических удобрений, биотехнологий и т.д.

Последнее очень важно применительно к условиям основных сельскохозяйственных регионов Дальнего Востока. Проблема в том, что основная доля пахотных земель имеет низкое плодородие, что при широком разнообразии почвенных и климатических условий резко затрудняет получение стабильно высоких урожаев.

На общем фоне повышения в регионе урожайности (зерновые, картофель) узким местом остается урожайность кормовых культур. Систем-

¹ Евгений Прокофьевич Жариков, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Жариков, Е. П. Сельское хозяйство – локомотив экономики // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2016. – № 3. – С. 88–102.

ный кризис, охвативший агропромышленный комплекс, пока не находит чёткого разумного его решения.

В то же время, в Северо-Восточных провинциях Китая и на арендуемых китайцами землях в Амурской области (Россия), урожайность почти в два раза превосходит аналогичные показатели российских производителей. Исключение составляет кукуруза, требующая большого количества органических удобрений.

В России, аналогично Китаю, в регионе возникают мелкие сельскохозяйственные предприятия. Они располагаются бессистемно (особенно животноводческие небольшие хозяйства), занимая лучшие экологически важные участки, и тем самым наносят вред экологии региона.

Таким образом, возникает целый спектр вопросов:

1. Нужен ли сельскохозяйственным регионам Дальнего Востока китайский опыт ведения хозяйства, ведущий к «опустыниванию» земель?

2. При существующей либерализации торговли с Китаем разумные методы ведения сельского хозяйства в России, по сравнению с китайскими (экологически опасными), приведут к тому, что российские производители не выдержат ценовой конкуренции по сельскохозяйственным продуктам?

3. Куда будут мигрировать китайцы от плохой экологии и постепенной деградации и утраты плодородных земель?

4. И традиционный для России вопрос – что делать?

Многолетний опыт развития сельского хозяйства в регионе обуславливает необходимость развития животноводства. И вот здесь пока все преимущества на стороне российских производителей. И, в первую очередь, из-за наличия территорий, которые можно использовать (и которые когда-то при Советской власти весомо использовались) для развития животноводства и кормовой базы для него. Соседние провинции Китая не имеют таких возможностей, и в этом залог успеха агрокомплекса Дальнего Востока.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, Северо-Восточные провинции Китая, регион, сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, органические удобрения, конкуренция.

Evgenie P. Zharikov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

AGRICULTURE AS AN ECONOMIC LOCOMOTIVE

Abstract. Sanctions against Russia have stopped the import product flow into the country. This contributed to the development of agriculture. But there is still a number of challenges for the development of agriculture, including in cross-border large areas with small population. These regions are in the south of the Russian Far East, including the Primorsk region. As a result of the market reforms the agriculture of these regions has suffered serious damage. Before the reforms the volume of crop production amounted to 36,7%, animal products 63,3%. Currently, we have a mirror image – the volume of crop production 62,5%, animal products 37,5%. Thus, there are significant reserves of livestock development, which in its time was provided by its own food supply.

Development of livestock – is the basis of organic fertilizer, so the necessary for the crops production. These fertilizers cannot be replaced effectively by others. It is important for the main agricultural regions of the Far East. In these areas, arable lands are of low fertility, making it difficult to obtain high yields.

Against the backdrop of increasing productivity in the region (cereals, potatoes), the bottle-neck is the yield of forage crops. The system crisis in the agriculture has not been resolved yet.

In the northeastern provinces of China and on the Chinese-leased lands in the Amur region (Russia), the yield is almost two times higher than the corresponding figures of the Russian manufacturers. The exception is corn, which requires a large amount of organic fertilizers.

Both in Russia and in China, small farms are predominant in the region. They are located haphazardly (especially small livestock farms), taking the best ecologically important areas, and thereby harm the ecology of the region.

Thus, there is a whole range of issues:

1. Do the agricultural regions of the Far East need the Chinese experience of farming, leading to the "desertification" of lands?
2. With the current liberalization of trade with China, reasonable farming practices in Russia in comparison with the Chinese (environmentally hazardous)

¹ Evgenie P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economics Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Zharikov E.P. Agriculture as an economic locomotive. PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2016, no. 3, p. 88–102.

will lead to the fact that Russian producers will not withstand the price competition for agricultural products?

3. Where will the Chinese migrate from the bad environment and the gradual degradation of fertile land?

4. And the traditional Russian question – what to do?

Many years of experience in the development of agriculture in the region have necessitated the development of animal husbandry. And here all the advantages are on the side of the Russian manufacturers. And, primarily because of the areas that can be used for livestock and a feed base for it. China does not have such opportunities, and this is a guarantee of success for the agriculture of the Russian Far East.

Keywords: Russian Far East, northeastern China province, region, agriculture, crops, livestock, organic fertilizer, competition.

После долгих поисков локомотива развития экономики Россия взяла на вооружение проверенное годами направление – сельское хозяйство, отрасль разноплановую и трудоёмкую, но в меньшей степени зависимую от санкций. Импортный продуктовый поток, хлынувший на продовольственный рынок России в 90-е годы на фоне деморализованного реформами сельского хозяйства страны, обострил проблему продовольственной безопасности. И, наконец, возникшая проблема «нефтяной иглы» определила первые шаги в направлении, которое уничтожалось, особенно реформаторами первой волны, под девизом: на выручку от продажи нефти мы купим всё, что потребуется.

Таким образом, в настоящее время сделан важный шаг в области решения проблемы импортозамещения. Тем не менее, остается ряд проблем по развитию сельского хозяйства, в частности, в трансграничных обширных регионах с небольшим внутренним населением. К таким регионам относятся и южные районы российского Дальнего Востока, в частности, Приморский край.

После неудачного экспериментирования с сельским хозяйством, особенно в начале 60-х гг. XX в., положение в отрасли стало выправляться и фактически достигло устойчивого развития в 1975–1990 гг. (табл. 1). Набранная инерция обеспечила темпы развития, в том числе и после 1985 г., когда формально начались новые реформы. Затем, почти за 15 лет, был нанесён серьёзный урон сельскому хозяйству региона. (Для сравнения, за такие же 15 лет (1945–1960 гг.) были восстановлены основные довоенные показатели). В результате уменьшилось поголовье крупного рогатого скота почти в 7 раз (в том числе коров в 5 раз), свиней в 5 раз, овец и

коз по отношению к 1975 г. в 3 раза. На 01.01.2016 соотношения по группам скота изменились в пределах 1,5–2,0%. Рост поголовья свиней составил 38,5 %.

В целом, если в период стабильного развития сельского хозяйства в Приморском крае объём продукции растениеводства в стоимостном выражении составлял 36,7 %, а продукции животноводства 63,3 %, то в настоящее время мы имеем зеркальное отражение – объём продукции растениеводства 62,5, продукции животноводства 37,5%.

Таким образом, имеются значительные резервы развития животноводства, которое в своё время было обеспечено собственной кормовой базой, и, как следует из табл. 1, она стала по многим направлениям не востребованной из-за упадка животноводства.

Таблица 1

**Основные технико-экономические показатели развития
сельского хозяйства Приморского края [1–5]**

Показатель	1965	1970	1975	1980	1985	1990	2000	2010	2013
Население, тыс. человек	1566,5	1721,3	1902,2	2013,2	2134,8	2281,1	2172,1	1965,2	1938,5
Крупный рогатый скот, тыс. голов, в том числе	365,8	364,3	403,3	432,8	439,9	434,9	124,7	61,0	65,2
коровы	157,9	151,8	154,8	161,1	153,8	154,1	67,8	31,1	32,2
Свины,	268,0	341,7	385,6	462,5	482,7	445,2	86,4	71,7	97,7
Овцы и козы	100,0	94,5	95,2	9,8	14,5	14,5	25,1	27,4	29,7
Кормовые культуры, тыс. ц:									
Кукуруза на силос и зеленый корм	9533	11319	15458	19370	23993	24650	1025	340	395
Кормовые корнеплоды, включая сахарную свеклу на корм скоту	58	154	252	441	779	310	126	169	187
Однолетние и многолетние травы на сено	157	380	415	1114	1051	1691	398	302	317
Сено естественных сенокосов	1768	1711	2177	2327	4224	2945	1805	369	252
Валовой сбор зерновых культур, тыс. ц	3303	4037	3840	5266	3070	3183	1189	1447	2293
Соя, тыс. ц	1234	1185	1048	786	915	1028	613	1422	1502
Картофель, тыс. ц	3854	4765	5354	4550	5025	1682	2953	3595	3654

Следует отметить тесную связь между животноводством и растениеводством, особенно это касается выращивания злаковых и кормовых культур

тур. Развитое животноводство – это весомая база органических удобрений, так востребованных растениеводством, которые не могут быть эффективно заменены всем спектром имеющихся в настоящее время неорганических удобрений, биотехнологий и т.д.

Последнее очень важно применительно к условиям основных сельскохозяйственных регионов Дальнего Востока – Приморского и Хабаровского краев и Амурской области. Проблема изначально в том, что основная доля пахотных земель имеет низкое плодородие, что при широком разнообразии почвенных и климатических условий резко затрудняет получение стабильно высоких урожаев. По мнению почвоведов, пахотные земли этих регионов имеют разное потенциальное плодородие и для получения высоких и устойчивых урожаев требуют внесения сбалансированного количества минеральных и органических удобрений при соблюдении адекватных агрохимических и агротехнических приемов [6]. Помимо проблемы удобрений необходимо решать вопросы элитного семеноводства, создания ассоциаций, проводящих эффективную политику с учётом региональных особенностей и т.д.

Потенциал возрождения агрокомплекса Приморского края. Сравним базовые показатели 2013 г. с таковыми 1985 г., которые относительно неплохо отражают суть происходивших и происходящих процессов (табл. 2).

Посевная площадь в 2013 г. фактически сократилась в два раза, в том числе под зерновые и зернобобовые культуры в 2,2 р., под кормовые культуры – в 6,6 р. Произошло увеличение посевных площадей под технические культуры, в основном под сою, в 1,7 р.

На общем фоне повышения урожайности (зерновые, картофель) узким местом остаётся урожайность кормовых культур, в том числе кукурузы на силос, зелёный корм и сенаж. Согласно табл. 2, их урожайность снизилась в 1,33 р. Причина в том, что урожайность кормовых культур сильно зависит от кислотности почв и видового состава удобрений, причём минеральные удобрения являются лишь дополнением к органическим удобрениям. В этом плане почвы Приморского края характеризуются высокой кислотностью и малым содержанием органического фосфора (20–30% от валового фосфора). Остальной фосфор представлен минеральными фосфатами, что обуславливает низкую обеспеченность пахотных земель подвижным фосфором [6]. Урожайность, в частности, кукурузы прямо пропорционально зависит от внесения органических удобрений, оказывающих положительное влияние на агрохимические, агрофизические и биологические свойства почвы. «Твёрдые» органические удобрения вносят в пределах 30–40 т/га, жидкий навоз – 60–80 т/га [7]. Фактическое внесение органики в размере 0,2 т/га (табл. 2) приводит к низкой урожайности данной культуры.

Таблица 2

**Технико-экономические показатели развития
аграрного сектора Приморского края**

Показатели	2013	1985	2013/1985, %
Сельское население, тыс. человек	451,3	494,8	91,2
Численность работников в сельском хозяйстве, тыс. человек	75,0	78,3	95,8
Вся посевная площадь, тыс. га	379,0	753,5	51,6
В том числе:			
Зерновые и зернобобовые культуры	106,8	231,8	46,1
Технические культуры	176,0	103,9	1,69 р.
Картофель и овощебахчевые культуры	41,7	58,0	71,9
Кормовые культуры	54,5	359,8	15,1
Внесено минеральных удобрений на 1 га посева, кг	62	н. д.	
Площадь, удобренная минеральными удобрениями, % от всей посевной	60,6	н. д.	
Внесено органических удобрений на 1 га посева, кг	200	н. д.	
Площадь, удобренная органическими удобрениями, % от всей посевной	1,6	н. д.	
Урожайность, центнеров /га			
В том числе:			
Зерновые и зернобобовые культуры	23,9	13,2	1,81 р.
Технические культуры – соя	10,0	8,9	112,3
Картофель и овощебахчевые культуры – картофель	174,9	117,0	1,49 р.
Кормовые культуры – кукуруза на си- лос, зелёный корм и сенаж	154,5	206,0	0,75

В целом следует отметить, что существует масса проблем на пути возрождения эффективного сельского хозяйства в регионе. Системный кризис, охвативший агропромышленный комплекс, пока не находит чёткого разумного его решения. Проблема усугубляется, с одной стороны, приходом к власти неквалифицированных кадров, с другой, уходом из отрасли (по возрасту и др.) профессионалов. Отсюда стремление быстро решить проблемы, неважно, каким путём:

- либо за счёт неорганических удобрений, они более доступны, но экологически опасны – как для почв, так и для получаемых с земли продуктов;
- либо за счёт привлечения дешёвой рабочей силы извне – Китая, Кореи и др., это несёт «опустынивание» сельскохозяйственных земель.

- либо путём перевода сельскохозяйственных земель в другие категории с дальнейшей их сдачей в аренду.

Отсутствие грамотной концепции развития сельского хозяйства, постоянное изменение правил (налоговой и прочей политики), борьба за отмену санкций в области поставок сельскохозяйственной продукции не даёт возможности проводить кропотливую работу по воссозданию комплексного агропромышленного хозяйства с учётом изменившихся реалий. Отсюда, как следствие, если китайская сельскохозяйственная продукция на рынках региона год-два назад реализовывалась в два раза дешевле отечественной (из-за качественных характеристик), то в настоящее время цены сравнялись, хотя качество китайской продукции осталось тем же*.

В настоящее время в Китае, в частности, в Северо-Восточных провинциях (СВП) Китая, всё подчинено получению высоких урожаев. Урожайность воспроизводимых культур в этих регионах, а также на арендуемых китайцами землях Амурской области и Еврейской автономной области (Россия) почти в два раза превосходит аналогичные показатели российских сельскохозяйственных аборигенов, в том числе на аналогичных землях (табл. 3). Относительное исключение составляет кукуруза, требующая, как было отмечено выше, большого количества органических удобрений.

Таблица 3

Современная средняя урожайность основных кормовых сельскохозяйственных культур, ц/га [8–11]

Показатели	Китайские сельхозпроизводители (КС)	Российские сельхозпроизводители (РС)	КС / РС, раз
Зерновые культуры (пшеница озимая)	39	23	1,7
Технические культуры – соя (Амурская область)	25–30	10–15	2,5–2,0
Картофель	235	125	1,9
Кормовые культуры (кукуруза на зерно)	59	39	1,5
Кормовые корнеплоды (кормовая свекла)	281	141	2,0

Ориентация китайского сельского хозяйства на быстрый экономический рост обуславливает интенсивное использование минеральных удобрений, ин-

* В 2016 г. рост цен на китайские товары до уровня цен на европейские товары произошёл и по отношению к промышленным товарам, имеющим сомнительное качество.

сектицидов, гербицидов и т.п., способствующих, с одной стороны, значительному повышению урожайности сельскохозяйственных культур, с другой – резкому загрязнению грунтовых вод, рек, озёр и морской акватории.

Большой урон экологии Китая наносят разбросанные по всей стране бесчисленные сельские предприятия, в большинстве своём технически примитивно оснащённые и пренебрегающие правилами и нормами защиты окружающей среды. На отдельных территориях вредные вещества из промышленных стоков проникают в оросительные сети и усваиваются сельскохозяйственными культурами, причиняя большой ущерб здоровью людей. Новым источником загрязнения за последнее десятилетие стало промышленное животноводство и птицеводство, которое в районах с густой речной сетью загрязняет её даже больше, чем промышленность [12].

В итоге, Китай – одна из стран, больше всего страдающих от плохой экологии. Так, эрозии в настоящее время подвержены 19 % всех земель Китая, сильнее всего, в частности, страдает бассейн реки Янцзы [13].

Следует отметить, что схожие проблемы уже присущи и сельскохозяйственным регионам российского Дальнего Востока. Они обусловлены как методами хозяйствования китайцев на наших землях, так и уже деятельностью новых русских сельхозпроизводителей, которые охотно перенимают китайские методы ведения сельского хозяйства, в том числе и экологически опасные. Аналогично Китаю в регионе возникают мелкие сельскохозяйственные предприятия. Плохого в этом ничего нет, кроме того, что они располагаются бессистемно (особенно небольшие животноводческие хозяйства), занимая лучшие экологически важные участки, и тем самым наносят вред экологии региона.

Таким образом, возникает целый спектр вопросов:

1. Нужен ли сельскохозяйственным регионам Дальнего Востока китайский опыт ведения хозяйства, ведущий к «опустыниванию» земель?
2. При существующей либерализации торговли с Китаем разумные методы ведения сельского хозяйства в России, по сравнению с китайскими (экологически опасными), приведут к тому, что российские производители не выдержат ценовой конкуренции по сельскохозяйственным продуктам?
3. Куда будут мигрировать китайцы от плохой экологии и постепенной деградации и утраты плодородных земель?
4. И традиционный для России вопрос – что делать?

Опустим 1 и 3 вопросы в силу, с одной стороны, очевидности ответов на них, с другой – мистических надежд на научно-технический прогресс, хотя он совершенно не гарантирует появление новых решений и открытий к определенному моменту времени.

Оценим издержки либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией между регионами РДВ и СВП Китая. Общая тенденция такова, что

российский дальневосточный рынок быстрее заполняется импортными товарами из Китая, чем китайский рынок российскими товарами [14].

Многолетний опыт ведения сельского хозяйства в южных районах Дальнего Востока показывает, что в ближайшей перспективе отечественные сельхозпроизводители будут практически в два раза уступать в производстве продукции растениеводства по урожайности культур китайским сельхозпроизводителям. Поэтому при неконтролируемом товарообмене российские производители не выдержат ценовой конкуренции с китайскими по традиционным группам сельхозпродукции (картофель, помидоры, огурцы, свёкла и т.д.), производимым ими как в дальневосточных российских регионах, так и в СВП Китая. Попустительство надзорных органов за качеством продукции, коррупция и т.п. сопутствуют утверждению китайской продукции на уровне российской, что и наблюдается в настоящее время. Разница в издержках на производство продукции продолжит вытеснение российского производителя из сельскохозяйственной отрасли «растениеводство». Отсюда возможны два сценария: первый – продолжается отток населения из региона; второй – осуществляется «подталкивание» регионов РДВ к продаже только природных ресурсов, в т. ч. и земельных. Это собственно и требуется – как Китаю, так и Японии, и Республике Корея.

Пока умышленно акцент делался на растениеводство. И, как было показано, особых успехов на этом пути в ближайшие годы достигнуто не будет.

Второе направление развития сельского хозяйства – животноводство. И вот здесь пока все преимущества на стороне российских производителей. И, в первую очередь, из-за наличия территорий, которые можно использовать (и которые когда-то при Советской власти использовались) для развития животноводства и кормовой базы для него.

СВП Китая в области развития животноводства не имеют таких возможностей, так как высокая плотность населения и интенсивное использование земельного фонда препятствуют его интенсивному развитию. В Китае два типа животноводства:

- первый тесным образом связан с земледелием, в земледельческих районах разводят преимущественно свиней, тягловый рабочий скот и птицу;
- второй тип связан со скотоводством, в котором преобладает высокая доля рабочего скота по сравнению с молочным животноводством.

Болезни животных, повышение уровня жизни, нежелание молодежи оставаться в сельских районах и т.п. побуждают сельские домохозяйства отказываться от разведения скота. Животноводство всё более становится специализированным сельскохозяйственным сектором, с упором на максимизацию роста животных и крупные интегрированные сельхозпредприятия. На Китай приходится половина мирового производства и потребления свинины, однако птица завоевывает всё большую популярность. Увеличе-

ние потребления населением Китая мяса на фоне возрастающего значения кормов для растущего поголовья животных становится актуальной проблемой. Рост стоимости кормовых ресурсов и рост производственных расходов ограничивают развитие собственных животноводческих секторов. Поэтому на фоне обостряющихся ресурсных ограничений (количество лугов и пастбищ мало и их качество постоянно ухудшается, ограничивая производство мясного, молочного скота и овец) следует ожидать увеличения импорта кормов и мяса в Китай [15].

Однако, в сравнении с растениеводством, животноводство в целом требует больших вложений, имеет более долгий цикл производства и дольше окупается. Это трудоподъёмно и непривлекательно для некрупных категорий сельхозпроизводителей – крестьянских (фермерских) хозяйств. Поэтому развитие животноводства под силу преимущественно крупным сельскохозяйственным организациям. Согласно статистике, по итогам 2015 г. доля продукции растениеводства в стоимостном выражении по России составила 52%, а животноводства – 48%. Фермеры произвели растениеводческой продукции 78,5%. У сельскохозяйственных организаций 54% стоимости их продукции дало животноводство. В отдельных регионах животноводство составило до 80%, производимой ими сельскохозяйственной продукции [16].

Итак, приоритетным направлением развития, в частности, Приморского края можно считать животноводство, которое к концу 1980-х годов давало около 65–70 % всей продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении, а в настоящее время только 36–38%.

Сущность этой проблемы и путей её решения находит понимание и у власти. Так, в рамках проектов территорий опережающего развития (ТОР) намечаются к реализации и уже частично реализуются ряд проектов, в частности, ТОР «Михайловское». В ТОР компания «Хороль Агро Холдинг» будет выращивать сою на 2 500 га земли с урожайностью 10 ц/га. На территории ТОР компания «Мерси Трейд» намеревается реализовать масштабный инвестиционный проект по строительству группы свинокомплексов производительностью до 540 тыс. голов в год. В настоящее время у данной компании работает свинокомплекс лишь на 39 тыс. голов [17].

В целом, в ближайшее время не наблюдается кардинальных изменений в решении проблем по развитию животноводства. Причина в сложности и затратности данной подотрасли. Здесь нужны крупные инвестиции. Источник инвестиций для развития животноводства, особенно в рискованных регионах с фактически не развитой инфраструктурой, – федеральный бюджет. Так как на большие инвестиции трудно рассчитывать, то в ближайшее время можно надеяться только на тлеющее развитие направления «животноводство», особенно крупного рогатого скота, в т. ч. коров.

В последнее время на Дальнем Востоке широкое распространение получила идея бесплатного получения любым гражданином России в пользование 1 га земли, который в случае его эффективного использования через 5 лет переходит в собственность. Одна из целей – решение демографической проблемы и обеспечение освоения пространства Дальнего Востока силами российских граждан в современных экономических условиях. Земля предоставляется минимум в 10 км от городов (населенных пунктов) численностью 50 тыс. человек, или 20 км от городов численностью 300 тыс. человек. Землю можно использовать для строительства дома, ведения сельского хозяйства, занятия предпринимательством.

1 га земли – это ничто, он достаточен только для обустройства семьи и семейного подсобного хозяйства, но он не решит проблему сельскохозяйственного предпринимательства. К тому же одной земли недостаточно, необходимы доступные кредиты для приобретения соответствующей техники, семенного материала и т.д. Различные ссылки на опыт предшествующего заселения Дальнего Востока должны быть скорректированы с учётом современных реалий, запросов населения и мировых тенденций развития территорий XXI в. Следует помнить, что переселенцы первой волны (XIX в.), прибывая на Дальний Восток, приобретали скот, семена, продукты питания на месте за счёт средств казны. Они на 5 лет освобождались от государственных повинностей, податей и налоговых платежей.

Таким образом, 1 га – слишком мало для фермерского хозяйства, личное подсобное хозяйство утрачивает в настоящее время своё значение, а для привлечения переселенцев из регионов со сложившейся инфраструктурой нужно создать более привлекательные условия по сравнению с теми, которые они имели. Из поданных заявок дальневосточников на 1 га следует, что землю берут больше по инерции, на всякий случай, вдруг потом можно будет её продать. Такой опыт уже был, когда выделялась земля в черте города (в частности, во Владивостоке) под строительство коттеджей, а потом продавалась. Подтверждением такой гипотезы служат первые заявки от претендентов на бесплатную землю в Ханкайском районе Приморского края, когда из 11 поступивших заявок все они были от пчеловодов, собирающихся организовать на запрашиваемых участках пасеки [18].

Выдача гектаров приведёт к делению крупных территориальных массивов на отдельные малоразмерные земельные наделы, которые при организации крупных животноводческих организаций (а это приемлемое и перспективное с позиции предшествующего опыта направление развития) возможно придётся выкупать с целью формирования массива земель под кормовую базу и животноводческие фермы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приморье в девятой пятилетке : стат. сб. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1976. – 88 с.
2. Народное хозяйство Приморского края в 1982 году : стат. сб. – Владивосток : ЦСУ РСФСР, Стат. упр. Приморского кр., 1983. – 214 с.
3. Народное хозяйство Приморского края в 1991 году : стат. сб. – Владивосток : Госкомстат России, Приморское кр. упр. статистики, 1992. – 236 с.
4. Приморский край в 2001 году : (стат. сб.). – Владивосток : Госкомстат России, Приморский кр. комитет гос. статистики, 2002. – 268 с.
5. Приморский край: социально-экономические показатели : (стат. сб.). – Владивосток : Территор. орган федерал. службы гос. статистики по Приморскому кр., 2014. – 362 с.
6. Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scienceproblems.ru/razvitie-selskogo-hozjajstva>.
7. Особенности питания и удобрения кукурузы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Activestudy.info/osobennosti-pitaniya-udobreniya-kukuruzy>.
8. Для крестьян из северо-восточных регионов Китая выращивание сои в России – рентабельный бизнес [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grainboard.ru/news/dlya-krestyan-iz-severo-vostochnih-regionov-175958>.
9. Рекордная урожайность кукурузы зафиксирована в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fxstock.ru/80942-Rekordnaya-urozhainost-kukuruzy-zafiksirovana-v-Kitae.html>.
10. Приморский край. Производство и реализация сельскохозяйственной продукции (Урожайность сельскохозяйственных культур) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knoema.ru/atlas>.
11. Китай в цифрах: Урожайность картофеля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chinalist.ru/facts/?p_param=1066.
12. Проблемы Китая, или Обратная сторона витрины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newsland.com/user/4297751185/content/problemu-kitaia-ili-obratnaia-storona-vitriny/4386610>.
13. Метание гиганта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scibook.net/populyarnom-izlozenii-istoriya-kitay-metaniya-giganta-38328.html>.
14. Кравченко, А. А. Оценка взаимной трансграничной торговли России и Китая / А. А. Кравченко, О. О. Сергеева // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2015. – № 2. – С. 37–46.
15. Китай в следующем десятилетии: Рост спроса на мясо и увеличение импорта кормов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meatinfo.ru/news/kitay-v-sleduyushchem-desyatiletii-rost-sprosa-322020>.

16. Растениеводство и животноводство: что выгоднее? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agro365.ru/chto-pribyilnee-zhivotnovodstvo-ili-rastenievodstvo.html>.

17. На территориях опережающего развития Дальнего Востока реализуют три сельскохозяйственных проекта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.primorsky.ru/news/common/108165/>.

18. На «бесплатные гектары» в Ханкайском районе Приморья первыми нацелились местные пасечники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/25969067/>.

REFERENCES

1. *Primorye in the Ninth Five-Year Plan (Statistical Yearbook)*. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 88 p.

2. *The national economy of Primorsky Territory in 1982 (Statistical Yearbook)*. Vladivostok: The Statistical Office of the Primorsky Territory Publ., 1983. 214 p.

3. *The national economy of Primorsky Territory in 1991 (Statistical Yearbook)*. Vladivostok: State Statistics Committee of Russia, Primorye regional Department of Statistics Publ., 1992. 236 p.

4. *Primorsky Territory in 2001 (statistics)*. Vladivostok: St. Statistics Committee of Russia, Primorsky Regional Committee of S. Statistics Publ., 2002. 268 p.

5. *Primorsky Territory: socio-economic indicators (statistics)*. Vladivostok: Territorial body of the Federal St. Statistics Service in the Primorsky Territory Publ., 2014. 362 p.

6. *Development of agriculture and regulation of agricultural markets*. Available at: <http://scienceproblems.ru/razvitie-selskogo-hozjajstva> (accessed 16 August 2016). (In Russian).

7. *Features food and fertilizer corn*. Available at: <http://www.Activestudy.info/osobennosti-pitaniya-udobreniya-kukuruzy/> (accessed 16 August 2016). (In Russian).

8. *For the peasants of the north-eastern regions of China the cultivation of soya in Russia – rent-cabing business*. Available at: <http://grainboard.ru/news/dlya-krestyan-iz-severo-vostochnih-regionov-175958> (accessed 16 August 2016). (In Russian).

9. *Record corn yield recorded in China*. Available at: <http://fxstock.ru/80942-Rekordnaya-urozhainost-kukuruzy-zafiksirovana-v-Kitae.html> (accessed 16 August 2016). (In Russian).

10. *Primorsky Territory. Production and sales of agricultural products (Crop)*. Available at: <http://knoema.ru/atlas> (accessed 16 August 2016). (In Russian).

11. China in Figures. Agriculture. Available at: http://www.chinalist.ru/facts/?p_param=1066 (accessed 16 August 2016). (In Russian).
12. Problems of China, or the reverse side windows. Available at: <https://newsland.com/user/4297751185/content/problemy-kitaiia-ili-obratnaia-storona-vitriny/4386610> (accessed 16 August 2016). (In Russian).
13. Throwing giant. Available at: <http://scibook.net/populyarnom-izlojenii-istoriya-kitay-metaniya-giganta-38328.html> (accessed 16 August 2016). (In Russian).
14. Kravchenko A.A., Sergeeva O.O. Evaluation of Russia and China's mutual cross-border trade. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2015, no. 2, pp. 37–46.
15. *China in the next decade: growth in demand for meat and the increase in imports of feed*. Available at: <http://meatinfo.ru/news/kitay-v-sleduyushchem-desyatiletii-rost-sprosa-322020> (accessed 16 August 2016). (In Russian).
16. *Crop and livestock: it is more profitable?* Available at: <http://agro365.ru/chto-pribyilnee-zhivotnovodstvo-ili-rasteniievodstvo.html> (accessed 16 August 2016). (In Russian).
17. *In the territories of priority development of the Far East implementing three agricultural project*. Available at: <http://www.primorsky.ru/news/common/108165/> (accessed 16 August 2016). (In Russian).
18. *On «Free hectares» in the Khankaysky district of Primorye first targeted local beekeepers*. Available at: <https://news.mail.ru/economics/25969067/> (accessed 16 August 2016). (In Russian).

ЭКОНОМИКА КИТАЯ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

CHINA ECONOMY: EXPERIENCE, PROBLEMS AND PROSPECTS

УДК 336.14(510)

Г.А. Горбацевич¹

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
E-mail: glebgorbatsevich@gmail.com

БЮДЖЕТНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ В КИТАЕ

В статье рассматривается проблема несбалансированности бюджетной системы Китая. Углубление разрывов в бюджетной обеспеченности провинций – серьёзная проблема социально-экономического развития не только Китая, но и большинства стран с формирующимися рынками, включая Российскую Федерацию. Более того, в случае обострения проблема задолженности провинциальных бюджетов может стать источником системных рисков для мировых финансовых рынков и мировой экономики. Уже сейчас многие эксперты обращают внимание на то, что объём задолженности бюджетов китайских провинций превышает запас официальных инвалютных резервов страны. Однако пока темы влияния дисбалансов региональных бюджетов и возможных способов снижения уровней накопленного провинциями внешнего и внутреннего долга остаются недостаточно разработанными исследователями. Частично это объясняется как ограниченной доступностью статистических данных по провинциальным и местным бюджетам, так и концентрацией эмпирических исследований на международных макроэкономических проблемах после глобального финансового кризиса.

В статье проводится анализ динамики дефицитов провинциальных правительств и валового регионального продукта провинций Китая за пе-

¹ Глеб Александрович Горбацевич, студент факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Горбацевич, Г.А. Бюджетные дисбалансы в Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2016. – № 3. – С. 103–116.

риод 2004–2014 гг. Выбор данного временного отрезка объясняется несколькими причинами. Во-первых, он включает два периода посткризисного восстановления национальной экономики. Это позволяет проследить эффективность бюджетного стимулирования экономического роста на уровне провинций. Во-вторых, для этого периода доступны относительно полные статистические данные по базовым разделам провинциальных бюджетов. В-третьих, доступны данные по источникам финансирования бюджетных дефицитов и используемых на провинциальном уровне способов управления накопленным долгом.

Проведённый в статье анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, сопоставление бюджетной обеспеченности субъектов центрального подчинения Китая свидетельствует об углублении диспропорций в региональном развитии. Во-вторых, для достижения цели, выдвинутой руководством КНР, перехода к модели развития, основанной на внутреннем спросе, стране предстоит кардинально реформировать бюджетную систему государства. От того, насколько успешно стране удастся решить проблему снижения задолженности общественного сектора, уменьшить разрывы в социально-экономическом развитии приморских и внутренних провинций, будет зависеть возможность перехода Китая к более устойчивой модели развития, основанной на внутреннем потреблении.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, экономика Китая, бюджетная политика, бюджетные дисбалансы, экономическое развитие, долговое финансирование, модель развития, страны с формирующимися рынками, мировой экономический кризис, региональное развитие.

Gleb A. Gorbatsevich¹

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian
E-mail: glebgorbatsevich@gmail.com

FISCAL IMBALANCES IN CHINA

This article examines fiscal imbalances of China. Widening fiscal capacity disparities is a common problem not only for China but for many emerging market economies, including the Russian Federation. In case of deterioration, this

¹ Gleb A. Gorbatsevich, student of School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian.

For citing: Gorbatsevich, Gleb A. Fiscal imbalances in China // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2016, no. 3, p. 103–116.

issue may become a source of system risks for international financial markets and pose high level threat to world economy. Some observers draw attention to the fact that the debt accumulated by provincial and local governments already exceeds the level of China's foreign exchange reserves. However, the problem of subnational debt and regional fiscal imbalances still has not got due attention. Partly it can be attributed both to the limited availability of data on provincial and local budgets and to the tendency of the recent studies to be focused on international macroeconomic issues after global financial crisis.

Analysis employs province-level data between 2004 and 2014 to assess the dynamics of GRP and fiscal deficits on provincial level. This particular time span was chosen due to a number of reasons. First, the time span includes two periods of post-crisis economic recovery and, as consequence, enables us to draw conclusions on how effective the fiscal stimulus on provincial level was. Second, relatively complete data on provincial budgets are available for the time period. Third, data on deficit financing sources and debt management practices on local level are also available.

The analysis leads to several conclusions. Firstly, the disparity of regional development levels shows a consistent trend of further widening. Secondly, in order to perform transition to more sustainable model of economic development China needs to undergo a set of comprehensive fiscal reforms consisting of public sector deleveraging, especially on the level of provinces, apportioning revenue and expenditure between central and local governments and the narrowing gap in social-economic development between inland and coastal regions.

Key words: People's Republic of China, China's economy, fiscal policy, budget imbalances, economic development, deficit financing, development model, emerging markets, global economic crisis, regional development.

Как продемонстрировал мировой финансовый кризис, сегодня, в условиях повсеместной глобализации, в особенности в финансовой сфере, возможности устойчивого развития отдельных государств тесно переплетены между собой. Тем временем, именно в Китае ряд экономистов видит потенциал катализатора мирового экономического роста и международной консолидации на базе внешнеэкономической деятельности, подкрепляя данный тезис созданием Азиатского Банка Инфраструктурных Инвестиций, а также ролью Китая в решении международных проблем. Вне всякого сомнения, Китай, претендующий в ближайшее десятилетие на место ведущей экономики мира, будет оказывать решающее воздействие на формирование контуров будущего. Вместе с тем, не следует забывать о необходимости тщательного исследования потенциальных рисков китайской экономики, которые, ввиду

мультипликационного эффекта на мировую систему экономики, могут привести к катастрофическим последствиям глобального масштаба.

В 2007 г. Вэнь Цзябао охарактеризовал экономику Китая как «нестабильную, несбалансированную, нескоординированную и неустойчивую» [1]. Структурные проблемы, позволившие премьер-министру Китая дать подобную оценку преобладающей модели экономического роста, широко известны, и в последнее десятилетие их анализу был посвящён обширный поток литературы. Однако следует подчеркнуть, что среди исследований преобладал анализ взаимосвязей Китая с миром, в то время как анализу процессов внутри страны уделялось ограниченное внимание. Частично это объясняется как ограниченной доступностью статистических данных, охватывающих всю бюджетную систему страны, так и концентрацией эмпирических исследований на международных и региональных макроэкономических проблемах после глобального финансового кризиса.

Внутренние дисбалансы

К числу наиболее часто выделяемых экспертами проблем китайской экономики, которые либо уже отрицательно сказываются на национальном развитии, либо могут серьёзно его сдерживать, как правило, относят: крайне низкую долю потребительских расходов домохозяйств; сравнительно низкую долю инвестиций в ВВП; чрезмерно раздутый промышленный сектор, ориентированный на экспорт; увеличивающийся и, по оценкам аналитиков, критический масштаб инвестиций в недвижимость. Среди видных западных экономистов последнего десятилетия, предпринявших попытку провести наиболее полный анализ внутренних проблем Китая, можно выделить двух.

Н. Ларди, эксперт по экономике Китая (Институт мировой экономики Петерсона), основной источник опасных дисбалансов, усиливающихся в финансовой системе страны, видит в проводимой политике финансовой репрессии [2]. Под последней Н. Ларди понимает фактически отрицательную среднюю доходность по краткосрочным банковским депозитам, поддерживаемую Народным Банком Китая с 2003 г. В период 1997–2003 гг. реальная процентная ставка держалась на уровне 3%, но затем она стала отрицательной [3]. Такая процентная политика позволяла обеспечить кредитование промышленности по низким ставкам, но сдерживала рост доходов домохозяйств. Увеличивая долю располагаемого дохода, направляемого на сбережения, домохозяйства сокращали текущее потребление, что уменьшало совокупный внутренний спрос. Финансовая репрессия – распространенный инструмент воздействия на распределение финансовых ресурсов в национальной системе хозяйствования. С помощью увеличения относительной инвестиционной привлекательности финансовых продуктов определенной отрасли экономики государство может добиться масштабного притока де-

нежных средств в данную сферу деятельности. Народный Банк Китая в период 2002–2007 гг., когда средний темп годовой инфляции ускорился до 9%, установил пол процентной ставки по розничным банковским депозитам всего лишь на уровне в 2,74%. Подобный скрытый налог на сбережения домохозяйств позволял перераспределять финансовые средства в пользу субъектов промышленного сектора и строительных фирм посредством «дешёвых» кредитов. Кроме того, отрицательная процентная ставка по депозитам позволяла банкам получать значительную процентную маржу, даже в условиях, когда производственным предприятиям предоставлялась отсрочка погашения основной суммы кредита. В то же время домохозяйства Китая были весьма ограничены в выборе финансовых активов для хранения сбережений – для большинства населения единственно доступной формой сбережений были банковские депозиты. Этому также способствовала сложная ситуация в других сегментах финансового рынка: рынок акций характеризовался высокой волатильностью; рынок недвижимости, по оценке Р. Шиллера (профессор Йельского университета), был перегрет и представлял серьёзную опасность для розничных инвесторов; рынок облигаций в основном был представлен государственными обязательствами, операции с которыми могли проводить крупные банки и финансовые институты с доминирующим государственным участием [4]. При этом домохозяйства были вынуждены делать сбережения в силу отсутствия развитых систем социального и медицинского страхования, отсутствия системы всеобщего бесплатного образования.

Ряд исследований также указывают, что финансовая репрессия стала одной из основных причин как внутренних, так и внешних дисбалансов китайской экономики [5]. В их число эксперты включали относительно чрезмерное развитие первичного и вторичного секторов по сравнению с третичным сектором, необоснованно большой профицит платёжного баланса. Необходимо заметить: ряд специалистов доказывают, что в долгосрочном периоде механизм финансовой репрессии малоэффективен для поддержания высоких темпов экономического роста, подчеркивая, что предпочтительнее наличие хорошо функционирующей институциональной инфраструктуры и экономическая либерализация.

М. Петтис, профессор финансов в Пекинском университете, в качестве наиболее серьёзной угрозы устойчивому развитию Китая указывает на модель стимулирования экономического роста посредством наращивания долга [6]. Необычно высокие темпы экономического роста в последние два десятилетия поддерживались в Китае посредством внутренней кредитной экспансии, размещением крупных облигационных займов (как государственных, так и частных), привлечением иностранных инвестиций. Подавляющая часть заимствований официального сектора направлялась на фи-

нансирование капиталоемких и ресурсоемких долгосрочных инвестиционных проектов и развитие инфраструктуры. Зачастую после реализации проектов их текущая доходность была ниже, чем издержки обслуживания накопленного долга. К настоящему времени накопленный запас совокупного долга, по мнению Петтиса, из катализатора экономического роста стал серьезным его ограничителем.

Кроме того, Петтис, как и ряд других синологов, ставит под сомнение валидность и достоверность китайской финансовой отчетности. Он отмечает, что значительная часть накопленных плохих долгов не находит отражения в официальной отчетности ни провинциальных правительств, ни банковского сектора, поскольку формально основными кредиторами выступали финансовые институты теневого банкинга, чья деятельность только становится объектом финансового регулирования и надзора. Отсутствие точной информации о долгах провинциальных правительств лишает возможности осуществлять обоснованное бюджетное планирование ввиду невозможности принимать обоснованные решения в условиях неполной информации, что приводит к усилению дискретности и, как следствие, росту системных рисков внутренней и финансовой стабильности. Относительная недоступность финансовых данных позволяет поддерживать, по оценкам экспертов, завышенный кредитный рейтинг и продолжать привлекать инвесторов. Данные факторы усиливаются финансовой репрессией, искажающей оценку эффективности финансовых институтов Китая – процентная маржа банков завышается искусственно, не благодаря эффективному распоряжению фондами. В то же время, как подчеркивает Петтис, продолжающаяся увеличиваться долговая нагрузка в рамках фискальной системы, точная величина которой не известна, может превысить возможности центрального правительства мобилизовать доступные ему ликвидные активы. А это, в свою очередь, как показывает опыт ряда стран с развивающимися рынками, может спровоцировать тяжёлый системный кризис [7].

Текущая академическая дискуссия посвящена в основном анализу и прогнозу предстоящей динамики экономики Китая, а также рисков, связанных с возможным падением темпов роста ВВП ниже ожидаемых 7% в год. Замедление китайской экономики неизбежно скажется на состоянии мировой экономики. В этом плане особую тревогу у специалистов вызывает состояние местных бюджетов. Огромные долги, накопленные провинциальными и местными правительствами, уже не позволяют реализовывать многие инвестиционные проекты [8].

Состояние провинциальных бюджетов

Для более полной оценки состояния государственных финансов субнационального уровня в статье проводится анализ динамики дефицитов про-

винциальных правительств и валового регионального продукта (ВРП) провинций Китая за период 2004–2014 гг. Выбор данного временного периода объясняется несколькими причинами. Во-первых, он включает два периода посткризисного восстановления национальной экономики. Это позволяет проследить эффективность бюджетного стимулирования экономического роста на уровне провинций. Во-вторых, за этот период доступны относительно полные статистические данные по базовым разделам провинциальных бюджетов. В-третьих, доступны данные по источникам финансирования дефицитов бюджета и используемых на провинциальном уровне способов управления накопленным долгом.

График изменения ВРП за 2004–2014 гг. (диаграмма 1) демонстрирует бурный рост внутреннего продукта в восточных провинциях, имеющих выход к морю, и прилегающих к ним провинциях Центрального Китая. Отчётливо видно: если ранее, в 2004 г., регионы Китая обладали сопоставимым уровнем развития, величиной ВРП примерно одного порядка, то уже в 2009 г. и, тем более, в 2014 г., отдельные провинции в несколько раз превысили свой начальный уровень производства, в то время как большинство регионов показывало очень медленный рост, выйдя к 2014 г. на уровень производства, характерный для приморских провинций в 2004 г., либо вообще не демонстрировали развития, как, например, Тибетский автономный регион или провинция Цинхай.

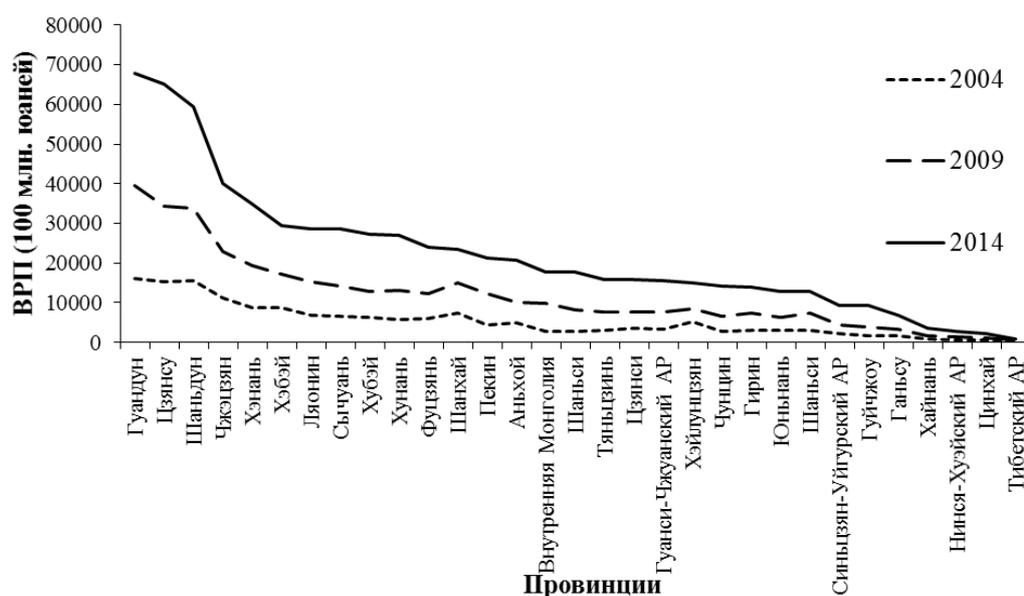

Рис. 1. Динамика провинциальных ВРП КНР, 2004–2014 гг.

Источник: расчеты автора по данным Государственного статистического управления КНР [9]

Имеющиеся статистические данные позволяют выделить четыре группы субъектов: 1) быстро растущие восточные и приморские провинции, ВРП которых уже сравнялся с показателями развитых экономик (Гуандун – Хэнань); 2) провинции центрального Китая, чей ВРП превосходит валовой продукт большинства развивающихся стран (Хэбэй – Пекин); 3) провинции Китая, ВРП которых сопоставим с показателями развивающихся стран (Аньхой – Шэньси); 4) отсталые провинции северо-западного Китая (Юньнань – Тибет) (рис. 2).

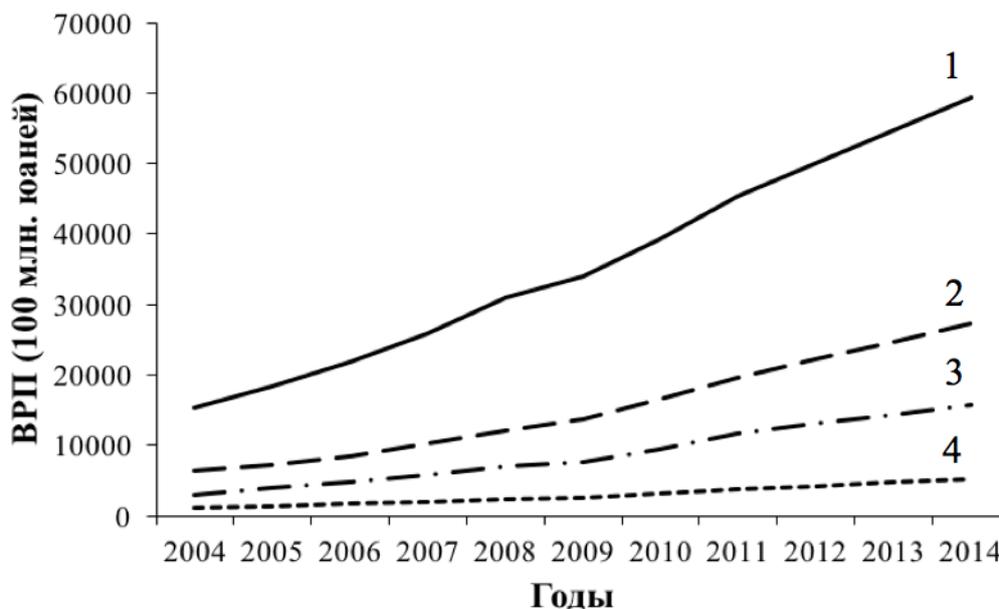

Рис. 2. Композиция медианных ВРП групп провинций 2004–2014 гг.
 Источник: расчёты автора по данным Государственного статистического управления КНР [9]

Все административные субъекты КНР реализуют инвестиционные программы развития. Финансирование капиталоемких инфраструктурных и других масштабных проектов, составляющих основу роста ВРП, осуществлялось за счёт прямых бюджетных ассигнований, кредитов банков развития и прямых иностранных инвестиций. Статистическая консолидация последних двух элементов практически невозможна ввиду ограниченности доступных данных, поэтому остановимся на анализе бюджетных расходов. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что на протяжении рассматриваемого периода провинции Центрального и Западного Китая проводили политику стимулирования ВРП посредством постоянного увеличения

бюджетных расходов (рис. 3). При этом следует заметить, что основные долги сосредоточены в субъектах 2 и 3 групп, наименьшую долговую нагрузку несут регионы 1 группы. Следовательно, провинции 4 группы не привлекательны для кредиторов, и их отставание будет увеличиваться, а регионы 2 и 3 групп чрезмерно обременены долгом, что может замедлить их развитие. Таким образом, можно сделать вывод о существовании значительного разрыва в развитии между регионами Китая.

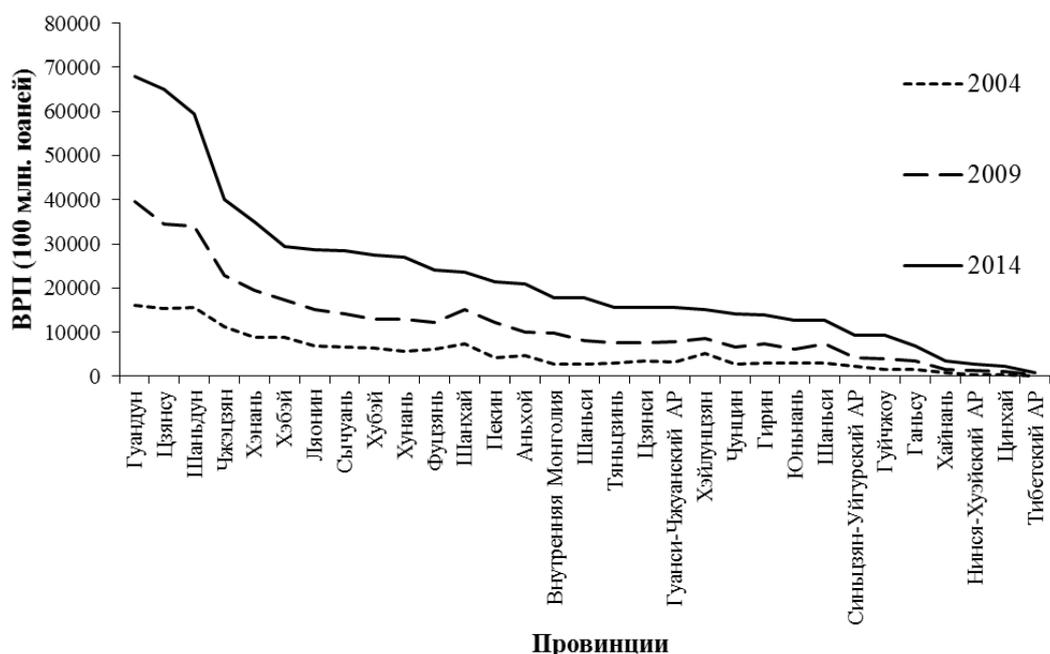

Рис. 3. Динамика дефицитов провинциальных бюджетов, 2004–2014 гг.

Источник: расчеты автора по данным Государственного статистического управления КНР [9]

Об увеличении разрывов в развитии свидетельствует рис. 4 (полиномиальные линии трендов проведены на основании метода наименьших квадратов). Увеличение крутизны полиномиальной линии тренда (коэффициент при старшей степени в уравнении полиномиальной линии тренда 2-й степени: 0,015 [2004 г.], 0,40 [2009 г.], 0,063 [2014 г.]) позволяет говорить о том, что данный разрыв растёт ускоряющимися темпами. Более того, отмеченная тенденция, вероятно, в ближайшее время будет усиливаться в силу: увеличения долгового бремени провинциальных бюджетов в условиях замедления темпов экономического роста и соответствующего сокращения налоговых доходов; проводимой в стране реформы, нацеленной на транс-

формацию накопленной органами исполнительной власти задолженности перед финансовыми институтами в рыночные долговые инструменты.

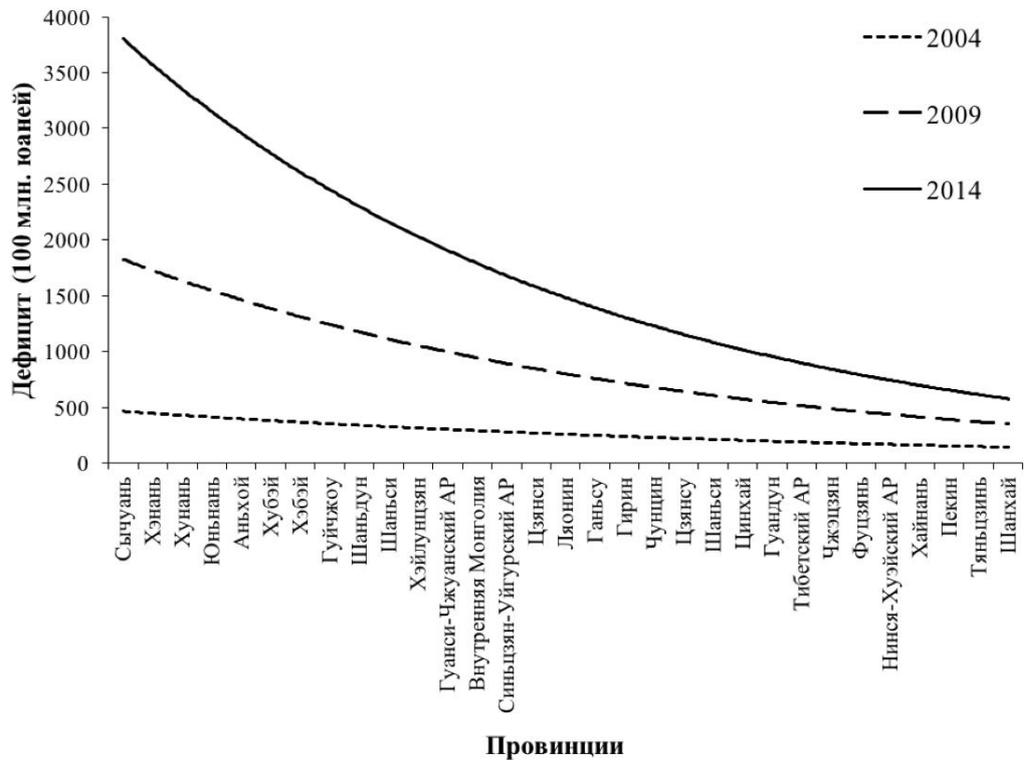

Рис. 4. Тренды ВРП КНР 2004–2014 гг.

Источник: расчёты автора по данным Государственного статистического управления КНР [9]

Сопоставление диаграмм на рисунках 1 и 5 демонстрирует: практика реализации модели долгового финансирования развития успешна не во всех регионах страны. Приморские провинции, имея возможность привлекать прямые иностранные инвестиции и частные национальные инвестиции, обладают явным преимуществом по сравнению с материковой частью Китая. Благодаря этому правительства данной группы провинций могут в меньшей степени опираться на долговое финансирование для реализации инвестиционных проектов (рис. 3). Большая часть провинций континентального Китая для стимулирования экономического роста вынуждена опираться главным образом на прямые бюджетные ассигнования и наращивание долга. Подобная практика усиливает несбалансированность национальной бюджетной системы и ведёт к углублению разрывов в региональном социально-экономическом развитии. Из рис. 5 следует, что более высокие темпы роста ВРП при сопоставимом уровне бюджетного дефицита

были возможны только при доступности для местных правительств значительных бюджетных доходов и частных (национальных и иностранных) прямых инвестиций.

Так, западные провинции практически не демонстрируют рост ВРП, несмотря на постоянно растущую задолженность провинциальных бюджетов (провинции Ганьсу, Хайнань, Нинься, Цинхай, Тибет). Другую группу относительно «бедных» провинций отличают темпы роста, ниже средних по стране, при существенной волатильности прямых бюджетных ассигнований на цели развития (провинции Хэнань, Хубэй, Ляонин, Сычуань).

Частично это может быть объяснено низкой эффективностью значительной доли государственных капиталовложений, к примеру, в объекты транспортной инфраструктуры. Так, строительство Цинхай-Тибетской железной дороги пока не стало катализатором экономического развития региона.

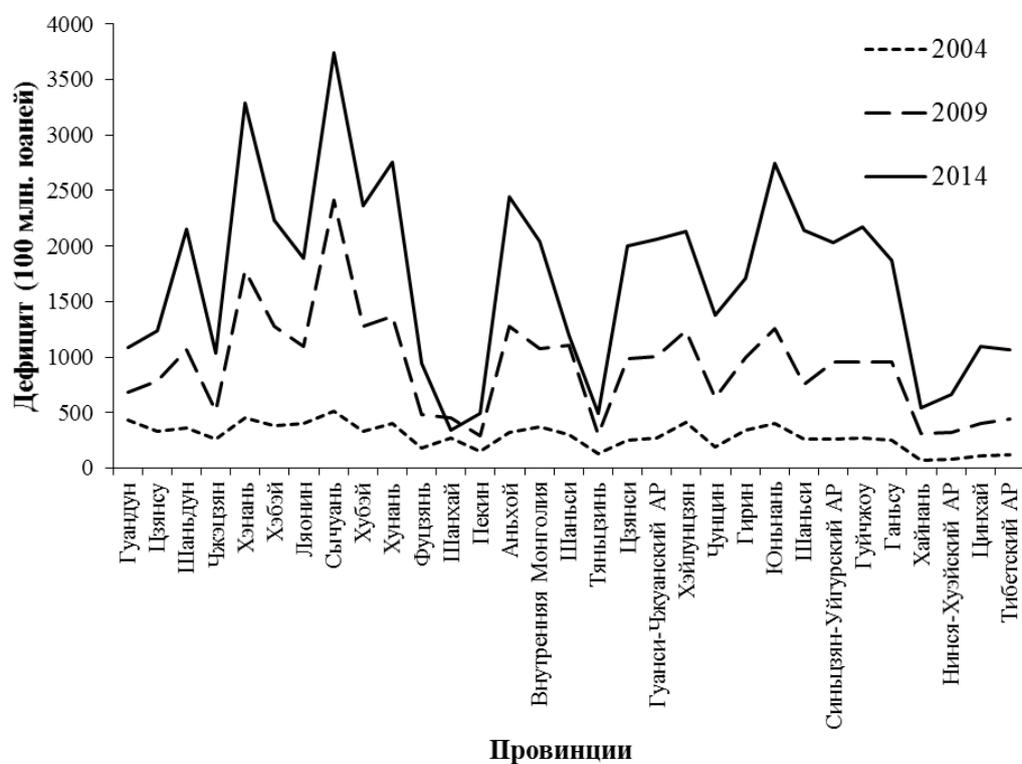

Рис. 5. Дефициты бюджетов провинциального уровня 2004–2014 гг.
(провинции ранжированы по ВРП)

Источник: расчеты автора по данным Государственного статистического управления КНР [9]

Линии трендов на рис. 6 также показывают экспоненциальный характер разрыва в развитии экономик провинций, вызванного усиливающейся зависимостью провинций Центрального и Западного Китая не от стороннего инвестирования или частного капитала, а от прямых бюджетных ассигнований (провинции Шэньси, Гуйчжоу, Ляонин, Цзянси, Ганьсу, Гирин, Чунцин и Гуанси-Чжуанский АР).

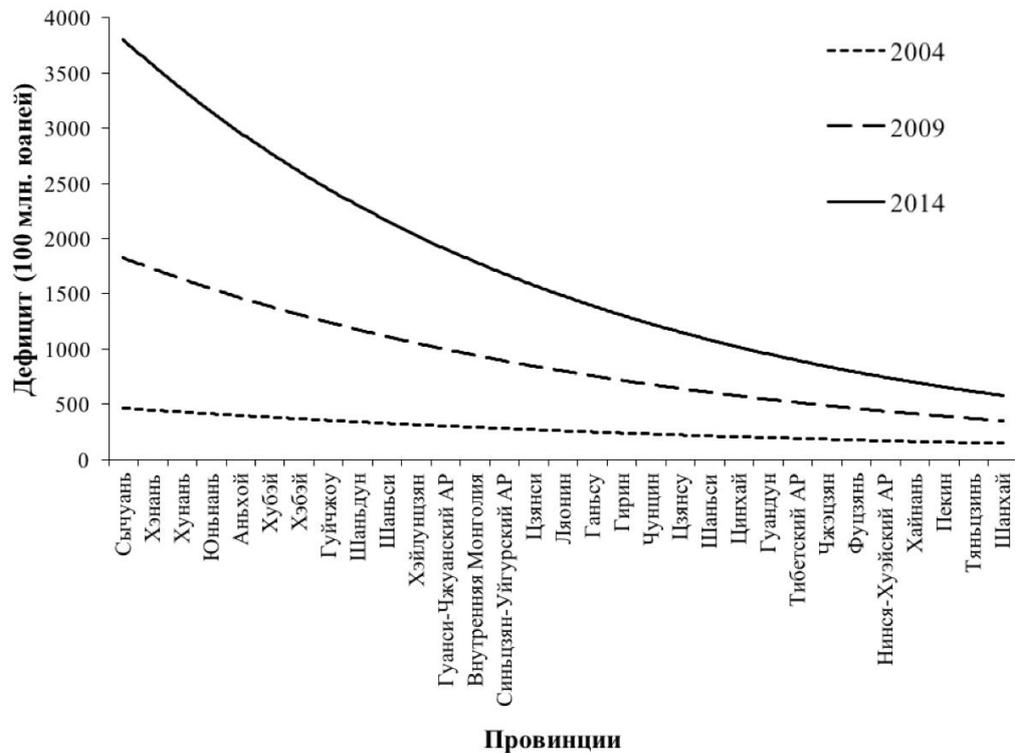

Рис. 6. Тренды дефицитов бюджетов КНР провинциального уровня, 2004–2014 гг.
Источник: расчеты автора по данным Государственного статистического управления КНР [9]

Заключение

В начале 1990-х гг. Дэном Сяопином была провозглашена идея «волнообразного» развития, предполагавшая, что экономический рост приморского «пояса» и привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) после достижения первичного высокого уровня благосостояния в последующем будут передавать стимулы роста вглубь материка, вовлекая в ускоренное развитие центральные и западные регионы страны [10]. Последующий перенос точек роста вглубь территории страны должен был инициировать переход от нестабильной экспортно-ориентированной и подвижной всё большими инвестиция-

ми (главным образом бюджетными и ПИИ) экономики к более устойчивой модели, основанной на внутреннем потреблении.

Несмотря на официальные заявления об успехах в построении модели «устойчивого ускоренного роста», динамика роста ВРП и задолженности провинций КНР в течение последних 10 лет дает основания утверждать о преждевременности подобных суждений. Основным источником роста продолжает служить бюджетная экспансия. Неравенство между провинциями увеличивается. Расширяющийся разрыв в развитии представляет серьёзную угрозу будущему благосостоянию Китая через подрыв внутренней стабильности, размытие рынка труда и эрозию финансовой системы. Более того, в случае обострения проблема задолженности провинциальных бюджетов может стать источником системных рисков для мировых финансовых рынков и мировой экономики.

Система государственных финансов Китая входит в весьма ответственный и сложный период, в котором от того, насколько последовательно будут приведены в действие меры по снижению уровня задолженности государственного сектора и по либерализации финансовой сферы, будет зависеть стабильность экономики КНР. Центральному правительству необходимо будет усилить контроль за финансовой деятельностью государственных корпораций и установить реальные жёсткие бюджетные ограничения для органов управления субсуверенного уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zhu, L. Premier [Электронный ресурс] // The Xinhua News Agency. – 2007. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/english/2007-03/16/content_5856569.htm.
2. Lardy, N. Sustaining China's Economic Growth After the Global Financial Crisis / N. Lardy. – Washington D. C. : Peterson Institute for International Economics Publication, 2012. – 220 p.
3. Lardy, N. Financial Repression in China / N. Lardy. – Washington D. C. : Peterson Institute for International Economics Publication, 2008. – 44 p.
4. Schiller, R. The Subprime Solution / R. Schiller. – New Jersey : Princeton University Press, 2013. – 208 p.
5. Johansson, C. A. Financial repression and structural imbalances / C. A. Johansson. – Stockholm : School of Economics, 2011. – 50 p.
6. Pettis, M. Avoiding The Fall / M. Pettis. – Washington D. C. : Carnegie Endowment for International Peace, 2013. – 172 p.
7. Pettis, M. The Volatility Machine / M. Pettis. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 272 p.

8. 徐策. 防止低效与无效投资造成巨大浪费 / 策徐. – 北京: 国家发改委宏观经济研究院, 2014. – 86 页. [Сю, Цэ. Не допустить неэффективных инвестиций / Цэ Сю. – Пекин : Академия макроэкономических исследований, 2014. – 86 с.]. – Кит.

9. National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn>.

10. Xiaoping, D. *Selected Works of Deng Xiaoping* / D. Xiaoping. – Beijing : Foreign Literature Press, 1994. – 1362 p.

REFERENCES

1. Zhu L. Premier. *The Xinhua News Agency: official website*. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/2007-03/16/content_5856569.htm (accessed 17 May 2015).

2. Lardy N. *Sustaining China's Economic Growth After the Global Financial Crisis*. Washington D.C.: Peterson Inst. for Internat. Econ. Publication, 2012. 220 p.

3. Lardy N. *Financial Repression in China*. Washington D.C.: Peterson Inst. for Internat. Econ. Publication, 2008. 44 p.

4. Schiller R. *The Subprime Solution*. New Jersey: Princeton Univ. Press, 2013. 208 p.

5. Johansson C.A. *Financial repression and structural imbalances*. Stockholm: School of Economics, 2011. 50 p.

6. Pettis M. *Avoiding The Fall*. Washington D.C.: Carnegie Endowment for Internat. Peace, 2013. 172 p.

7. Pettis M. *The Volatility Machine*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. 272 p.

8. Xu C. *Prevent inefficient and wasteful investment*. Beijing: Academy of Macroecon. Research, 2014. 86 p. (in Chinese).

9. National Bureau of Statistics of China. *NBS: official website*. Available at: <http://www.stats.gov.cn> (accessed 15 May 2015).

10. Xiaoping D. *Selected Works of Deng Xiaoping*. Beijing: Foreign Literature Press, 1994. 1362 p.

УДК 334.021:622.33(510)

Т.А. Слепухина¹

ООО «ЛУКОЙЛ-Инжиниринг», г. Москва, Россия

E-mail: slepuhinata@rambler.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В СФЕРЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ КНР

Аннотация. В настоящее время всё более актуальным становится вопрос о необходимости введения инноваций в энергетике, в т. ч. связанных с проектами в области альтернативной энергии. Это во многом объясняется ростом потребления нефти, газа и угля, что, по прогнозам, приведёт к истощению ресурсов и ухудшению экологической ситуации в мире.

Глобального перехода к альтернативным источникам энергии пока не происходит, но вопрос острой необходимости внедрения такого рода инноваций в энергетике активно обсуждается мировым сообществом. Страны Большой восьмёрки возлагают на инновации в энергетике огромные надежды. По оценкам российских ученых, углеводородов хватит максимум на 50 лет, что вызывает потребность перехода на новую систему использования энергетических ресурсов.

В статье рассматривается практический опыт взаимодействия государства и бизнеса в сфере альтернативной энергетики стран Азиатско-Тихоокеанского региона и, в частности, КНР; проведён анализ инвестиций в альтернативную энергетику Китая; выявлены факторы, обуславливающие активное финансирование развития альтернативных источников энергии в стране, а также рассмотрены правительственные программы развития альтернативной энергетики государства. Отмечено, что КНР достаточно жёстко регулирует доступ иностранных инвестиций на национальный рынок инновационного энергетического оборудования и технологий в сфере АИЭ.

¹ Татьяна Александровна Слепухина, ведущий специалист отдела по подготовке и обучению персонала ООО «ЛУКОЙЛ-Инжиниринг», г. Москва, Россия.

Для цитирования: Слепухина, Т.А. Взаимодействие государства и бизнеса в сфере альтернативной энергетики стран Азиатско-Тихоокеанского региона на примере КНР // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2016. – № 3. – С. 117–124.

Несмотря на открытость китайских рынков технологий для иностранных инвестиций, многие из них остаются ограниченными и даже закрытыми.

В случае достижения Китаем поставленных целей согласно программе «Китай 2050 – сценарий высокого распространения возобновляемой энергии и дорожная карта», использование в этой стране традиционных энергоносителей снизится. Учитывая тот факт, что на сегодняшний день КНР является крупнейшим импортёром углеводородного сырья, существует риск сокращения закупок углеводородов на глобальных сырьевых рынках, что может привести к изменению цен на нефть.

Принимая во внимание положительный опыт развития возобновляемой энергии в КНР и тенденции АЭ в мире, необходимо, чтобы энергетическая стратегия РФ была нацелена на постепенное существенное изменение структуры российского энергетического бизнеса в рамках стимулирования энергоснабжения и большее использование АИЭ.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, альтернативные источники энергии, инвестиции, Концепция энергетической безопасности КНР, развитие новой энергетики, государственная поддержка, стратегия развития, инновационная экономика, возобновляемые источники энергии.

Tatiana A. Slepukhina¹, Leading specialist of Staff learning and development department LLC «LUKOIL-Engineering», Moscow, Russia
E-mail: slepuhinata@rambler.ru

STATE AND BUSINESS INTERACTION IN THE FIELD OF ALTERNATIVE ENERGY IN THE ASIA-PACIFIC REGION BY THE EXAMPLE OF THE PRC

Abstract. Nowadays the issue of energy innovation becomes more important and it includes the projects related to the alternative energy. This is caused by the growth of oil, gas and coal consumption that consequently leads to the resource depletion and environmental degradation in the world.

¹ Tatiana A. Slepukhina, Leading specialist of Staff learning and development department LLC «LUKOIL-Engineering», Moscow, Russia.

For citing: Slepukhina, Tatiana A. State and business interaction in the field of alternative energy in the Asia-Pacific region by the example of the PRC // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2016, no. 3, p. 117–124.

No global switch to alternative energy resources is observed, but the world community discusses actively the exigency to implement such energy innovation. The Group of Eight puts high hopes on energy innovation. Russian scientists predict the depletion of hydrocarbon resources in 50 years at the most that predetermines the switch to new energy resource management system.

The article considers the experience of state and business interaction in the field of alternative energy in the Asia-Pacific, particularly by the example of the People's Republic of China; it also analyses the investments in the Chinese alternative energy, recognizes the factors predetermining active alternative energy sources financing and considers the governmental programs of state alternative energy development. It should be noted that the PRC rigidly regulates the access of foreign investment to the national market of innovative energy equipment and alternative energy technologies. Despite the transparency of Chinese technology markets for foreign investments, the access remains limited or even denied to many of them.

If China meets the objectives stated in «China 2050 – High Renewable Energy Penetration Scenario and Roadmap Study» the use to conventional energy products will decrease. Taking into consideration the fact that the PRC is the world largest hydrocarbon resources importer there is a risk for purchasing of hydrocarbons at the global mineral market that can cause oil prices decline.

Considering the positive experience of the renewable energy development in the PRC and the world trends related to the alternative energy, it is necessary that the Russian energy strategy be aimed at the gradual considerable change of the Russian energy business in the framework of energy supply and wider use of the alternative energy sources.

Keywords: the Asia-Pacific region, alternative energy sources, investments, PRC's energy security concept, the development of new energy, state support, development strategy, innovative economy, renewable energy.

В настоящее время всё более актуальным становится вопрос о необходимости введения инноваций в энергетике, в том числе связанных с проектами в области альтернативной энергии. Это во многом объясняется ростом потребления нефти, газа и угля, что, по прогнозам, приведёт к истощению ресурсов и ухудшению экологической ситуации в мире.

Глобального перехода к альтернативным источникам энергии пока не происходит, но вопрос острой необходимости внедрения такого рода инноваций в энергетике активно обсуждается мировым сообществом. Страны Большой восьмёрки возлагают на инновации в энергетике огромные

надежды. По оценкам российских учёных, углеводородов хватит максимум на 50 лет, что вызывает потребность перехода на новую систему использования энергетических ресурсов. Следует отметить, что внедрение инноваций в энергетике происходит неравномерно, с учётом природных особенностей и региональной специфики.

К примеру, рассмотрим Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Основные производители возобновляемой энергии (более 70%) в АТР – Китай, Индия, Япония. Первые две страны являются крупнейшими потребителями энергии в регионе и продолжают активно наращивать её использование. Главный акцент эти страны делают на ветровую энергию. Япония является технологическим и экономическим лидером АТР и имеет высокий душевой и абсолютный уровень потребления энергии в странах этого региона. В связи с отсутствием у государства собственных ископаемых энергоресурсов практически все энергоносители импортируются из-за рубежа, что приводит к тому, что страна вынуждена вкладывать значительные средства в развитие альтернативной энергетики (АЭ).

На сегодняшний день разрыв между технологиями в сфере возобновляемых источников энергии стран АТР и других мировых государств стремительно сокращается. Данная тенденция особенно сильно наблюдается в Китае. Правительство КНР рассматривает развитие альтернативных источников энергии (АИЭ) как одно из наиболее перспективных направлений. Развитие АИЭ активно финансируется руководством страны, что обусловлено следующими факторами:

- недостаточность потенциала обычных источников получения энергии для удовлетворения растущих потребностей экономики;
- ужесточение конкуренции за доступ к ограниченным мировым углеводородам;
- ухудшение экологической ситуации и изменение климата в связи с использованием высокоотходных видов производства энергии [1].

Китай планирует через внедрение возобновляемых источников энергии упрочить национальную энергетическую безопасность, уменьшить негативное воздействие на окружающую среду и создать благоприятные возможности для роста занятости населения в технологических секторах экономики.

По прогнозам, к 2020 г. из возобновляемых источников энергии (энергия воды, солнца и ветра) Китай будет получать около 20 млн кВт электроэнергии.

Изучение этого опыта Китая в области АИЭ представляет особый интерес для стран, формирующих основы инновационной экономики в области АЭ. За последние 10 лет в КНР был принят ряд государственных программ в сфере энергетики. Важнейшая среди них – долгосрочная национальная программа научных исследований, сохранения ресурсов и окружающей среды, которая

была одобрена на Третьем заседании Национального комитета по науке и технике в 1997 г. В рамках данной программы в период с 2001 г. по 2010 г. было профинансировано более 380 инновационных проектов на сумму более 1,3 млрд долл. США, в том числе проекты, ориентированные на освоение нетрадиционных источников энергии; разработку и внедрение новых технологий в сфере возобновляемой энергетики [2].

Уже сегодня Китай, благодаря выделению огромных инвестиций на развитие «чистой» энергетики, значительно опережает остальные мировые державы (в том числе США, Индию и страны ЕС) по объёмам строящихся объектов АИЭ. К примеру, по итогам 2014 г. Китай инвестировал 83,3 млрд долл. США в развитие АЭ, что на 33% больше, чем в 2013 г. (рис. 1). В результате, КНР на данный момент занимает первое место в мире по объёму инвестиций в сферу АИЭ, опережая Германию и США.

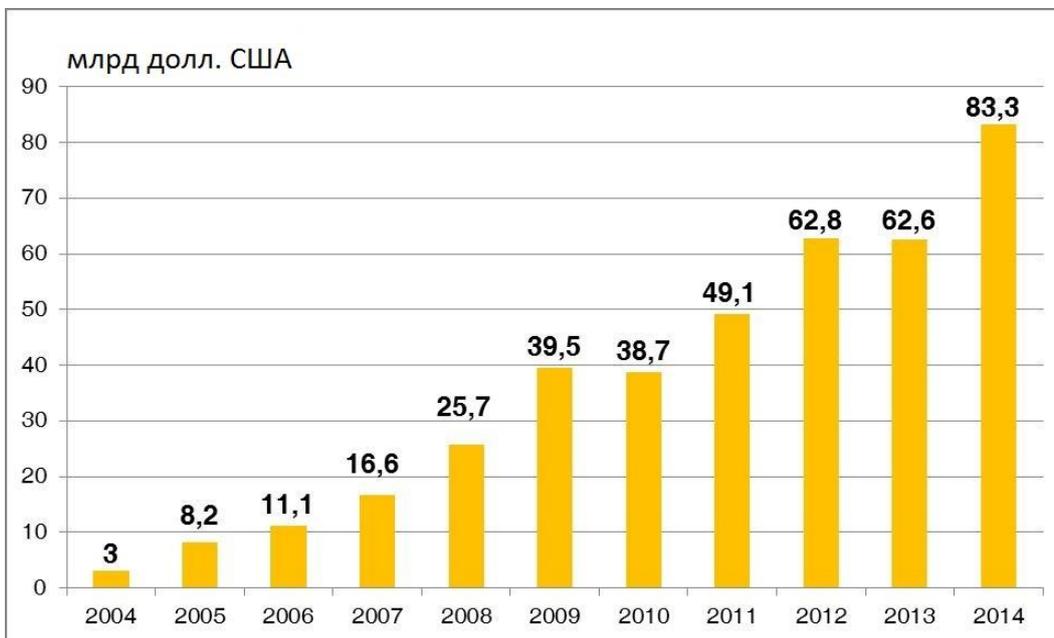

Рис. 1. Инвестиции в АЭ в Китае, 2004–2014 гг. (данные REN21 [3])

Такие темпы развития альтернативная энергетика получает в большей степени благодаря финансовой поддержке государства, к примеру, государство в обязательном порядке полностью спонсирует производство первых 50 образцов нового вида продукции на каждой фабрике [1]. Кроме того, согласно «Концепции энергетической безопасности КНР», включённой в 12-й пятилетний план, аспекты развития альтернативной энергетики Ки-

тая находятся под государственным контролем. Все решения о направлениях развития отрасли принимаются на государственном уровне. В целях подготовки стратегии развития, исследований, выработки и принятия решений по вопросам политики в области АИЭ в стране был создан Национальный Центр исследования возобновляемой энергетики (China National Renewable Energy Center (далее – CNREC)). Финансирование центра осуществляется за счет государственных средств и средств китайско-датской правительственной программы развития возобновляемой энергетики.

При непосредственном участии Госсовета КНР и CNREC была разработана комплексная «Программа по развитию новой энергетики», которая включает использование энергии ветра, солнца, биоэнергетику, технологии «чистого угля», интеллектуальные электрические сети и т.д. Программа предусматривает реализацию в 2010–2020 гг. мер по стимулированию энергосбережения, развития экологичной энергетики, перехода индустрии к более энергосберегающей модели. Основной акцент «Программы по развитию новой энергетики» в краткосрочной перспективе направлен на развитие преимущественно 3-х видов альтернативной энергетики: солнечной, ветровой и геотермальной энергии.

Следует отметить, что государство достаточно жёстко регулирует доступ иностранных инвестиций на национальный рынок инновационного энергетического оборудования и технологий в сфере АИЭ. Несмотря на открытость китайских рынков технологий для иностранных инвестиций, многие из них остаются ограниченными и даже закрытыми, в частности рынки «чистых» автомобилей и энергетической инфраструктуры. Здесь предпочтение отдается местным предприятиям. Жёсткие ограничения для иностранных инвесторов установлены также в гидроэнергетике, ветроэнергетике и производстве энергии на основе биомассы [1].

Принимая во внимание намеченные китайским правительством планы по увеличению мощностей АИЭ, Китай уже в 2016–2020 гг. может стать абсолютным лидером в сфере применения альтернативной энергетики. В случае успешной реализации поставленных целей КНР сможет получать до 50% энергии за счет АИЭ. Правительство Китая уже сегодня реализует крупнейшую в мире «Стратегию по развитию возобновляемых источников энергии».

В 2015 г. китайский государственный институт Energy Research Institute опубликовал исследование «Китай 2050 – сценарий высокого распространения возобновляемой энергетики и дорожная карта», в котором подтверждается технологическая и экономическая возможность обеспечения за счет АИЭ 85% потребления электроэнергии и более 60% первичной энергии к 2050 г. [5].

Снижению потребления ископаемого топлива способствуют климатические изменения. Согласно представленному 30 июня 2015 г. Плану действий по защите климата (INDC), Китай взял на себя обязательства по сокращению к 2030 г. выбросов углекислого газа на единицу ВВП на 60–65% от уровня 2005 г. Согласно оценкам китайских аналитиков и экспертов, для достижения такой цели необходимо построить примерно 670 ГВт мощностей солнечной и ветровой энергетики в течение ближайших 15 лет [4].

Если действительно Китай достигнет таких результатов, то это отразится на использовании в этой стране традиционных энергоносителей. Учитывая тот факт, что на сегодняшний день КНР является крупнейшим импортёром углеводородного сырья, существует риск сокращения закупок углеводородов на глобальных сырьевых рынках, что может привести к изменению цен на нефть.

Принимая во внимание положительный опыт развития возобновляемой энергетики в КНР и тенденции АЭ в мире, следует рассмотреть возможность применения в России аналогичных практик.

Необходимо, чтобы энергетическая стратегия РФ была нацелена на постепенное существенное изменение структуры российского энергетического бизнеса в рамках стимулирования энергоснабжения и большее использование АИЭ, но необходимо понимать, что практическая реализация такой стратегии потребует крупных инвестиционных ресурсов. Для того, чтобы развивать проекты в области АЭ, необходима государственная поддержка развития возобновляемой энергетики: создание благоприятных условий производителям и потребителям оборудования, использующим альтернативные источники энергии; регулирование энергетических тарифов и налогов на выбросы и загрязнение окружающей среды; создание научных центров, работающих в сфере альтернативной энергетики; более детальная разработка нормативно-правовых актов, направленных на развитие АИЭ [5].

В настоящее время в связи с большим количеством природных ископаемых и не критичной экологической ситуацией Россия остро не нуждается в АЭ. В то же время, следует учитывать, что, судя по глобальным тенденциям развития АИЭ, в определенный момент мир перейдет на активное использование возобновляемых источников энергии. В этом случае страны, не развивающие АЭ, рискуют остаться позади технологического прогресса.

В контексте этого, следует использовать опыт взаимодействия государства и бизнеса в сфере альтернативной энергетики стран Азиатско-Тихоокеанского региона, и в частности КНР, при разработке стратегических программ развития топливно-энергетического комплекса России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтернативная энергетика в Китае: изучение опыта [Электронный ресурс] // ТОО «Total.kz Media Group» : 01.07.2014. – Режим доступа: http://total.kz/business/greenenergy/2014/07/01/alternativnaya_energetika_v_kitae_izuchenie.
2. Клавдиенко, В. П. Формирование инновационной энергетике в Китае (основные черты современного этапа) // *Инновации*. – 2011. – № 8 (154). – С. 24–27.
3. *Renewables 2015. Global status report*. Renewable Energy Policy Network for the 21st Century [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ren21.net.
4. Нефтегазовые гиганты Китая начинают новую тактику [Электронный ресурс] // МИА «ВекторНьюз». 31.07.2015. – Режим доступа: <http://vnews.agency/news/world/11828-neftegazovye-giganty-kitaya-nachinayut-novuyu-taktiku.html>.
5. Слепухина, Т. А. Альтернативные источники энергии: барьеры внедрения в России / Т. А. Слепухина, А. А. Саблина // *Современные тенденции в науке, технике, образовании*. Ч. 3 : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 31 янв. 2016 г. – Смоленск : ООО «НОВАЛЕНСО», 2016. – С. 137–139.

REFERENCES

1. Alternative Energy in China: Learning experience. TOO «*Total.kz Media Group*». 01.07.2014. Available at: http://total.kz/business/greenenergy/2014/07/01/alternativnaya_energetika_v_kitae_izuchenie (accessed 07 March 2016) (In Russian).
2. Klavdienko V.P. Formation of innovative energy in China (the main features of the current stage). *Innovatsii*, 2011, no. 8 (154), p. 24–27. (In Russian).
3. *Renewables 2015. Global status report*. Renewable Energy Policy Network for the 21st Century. Available at: www.ren21.net (accessed 03 March 2016).
4. Oil and gas giants China begin new tactics. *INA «Vector News»*. 31.07.2015. Available at: <http://vnews.agency/news/world/11828-neftegazovye-giganty-kitaya-nachinayut-novuyu-taktiku.html> (accessed 11 March 2016). (In Russian).
5. Slepukhina T.A., Sablina A.A. Alternative sources of energy: the introduction of barriers in Russia. *Current trends in science, technology, education. Part 3: coll. of sci. papers of the materials of the Internat. Conf. of January 31, 2016*. Smolensk: LLC «NOVALENCO», 2016, p. 137–139. (In Russian).

УДК 339.56:656.614.3(510)

А.А. Шелухин¹

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова, г. Москва, Россия
E-mail: sh.tosha@yandex.ru

УЧАСТИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ КИТАЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ «МОРСКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ XXI ВЕКА»

Аннотация. Китай является крупнейшей в мире торговой нацией, на его долю приходится около 10% мировой торговли товарами. Большая часть товаров транспортируется на кораблях, и, как следствие, Китай стал главным пунктом назначения и отправки международных судоходных маршрутов. Семь из десяти самых оживленных контейнерных портов расположены в Китае, а самым крупным в мире является порт в Шанхае.

На этом фоне не удивительно, что Китай играет активную роль в международных грузовых перевозках. Три китайские судоходные компании входят в число двенадцати крупнейших контейнерных перевозчиков. Китай является третьей страной в мире по количеству кораблей и крупнейшим судостроительным государством. Кроме того, китайские амбиции в международном судоходстве выходят за рамки данной области.

Всё чаще китайские фирмы принимают активное участие в строительстве и управлении портами по всему миру. Это обстоятельство в особенности актуально с европейской точки зрения, поскольку китайское правительство в настоящее время разрабатывает масштабную программу по строительству морской инфраструктуры вдоль основного морского маршрута Азия – Европа. Инициатива Китая в так называемом «Морском Шёлковом пути XXI века» направлена на развитие портов в регионе от восточного Средиземноморья до Индийского океана.

¹ Антон Артурович Шелухин, аспирант Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Шелухин А.А. Участие транснациональных корпораций Китая в реализации стратегии «Морского Шёлкового пути XXI века» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2016. – № 3. – С. 125–134.

Эта статья призвана дать оценку вовлеченности китайских портов азиатско-европейского морского коридора – от Южно-Китайского до Средиземного моря в международную торговлю (что имеет немаловажное значение для Европейского Союза), в частности, при рассмотрении концепции «Один пояс – один путь», одним из последствий которого может стать увеличение влияния Китая на торговые пути между Китаем и ЕС. В особенности это может повлиять на транзитные страны и компании, которые занимаются вопросами транспортировки и инфраструктуры не только внутри ЕС, но и в коридоре между Восточной Азией и Европой.

Ключевые слова: Морской Шёлковый путь XXI века, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), транснациональные корпорации КНР, экономическая экспансия.

Anton A. Shelukhin¹

Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

E-mail: sh.tosha@yandex.ru

PARTICIPATION OF CHINESE TRANSNATIONAL CORPORATIONS IN IMPLEMENTING THE STRATEGY OF "MARINE SILK ROAD OF XXI CENTURY"

Abstract. As the world's largest trading nation, China is accounts for approximately 10% of the global trade of goods. Most of the goods are transported by ships, and consequently China is a major destination and starting point of international shipping routes. Seven out of ten busiest container ports in the world are located in China and the largest port in the world is in Shanghai.

In this context, it is not surprising that China plays an active part in international cargo transportation. Three Chinese shipping companies are among the twelve largest container trans-porters. China is the third-largest ship-owning na-

¹ Anton A. Shelukhin, postgraduate student of Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russia.

For citing: Shelukhin, Anton A. Participation of Chinese transnational corporations in implementing the strategy of "Marine Silk Road of XXI Century" // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2016, no. 3, p. 125–134.

tion, and the largest shipbuilding nation in the world. In addition, Chinese ambitions in the international maritime domain go beyond shipping.

Increasingly, Chinese firms are actively involved in the construction and management of ports throughout the world. It is particularly relevant from a European prospect, since the Chinese government is currently developing a large-scale program of maritime infrastructure construction along the main shipping route from Asia to Europe. China's initiative for a so-called «21st Century Maritime Silk Road» is aimed at port development in South-East Asia, around the Indian Ocean and in the eastern Mediterranean region.

This article aims to assess how the Chinese involvement in ports along the Asia – Europe maritime corridor – from the South China Sea to the Mediterranean Sea – is relevant for the European Union (EU), in particular when seen in the context of the One Belt, One Road concept. One possible consequence could be that China will have an increasing advantage over the trade routes between China and the EU. This could affect, in particular, the transit countries and companies involved in transport and infrastructure, both within the EU and in the corridor between East Asia and Europe.

Keywords: 21st Century Maritime Silk Road, foreign direct investment (FDI), transnational corporations of China, economic expansion.

Введение

Китайское правительство в настоящее время занимается разработкой масштабной программы по строительству морской инфраструктуры вдоль основного транспортного маршрута Азия – Европа. Инициатива Китая по созданию так называемого «Морского Шёлкового пути» направлена на развитие портов Юго-Восточной Азии, в регионе восточного Средиземноморья, а также Индийского океана. Руководство Китая публично представило концепцию «Морского Шёлкового пути XXI века» в сентябре 2013 г. Годом раньше Китай представил концепцию «Экономического пояса Шёлкового пути», которая предполагает в том числе создание наземной транспортной инфраструктуры от Синьцзян-Уйгурского автономного района (Северо-Западная часть Китая) до Балтийского моря.

Китайское правительство использует концепцию «Один пояс – один путь» для объединения этих проектов. Китай инвестирует деньги в реализацию крупных проектов в рамках концепции под названием «Один пояс – один путь». Данные проекты финансируются, разрабатываются, поддерживаются и реализуются при помощи китайских фирм, принадлежащих правительству или тесным образом связанных с ним. Эта ситуация порождает ряд тенденций.

Во-первых, с геостратегической точки зрения Китай становится всё более экономически и дипломатически влиятельным в регионах, расположенных вблизи Европы. Выросли инвестиции и усилились торговые отношения между Китаем и странами Африки, Ближним Востоком и Центральной Азией, выросли доли влияния Китая в регионах, которые нуждаются в поддержке дружеских отношений с Пекином. В настоящее время данный процесс едва заметен, поскольку Китай весьма осторожно ведёт себя в регионах для поддержания низкого уровня милитаризации и улучшения безопасности.

Во-вторых, китайское правительство способно сильно повлиять на торговые маршруты между Китаем и Европейским Союзом. Хотя этому пока не придают значения, но Пекин имеет возможности и специальные средства для переключения и перекрытия торговых каналов, у китайского правительства есть специальные рычаги политического, военного и экономического влияния, набирающие свою силу на протяжении нескольких лет.

В-третьих, в долгосрочной перспективе Европа станет терять свою центральность, свойственную ей на протяжении долгого времени, в то время как Китай будет укреплять своё центральное значение с позиции транспорта и логистики.

С другой стороны, взаимоотношения с Китаем могут положительно сказаться на экономическом развитии Европы, что поспособствует стабильности и собственному экономическому росту ЕС.

Порт Пирей: «Новые Ворота» Китая в Европу

Китайское правительство рассматривает порт Пирей в Греции в качестве основной точки входа для своего экспорта в Южную, Восточную и Центральную часть ЕС, а также ключевого центра для морских перевозок между странами Средиземного моря [1]. В июне 2014 г. премьер-министр Китая Ли Кэцян принял участие в Форуме морского сотрудничества Китая и Греции, а также посетил порт Пирей, который частично находится под управлением китайской государственной фирмы COSCO.

Ли называет привлечение транснациональной компании COSCO (China Ocean Shipping) в порт Пирей «жемчужиной» в китайско-греческих взаимоотношениях, и в планах – сделать Пирей «Воротами Китая в Европу», превратив его в один из самых конкурентоспособных портов мира, способствующих укреплению железнодорожных связей. Кроме того, китайский премьер-министр выступил с речью, в которой он разъяснил общую морскую политику Китая. Тот факт, что он выбрал Грецию в качестве места для этой речи, символизирует ключевую роль Греции в морской политике Китая.

В июле 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин также посетил Грецию, чтобы обсудить более тесное сотрудничество. Эта череда визитов премьер-министра и президента Китая подчеркивает важность Греции для целей внешней политики Китая. Китайское правительство и китайские компании выразили также заинтересованность в инвестировании в несколько аэропортов, электросети и строительство высокоскоростной железной дороги в Греции.

С точки зрения китайского правительства, Греция привлекательна в качестве европейского «плацдарма» для Морского Шёлкового пути, особенно по причине её трудного экономического положения, которое делает её менее стабильной политически. Это относительно небольшое государство является членом ЕС, и нет никаких серьёзных политических аспектов в китайско-греческих отношениях, которые бы помешали развитию её экономических связей с Китаем.

Кроме того, обе страны имеют опыт сотрудничества, а именно эвакуацию китайских граждан во время нескольких кризисов в регионе. В марте 2011 г. китайское правительство эвакуировало около 35 тыс. китайских граждан из Ливии во время начала гражданской войны [2].

Китайские ВМФ и ВВС участвовали в этой крупнейшей операции по эвакуации граждан за пределами Китая, она стала первой, где военные сыграли вспомогательное значение. Большая часть граждан была доставлена из Ливии в Грецию, а уже затем на пассажирских судах отправлены обратно в Китай. В 2014 г., при поддержке со стороны ВМС Греции, китайские власти провели скоординированную операцию по эвакуации китайских граждан из Ливии, но уже меньших масштабов. В 2014 г. премьер-министр Греции Антонис Самарас предложил техническое обслуживание и ремонт объектов китайского флота на Крите, а также проведение совместных военно-морских патрулей [3]. Геостратегическое положение Греции уже давно представляет большой интерес для европейских держав, США и России. Китай может повлиять на отношения между Афинами и ЕС, так как он обеспечивает в некоторой степени греческое правительство альтернативным источником финансовой и дипломатической поддержки.

Участие COSCO в развитии порта Пирей началось в 2009 г., когда он получил концессию от греческого правительства на управление частью контейнерного терминала порта в течение 35 лет. В соответствии с соглашением, порт Пирей должен оставаться под управлением греческой государственной компании. Соглашение обязало вкладывать COSCO инвестиции, которые привели к быстрому росту оборота контейнеров [4]. К 2013 г. порт Пирей вошел в топ-10 крупнейших контейнерных портов в Европе.

При участии COSCO Пирей не только становится важным воротами в ЕС, но и крупным перевалочным центром в Средиземном море. Функции

центрального порта Пирей уже выходят за рамки торговых отношений между Китаем и ЕС и влияют на региональные модели судоходства в Средиземном и Чёрном морях.

Таким образом, Пирей является главным европейским плацдармом для Морского Шёлкового пути, и он также является центром, который соединит Морской Шёлковый путь и проектируемую железнодорожную сеть Экономического пояса Шёлкового пути.

Другие порты и морские проекты развития инфраструктуры с участием Китая

Если Пирей является главным проектом морской инфраструктуры Китая в западной части Морского Шёлкового пути, то многие крупные морские порты Китая, такие как Шанхай, Шэньчжэнь и Гонконг, являются его восточным концом. Между ними наиболее стратегически важными являются Малаккский пролив и Суэцкий канал. Главными портами в Малаккском проливе стали Сингапур и Порт-Кланг (Малайзия), в обоих из которых китайское участие ограничено.

Сингапур имеет важное значение для морского судоходства, так как он является основным логистическим центром для Юго-Восточной Азии и вторым по величине в мире контейнерным портом. В то же время COSCO является мелким акционером части сингапурского контейнерного терминала, порт Сингапура надёжно контролируется самим государством.

Подобно ситуации в Сингапуре, COSCO занимает малую долю в контейнерном терминале Суэцкого канала, а именно часть Восточного порта Саида на севере Суэцкого канала. Китайские строительные компании принимали активное участие в строительных работах Восточного порта Саида и порта Аль-Адабай (в южной части Суэцкого канала).

В 2014 г. правительство Египта начало значительное расширение пропускной способности Суэцкого канала, которая должна снизить время ожидания судов до входа в канал. Хотя China Harbour Engineering Company, Ltd (СНЕС) и пыталась получить контракт на дноуглубительные работы, Египет отдал контракт консорциуму Голландии, Бельгии и Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ).

Во время визита президента Египта Ас-Сиси в Китай в декабре 2014 г. обе страны договорились, что Китай будет расширять сотрудничество с Египтом на Суэцком канале. Правда не ясно, что это сотрудничество повлекло бы за собой. Тем не менее СНЕС и другие китайские морские строительные подрядчики могут косвенно извлечь выгоду из проекта египетского канала.

Из-за большого объёма работ в Египте дноуглубительные компании из Бельгии и Нидерландов, которые являются влиятельными на международном рынке дноуглубительных работ, имеют ограниченные возможности, оставив участие в проектах в других местах. Их китайские конкуренты могут извлечь выгоду из этого за счёт приобретения контрактов на портовые проекты в Азии и Африке.

Кроме того, косвенно связано с Суэцким каналом сотрудничество Китая с Израилем. Это сотрудничество должно разработать в некоторой степени альтернативный маршрут для контейнерных перевозок по Суэцкому каналу. В сентябре 2014 г. правительство Израиля подписало контракт с СНЕС на строительство нового контейнерного порта в Ашдоде, который будет построен вблизи существующего порта.

Как и в портах Пирей, Порт-Саид и в порту Сингапура, китайские операторы портов участвуют в развитии ряда других портов в морском коридоре Азия – Европа. Некоторые из управляемых китайскими фирмами терминалов на берегах Индийского океана были также построены или усовершенствованы китайскими строительными компаниями.

Коммерческая деятельность Китая в Мировом океане

Китай играет активную роль в перевозке грузов, как контейнерных, так и навалочных. Он является третьей по величине судоходной страной с точки зрения тоннажа и самой большой по численности, обладающей 5 312 океанскими торговыми судами [5]. Помимо строительства и эксплуатации портов Китай также развивает несколько видов деятельности в море, не только коммерческих, но и военных. В 2013 г. в Китае был построен 41% новых судов от мировых показателей, за ним следуют Корея и Япония. В основном это строительство судов для навалочных грузов (57%), нефтяных танкеров (18%), контейнеровозов (14%) и т.д. [5]. КНР недавно объявила об инвестировании 1,8 млрд юаней (около 230 млрд евро) в обновление устаревшего флота, чтобы сделать корабли более эффективными, безопасными и экологически чистыми.

Однако не только китайские фирмы имеют влияние на судостроительную промышленность, китайские власти имеют международный охват, который влияет на глобальные рыночные условия. Одним из основных примеров является решение китайских властей ограничить права портов на заход очень больших судов, формально по соображениям безопасности.

Китай, являясь крупнейшим в мире производителем и экспортёром рыбы, также имеет рыболовецкий флот, самый крупный в экспедиционных водах. Что касается морского коридора Китай – Европа, китайские рыболовецкие суда активны в Китайском море, Индийском океане и Средиземном море.

По мере появления новых возможностей для морской добычи нефти и газа разведка месторождений становится доступной на восточном побережье Африки. Китайские энергетические компании могут также стать более активными в Индийском океане.

И, наконец, Китай также всё больше и больше заинтересован в возможности исследования морского дна. В начале 2015 г. китайское пилотируемое погружное судно *Jiaolong* начало исследование морского дна Индийского океана в поисках редких металлов.

Китайский «Морской Шёлковый путь» не направлен, в первую очередь, на изменение роли Китая в международной перевозке груза, а, скорее, является частью весьма амбициозной долгосрочной программы для экономической интеграции обширной зоны, которая включает в себя Европу, Африку и большую часть Азии, в том числе Россию, на основе развития инфраструктуры.

Есть много всевозможных препятствий, которые способны нарушить планы Китая, которые до сих пор не выявлены даже на очень ранней стадии, в том числе внутренние изменения в Китае, противодействие со стороны других стран, или непредвиденные экономические или технологические проблемы.

В связи с этим ещё предстоит выяснить, развивается ли данная программа (и каким образом) с начальной фазы внедрения. Тем не менее, если Китай не изменит общий темп и направление, в котором он сейчас работает, то большая интеграция Евразии – Африки в экономическое пространство с Китаем поставит его в качестве центрального игрока, что может случиться в ближайшем десятилетии или около того.

Участие Китая в развитии портов и другой морской инфраструктуры (развивающих Морской Шёлковый путь) следует рассматривать в контексте более широкой деятельности, связанной с развитием инфраструктуры в рамках концепции «Один пояс – один путь». Морские маршруты и железные дороги дополняют друг друга, открывая новые торговые связи между регионами в пределах зоны Евразии и Африки, а также между этой зоной и другими экономическими регионами, например, Северной и Латинской Америкой.

Потенциальные преимущества актуальны не только для Китая и различных принимающих стран: усовершенствованные или новые порты и железные дороги поддержат региональное развитие любого игрока или нации, которые участвуют в международной торговле.

Концепция «Один пояс – один путь» может усилить международное влияние Китая в различных направлениях. Из-за размера китайской экономики и её роли в качестве ведущего импортёра и экспортёра товаров улуч-

шение состояния инфраструктуры для международной торговли в любой части мира сыграет в пользу Китая и усилит его роль в качестве ключевого торгового партнёра.

Кроме того, новая инфраструктура может привести не только к новым источникам экономической деятельности, но и к более высокому уровню зависимости от связанных с Китаем торговых маршрутов для стран транзита. Тем не менее, дело обстоит именно так и не зависит от того, китайские фирмы или же китайские финансовые учреждения участвуют в создании такой инфраструктуры.

В частности, в развивающихся странах китайские инвестиции в крупных инфраструктурных разработках могут привести к увеличению кредитного плеча для Пекина в отношениях с правительством принимающих стран, особенно если эти работы финансируются за счёт Китая или контролируемых Китаем предприятий.

В то время как концепция «Один пояс – один путь» может обеспечить китайское правительство большим влиянием в международных делах, следует учесть, что Китай строит коммерческие, а не военно-морские портовые сооружения. И в центре внимания этой программы – не военное господство. ВМС Китая, поставки которого к западу от Малаккского пролива являются весьма уязвимыми, играют определённую роль в Морском Шёлковом пути, но только за счёт укрепления дипломатического влияния и способности решать нетрадиционные проблемы безопасности.

Наращивание морской силы для возможности обеспечить и не дать нарушить маршруты снабжения военными средствами, ни в коем случае не связано с атакой наземных целей с моря. Китай стремится к обеспечению безопасности в Индийском океане и Средиземном море. В долгосрочной перспективе, возможно, что-то и изменится: так, дипломатическо-коммерческий подход Китая может оказаться лишь этапом в миссии, которая в конечном итоге предполагает расширение стратегического военного влияния. Тем не менее, на данный момент представляется, что Китай обеспечивает многие из своих внешнеполитических задач невоенными средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lennane, A. Hewlett Packard–Cosco Deal Spurs Optimism in Greek Logistics [Электронный ресурс] // The Loadstar. –2013. – 7 Nov. – Режим доступа: <http://theloadstar.co.uk/hewlett-packard-cosco-deal-spurs-optimism-in-greek-logistics>.
2. Mihalakas, N. Chinese «Trojan Horse»: Investing in Greece or Invading Europe? Part I / N. Mihalakas. – Washington : Foreign Policy Association, 2011. – 252 p.

3. Chinese Nationals to Evacuate from Warring Libya [Электронный ресурс] // China Daily. – 2014. – 31 July. – Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014-07/31/content_18223061.htm.

4. Greece. China Explore Maritime Ties [Электронный ресурс] // Ekathimerini. – 2015. – 14 July. – Режим доступа: http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_wsite1_1_14/07/2014_541372.

5. UNCTAD // Review of Maritime Transport 2013. – New York ; Geneva ; United Nations, 2013. – P. 58–59.

REFERENCES

1. Lennane A. Hewlett Packard–Cosco Deal Spurs Optimism in Greek Logistics. *The Loadstar*, 7 November 2013. Available at: <http://theloadstar.co.uk/hewlett-packard-cosco-deal-spurs-optimism-in-greek-logistics> (accessed 30 November 2015).

2. Mihalakas N. *Chinese «Trojan Horse»: Investing in Greece or Invading Europe?* (Part I). Washington: *Foreign Policy Association*, 2011. 252 p.

3. Chinese Nationals to Evacuate from Warring Libya. *China Daily*, 31 July 2014. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014-07/31/content_18223061.htm (accessed 30 November 2015).

4. Greece, China Explore Maritime Ties. *Ekathimerini*, 2015, 14 July. Available at: http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_wsite1_1_14/07/2014_541372 (accessed 14 February 2016).

5. UNCTAD. *Review of Maritime Transport 2013*. New York and Geneva: United Nations, 2013, pp. 58–59.

П Р А В О LAW

УДК 329.297.323.285(5:265)

Д.В. Лобач¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: dimaved1985@mail.ru

Е.А. Смирнова²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: kiki-11@yandex.ru

ТЕРРОРИЗМ И НАРКОТРАФИК В УСЛОВИЯХ ПЕРМАНЕНТНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОЙ КОЛУМБИИ*

Аннотация. В статье изучаются современное состояние национальной безопасности, а также уровень терроризма и наркотрафика в Республике Колумбия. Изучение количественных показателей террористической преступности позволяет определить уровень насилия в Колумбии, а также специфику криминальных деяний, сообразующих террористическую деятельность. Анализ качественных показателей террористической преступности позволяет выявить конкретные формы преступной кооперации и их организационно-

¹ Лобач Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

² Смирнова Евгения Александровна, кандидат юридических наук, ассистент кафедры трудового и экологического права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

* Данная статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных на выполнение научного исследования по теме: «Международный терроризм как угроза всеобщему миру и национальной безопасности: политико-правовые меры противодействия в архитектонике международной безопасности и в национальном законодательстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона», проект МК- 8113.2016.6.

Для цитирования: Лобач Д.В., Смирнова Е.А. Терроризм и наркотрафик в условиях перманентного вооруженного конфликта в современной Колумбии // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2016. – № 3. – С. 135–148.

© Лобач Д.В., Смирнова Е.А., 2016

функциональные характеристики. Изучение количественных и качественных характеристик распространения терроризма позволяет спрогнозировать вероятные сценарии развития наркотерроризма в этой стране. Доказывается, что терроризм в колумбийском обществе тесным образом связан с организованной наркопреступностью, что предопределяет становление и развитие такого социально-криминального явления, как «наркотерроризм». Наркотерроризм определяется в двух формах: 1) криминальная деятельность наркокартелей, направленная на запугивание представителей гражданского общества и оказание противоправного воздействия на органы публичной власти в целях обеспечения наркобизнеса; 2) криминальная насильственная практика военизированных группировок, преследующих политические цели и выступающих против других преступных формирований, органов государственной власти и институтов гражданского общества при условии, что деятельность этих военизированных групп сопряжена с незаконным участием в наркобизнесе. Главное отличие двух этих форм наркотерроризма заключается, прежде всего, в том, что в первом случае террористическая практика используется в целях обеспечения наркобизнеса, а во втором – уже наркобизнес детерминирует террористическую деятельность военизированных группировок, проводимую в политических целях. Среди главных субъектов, инспирирующих террористическую преступность, на сегодняшний день выступают вооруженные леворадикальные организации (Революционные вооруженные силы Колумбии и Армия национального освобождения) и преступные наркогруппировки, входящие в систему BACRIM. Обосновывается вывод о том, что состояние безопасности в колумбийском обществе будет ухудшаться по мере расширения незаконного оборота наркотиков и милитаризации общества, которые детерминируют социальную напряженность, насилие и терроризм.

Ключевые слова: терроризм, наркотерроризм, насилие, вооруженный конфликт в Колумбии, Азиатско-Тихоокеанский регион, наркокартели, региональная безопасность, экстремизм, организованная преступность, наркотическая преступность, социальный конфликт, социальная аномия.

Dmitry V. Lobach¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: dimaved1985@mail.ru

Eugenia A. Smirnova²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kiki-11@yandex.ru

TERRORISM AND DRUG TRAFFICKING IN THE STATE OF PERMANENT ARMED CONFLICT IN MODERN COLOMBIA

Abstract. The article examined the modern state of national security, as well as the level of terrorism and drug trafficking in the Republic of Colombia.

The study of quantitative indicators of terrorist crime allowed to determine the current level of violence in Colombia, as well as the specifics of criminal acts, realizing the terrorist activities. The qualitative analysis of terrorist crimes allowed us to identify specific forms of criminal cooperation and their organizational and functional characteristics. The study of quantitative and qualitative characteristics of the spread of terrorism allowed us to predict probable scenarios for the development of narco-terrorism in this country. It proved that terrorism in the Colombian society is closely connected with organized drug crime, which predetermined formation and development of a socio-criminal phenomenon as "narco-terrorism".

Narco-terrorism is defined in two forms: 1) criminal activities of drug cartels, aimed at intimidation of civil society and the rendering of illegal influence on the public authorities to ensure drug trafficking; 2) criminal practice violence against paramilitary groups, for political purposes, and opposing other criminal groups, public authorities and civil society institutions, provided that the activities of these paramilitary groups linked to illegal involved in drug trafficking. The main difference between these two forms of narco-terrorism primarily is that in the first case, terrorism is a practice used to ensure the drug business, in the second case – drug business already determines the terrorist activities of paramilitary groups, carried out for po-

¹ Dmitry V. Lobach, Ph.D of Law, Associate professor of the Department of theory and history of state and law, Law School, Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok, Russia.

² Eugenia A. Smirnova, Ph.D of Law, Junior lecturer of the Department of labour and ecological law, Law School, Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok, Russia.

For citation: Lobach, D.V., Smirnova E.A. Terrorism and drug trafficking in the state of permanent armed conflict in modern Colombia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 3. P. 135–148.

litical purposes. Among the main actors of terrorist crimes today there are armed leftist organization (Revolutionary armed forces of Colombia and national liberation Army) and criminal drug cartels that are part of the BACRIM.

It is concluded that the security situation in Colombian society will deteriorate with the expansion of drug trafficking and militarization of society that determine social tensions, violence and terrorism.

Key words: terrorism, narco-terrorism, violence, armed conflict in Colombia, the Asia-Pacific region, drug cartels, regional security, extremism, organized crime, narcotic crime, social conflict, social anomie.

Современные политико-экономические и социально-культурные национальные и международные отношения в условиях интеграционного взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе сопровождаются различными деструктивными проявлениями социальной действительности, которые *de-facto* выступают объективными причинами дестабилизации региональной безопасности. Особый интерес в этом аспекте вызывает современное состояние безопасности в Республике Колумбия, подвергаемое негативному воздействию со стороны таких видов социальной аномии, как организованная преступность, вооружённый экстремизм и терроризм. Все три проявления аномии настолько сильно укоренились в колумбийском обществе, что с определенной долей условности можно говорить об интенсивной криминализации общественных отношений, предопределяющей делегитимацию институтов государственной власти. При этом необходимо отметить, что в колумбийском обществе организованная преступность часто связана с вооружённым экстремизмом, который в свою очередь может проявляться в открытой террористической деятельности. Поэтому изучение количественных и качественных характеристик преступности террористического характера в Колумбии позволяет, во-первых, определить актуальное состояние безопасности в этой стране, и, во-вторых, объяснить криминальную конвергенцию наркокартелей и повстанческих террористических организаций, что детерминирует такой феномен, как «наркотерроризм».

1. Некоторые количественные показатели террористической преступности в Колумбии на современном этапе

В соответствии с официальными отчетами Министерства обороны Колумбии общее состояние террористической преступности в этой стране может быть представлено следующими количественными показателями [3].

За период 2003–2015 гг. всего было совершено 8 635 преступлений террористического характера. При этом динамика террористической преступности характеризуется относительным ростом совершения этих пре-

ступлений с последующим их снижением. Так, например, в 2003 г. было совершено 1 258 террористических преступлений. В дальнейшем, с 2004 г. до 2010 г., происходит корреляционное непоследовательное снижение совершаемых преступлений террористического характера. Так, если в 2004 г. было совершено 724 террористических преступления, то в 2005 г. было совершено 612 подобных преступлений, а в 2006 г. – 646 криминальных деяний. В 2007 г. наблюдается существенное снижение террористической преступности. Всего за этот год было совершено 387 преступлений террористической направленности, при этом темп снижения преступности составил 59,9% по отношению к предыдущему году. В период 2008–2010 гг. колебания абсолютных показателей террористической преступности носят незначительный характер (в 2008 г. было совершено 486 террористических преступлений, в 2009 г. – 489, в 2010 г. – 472). С 2011 г. по 2013 г. происходит увеличение террористических актов с 571 до 890. В период с 2013 г. по 2015 г. снова происходит двукратное снижение террористических преступлений (с 890 до 443 террористических актов).

В целом можно выделить три группы криминальных деяний в структуре террористической преступности Колумбии.

Первая группа объединяет террористические акты, которые посягают на наиболее важные объекты социально-экономической инфраструктуры. В эту группу входят взрывы нефтепроводов, энергообъектов, дорог, мостов и других объектов транспортной системы. Во вторую группу входят преступления, связанные с подрывными действиями против населения (нападения на население, атаки воздушных судов, нападения на жилые помещения, преследования и запугивания, незаконные вооруженные действия, рейды против населенных пунктов, нападения из засады). Третья группа объединяет все оставшиеся террористические преступления, которые не вошли ни в одну из вышеуказанных групп (например, убийства публичных служащих, активистов общественных организаций и др.). В совокупности все три группы преступлений в соответствии с ведомственной отчетностью составляют преступность террористического характера.

Вместе с тем за последние тринадцать лет происходит изменение структуры террористической преступности. Например, если в 2003 г. больше половины всех террористических актов были совершены против населения (преступления, связанные с подрывными действиями против населения), то уже в 2008 г. против населения было совершено 52 террористических акта, что составило 10,6% от общего количества всех террористических преступлений, совершённых в этом году. В период с 2009 г. по 2015 г. наблюдается определенная релевантная динамика террористических преступлений, связанных с подрывными действиями против населения: в

2009 г. был совершён 161 теракт против населения (32% от общего количества террористических преступлений в этом году); в 2010 г. был совершён 131 теракт против населения (32% от общего количества террористических преступлений за отчётный период); в 2011 г. было совершено 152 теракта против населения (26% от общего количества террористических преступлений в этом году); в 2012 г. было совершено 167 терактов против населения (18% от общего количества террористических преступлений за отчётный период); в 2013 г. было совершено 157 терактов против населения (17% от общего количества террористических преступлений в этом году); в 2014 г. было совершено 166 терактов против населения (21% от общего количества террористических преступлений в этом году); в 2015 г. был совершён 121 теракт против населения (27% от общего количества террористических преступлений в этом году).

В целом средний показатель террористических посягательств против населения по отношению ко всем террористическим преступлениям, совершённым в период с 2008 г. по 2015 г., составил 1 107 актов, что приблизительно соответствует 22,1% от общего количества всех террористических преступлений за этот период. Средний показатель терактов, совершённых против важных объектов социально-экономической инфраструктуры, в период с 2008 г. по 2015 г. составил 1 749 инцидентов, что соответствует 34,9% от общего количества всех террористических преступлений за данный период.

Интересно отметить, что данные о террористической преступности, представленные во внутриведомственных отчётах и документах правоохранительных органов государственной власти Колумбии, существенно разнятся с количественными показателями, отражёнными в системе «Глобальный индекс терроризма» (The Global Terrorism Index) [11]. Если учитывать показатели Глобального индекса терроризма за период с 2003 г. по 2014 г., то общее количество террористических атак в этой стране составляет 1131. Подобные «ножницы» в количественных показателях можно объяснить либо разными методиками учёта террористической деятельности в Колумбии, либо дифференцированными оценками в понимании того, какие преступления образуют терроризм как социально-негативное явление. В принципе такое расхождение является закономерным результатом несоответствия международно-правовой регламентации и квалификации деяний в качестве преступлений террористического характера национальной криминализации деяний в качестве актов терроризма. Кроме того, нельзя исключать и тот факт, что высокий уровень насилия в колумбийском обществе связан с деятельностью наркокартелей, которые прибегают к насилию безотносительно к каким-то политическим целям (например, убийства в целях устрашения или при разделе сфер влияния).

2. Качественные показатели террористической преступности в Колумбии на современном этапе

На сегодняшний день в Колумбии криминальное насилие обусловлено деятельностью леворадикальных формирований, а также различных криминальных группировок. Леворадикальное повстанческое движение представлено, прежде всего, деятельностью Революционных вооруженных сил Колумбии (FARC) и Армией национального освобождения (ELN), которые являются крупнейшими повстанческими организациями в стране, использующими методы террора и устрашения. Опуская исторические предпосылки возникновения этих организаций как социально-политического феномена, следует отметить, что с конца XX в. по начало XXI в. эти организации претерпевают определенную трансформацию, так как контроль над выращиванием коки становится основной формой их участия в наркопроизводстве и наркобизнесе. Изначально параллельной функцией FARC и ELN являлась охрана мелких и средних производителей коки от армии, правоохранительных органов власти и более крупных наркопроизводителей. Однако в дальнейшем повстанческое движение все больше втягивается в процесс выращивания и первичной переработки сырья [2, с. 124–125].

Преступные организации FARC (Революционные вооруженные силы Колумбии) и ELN (Армия национального освобождения) специализируются на совершении малозатратных, но высокоэффективных асимметричных террористических нападений. По состоянию на 2013 и 2014 гг. наиболее распространенными формами террористической деятельности были минометные обстрелы полицейских участков и военных объектов, террористические нападения на объекты энергетической инфраструктуры, использование взрывных устройств на дорогах, мостах и других объектах коммуникаций, совершение снайперских атак, засад, а также нападения на блокпосты [4, р. 266]. Не гнушаются эти группировки и совершением общеуголовных корыстных преступлений (вымогательства, участие в незаконном обороте наркотиков, похищения в целях выкупа и др.).

Другой стороной вооруженного противостояния между милитаристскими группировками и колумбийскими органами власти является массовое (как правило, насильственное) перемещение местного населения с последующим захватом их земель. Так, по данным международной неправительственной организации Human Rights Watch в период 1985–2015 гг. в результате вооруженных конфликтов и насильственного «выдавливания» населения с определенных территорий более 6,8 млн колумбийцев были вынуждены покинуть свои дома. При этом правительство Колумбии только в 2014 г. зарегистрировало свыше 180 000 вынужденных переселенцев и более 37 000 с января по октябрь 2015 г. [5].

По данным Государственного департамента США, общая численность активных членов FARC на 2015 г. составляет 7 000 человек и несколько тысяч сторонников этой группировки, общая численность организации ELN составляет приблизительно 2 000 бойцов [6]. Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что за последнюю декаду перманентного вооруженного противостояния милитаристических группировок органам государственной власти Колумбии наблюдается активное использование детей и подростков в преступных целях. По данным ООН, террористические организации используют в своих целях более 14 000 детей и подростков в возрасте от семи до 18 лет. Дети используются в качестве обманных тактических мишеней, действующих в целях введения в заблуждение представителей официальных властей, а также используются как солдаты при проведении вооруженных нападений или совершении террористических актов. В специальной литературе, посвященной проблемным аспектам урегулирования вооруженного конфликта в Колумбии, отмечается, что спрос на детей как потенциальных участников в вооруженном конфликте будет варьироваться в зависимости от изменения социально-экономической обстановки в стране, а как следствие – увеличения благосостояния и уровня жизни населения [8, р. 21]. В то же время релевантность подсчета общей численности личного состава леворадикальных повстанческих группировок (FARC и ELN) объясняется разными подходами в определении постоянного состава численности активных членов этих организаций и того количества лиц, которые используются террористическими группировками на непостоянной основе.

Ранее, в период с 1997 г. по 2006 г., в этой стране также активно действовала ультраправая группировка «Объединённые силы самообороны Колумбии», насчитывавшая около 30 000 её членов. Правозэкстремистские военизированные формирования (Объединённые силы самообороны Колумбии) были представлены различными группами, которые противостояли левому движению в стране посредством применения практики насилия и устрашения. Так же, как Революционные вооруженные силы Колумбии (FARC) и Армия национального освобождения (ELN), военизированные правозэкстремистские формирования были увязаны в наркопроизводстве. В специальных исследованиях по этой теме отмечается, что такие правозэкстремистские формирования, в отличие от FARC и ELN, изначально создавались в тесной связи с наркоиндустрией и были вовлечены в более доходные виды наркобизнеса и значительно дальше, чем партизанское движение, продвинулись в наркобизнесе от производителя к потребителю [7, с. 45].

Хотя группировка «Объединённые силы самообороны Колумбии» в 2006 г. была распущена, некоторые её члены образовали более мелкие во-

енизированные группы, которые также стали специализироваться на незаконном обороте наркотиков [10].

Собственно говоря, такие группировки сегодня выступают ещё одним субъектом потенциальной террористической деятельности и представляют собой формирования, которые специализируются на незаконном обороте наркотиков (прежде всего кокаина) и функционируют в системе согласованного взаимодействия, управления и распределения компетенций в колумбийском наркобизнесе.

В средствах массовой информации и отчётах официальных властей Колумбии такая система получила название BACRIM (Bandas criminales emergentes – «Нарождающиеся криминальные банды»). В сущности, BACRIM представляет собой третью разновидность транснационального криминального наркотрафика. Первое поколение ранее было представлено Медельинским картелем и картелем Кали. Оба картеля представляли собой вертикальные образования с централизованным управлением и иерархической структурой командования. Эти организации действовали в период с 1976 г. по 1998 г. и фактически были монополистами в колумбийском наркобизнесе и основными поставщиками кокаина в США. На тот период все стадии наркотрафика были сосредоточены в интегрированных и многопрофильных системах управления и распределения, существовавших в этих синдикатах. Однако после разгрома данных картелей приходит второе поколение преступных организаций, специализирующихся в области незаконного оборота наркотиков. Новые картели меньше по численности и, в отличие от ранее существовавших национальных синдикатов, специализируются только на определенных стадиях (процессах) наркотрафика. Здесь больше нет единого руководства и координации в управлении наркотрафиком. Одной из главных особенностей этого периода (с 1996 г. по 2006 г.) была борьба за контроль над посевами коки, движение транзитных пунктов и взаимодействие (сотрудничество) с экстремистскими организациями. С другой стороны, этот период характеризуется новой системой взаимодействия субъектов наркотрафика, что выражается в горизонтальных связях взаимовыгодного сотрудничества в сфере производства и распространения наркотиков.

Последняя модель организации колумбийского наркотрафика (так называемое третье поколение колумбийской организованной наркопреступности) представляет собой систему организованного наркотрафика, функционирующую на основе прагматических экономических принципов и сетевых структур. На сегодняшний день группировки BACRIM, принимая участие в отдельных стадиях наркотрафика, не образуют единого устойчивого и сплочённого синдиката. Иными словами, BACRIM, в отличие от ра-

нее существовавших картелей, не является ни вертикально иерархичной организацией, ни федерацией преступных группировок. Напротив, BACRIM выступает своеобразной криминальной сетью, работающей по правилам франшизы [9].

Вместе с тем следует понимать, что преступные группировки, образующие систему BACRIM, так же как и милитаристские группировки FARC и ELN, систематически прибегают к методам террора и насилия в отношении местного населения и представителей государственной власти. Однако, в отличие от террористических организаций FARC и ELN, субъекты организованной наркопреступности, во-первых, не ставят политических целей и, во-вторых, прибегают к насилию лишь в той степени и масштабах, в которых это обуславливается экономическими интересами наркобизнеса. При этом современные наркокартели в Колумбии, в отличие от практики открытого терроризма, проводимой в период с 1976 г. по 1998 г. Медельинским картелем, стремятся не вступать в открытое противостояние с государственными органами власти, руководствуясь, прежде всего, прагматическими интересами в целях минимизации рисков потери доходов от незаконного оборота наркотиков. Между тем насильственная деятельность по разделу сфер влияния и установлению контроля за маршрутами распространения наркотиков в полной мере вписывается в концепт наркотерроризма, так как насильственные преступления совершаются в целях запугивания местного населения и противодействия правоохранительной деятельности со стороны государственных органов власти.

В систему BACRIM на сегодняшний день входят такие вооруженные криминальные группировки, как Los Urabenos, Los Paisas, Los Rastrojos и сеть криминальных формирований «Чёрные орлы». Судить о численности этих формирований крайне сложно, так как различные общественные и государственные организации по-разному оценивают их количественный состав. В целом, общую численность криминальных банд BACRIM специалисты оценивают от 7 400 до 12 000 активных членов [1, с. 23].

Изучение феномена наркотерроризма в условиях перманентного социального конфликта на примере современной Колумбии позволяет выделить некоторые специфические характеристики, присущие этому явлению.

Во-первых, наркотерроризм, будучи криминальной практикой запугивания и подавления представителей гражданского общества, а также воздействия на государственные органы власти, является своеобразным симбиозом традиционного терроризма и организованной наркопреступности. При этом наркотерроризм следует интерпретировать в двух формах: 1) как криминальную насильственную деятельность наркокартелей, направленную на запугивание представителей гражданского общества и оказание противоправ-

ного воздействия на органы публичной власти; 2) как криминальную насильственную практику военизированных группировок, преследующих политические цели и выступающих против других преступных формирований, органов государственной власти и институтов гражданского общества, при условии, что деятельность этих военизированных групп сопряжена с незаконным участием в наркобизнесе. Главное отличие двух этих форм наркотерроризма заключается, прежде всего, в том, что в первом случае террористическая практика используется в целях обеспечения наркобизнеса, а во втором случае уже наркобизнес обеспечивает террористическую деятельность военизированных группировок, проводимую в политических целях. Здесь следует сказать, что в Колумбии политическая формация незаконных вооруженных формирований связана с незаконным оборотом наркотиков в той части, в которой это необходимо для наращивания усилий в борьбе с правительством и другими группировками экстремистской направленности, а также в целях компенсации потерь в результате вооруженного противостояния. Кроме того, огромные доходы от наркотрафика позволяют наркокартелям через коррупционные, насильственные и материально-финансовые механизмы оказывать значительное влияние на политические процессы в стране либо и вовсе проникать во власть.

Наркотерроризм как социально-криминальное явление может представлять собой широкий спектр ситуаций, включая насилие, совершаемое наркоторговцами для защиты своих экономических интересов, участие в наркобизнесе в целях получения доходов, необходимых для финансирования своих операций, сотрудничество военизированных террористических организаций с наркоторговцами, а также использование инфраструктуры наркобизнеса для противодействия органам публичной власти [7].

Во-вторых, очень сложно провести разграничение между актами насилия, которые совершаются в условиях вооруженного конфликта, и обособленными террористическими актами, которые проводятся наркокартелями. Ситуация тем более осложняется, поскольку за последние 20 лет акты насилия совершаются как леворадикальными группировками, преследующими политические цели (FARC и ELN), так и неполитическими субъектами терроризма (наркокартели и группировки BACRIM), но в условиях борьбы за маршруты транспортировки наркотиков или установления контроля за плантациями выращивания коки. Однако вооруженные леворадикальные группировки и банды BACRIM стремятся контролировать либо всю цепочку наркоиндустрии, либо определенные стадии наркотического бизнеса, что неминуемо приводит к эскалации насилия как в отношении представителей криминалитета, так и против местного населения и представителей власти. В этом контексте интересным представляется тот факт,

что распространение насилия в колумбийском обществе в условиях длительного перманентного вооруженного противостояния приводит к социальному привыканию и изменению национальной ментальности.

Другими словами, разница между политическим насилием и насильственными действиями, совершаемыми наркокартелями, становится всё более неопределённой. По этой причине наркотерроризм можно рассматривать и как часть вооруженного противостояния в колумбийском обществе, и как криминогенное свойство наркотрафика.

В-третьих, детерминация наркотерроризма выражается в возникновении особых деструктивных по своей сущности общественных отношений, которые складываются по поводу незаконного производства, потребления, транспортировки и распространения наркотических средств как на территории Колумбии, так и за её пределами. Сложившаяся в колумбийском обществе наркотическая инфраструктура обуславливает трансформацию общественных отношений в той степени, в которой это необходимо для обеспечения замкнутого цикла наркоиндустрии.

В заключение хотелось бы отметить, что существующая в Колумбии разветвлённая система организованного наркотрафика, деятельность вооруженных антиправительственных группировок и высокий уровень социальной милитаризации в условиях многолетнего вооруженного конфликта обуславливают социальное насилие и повышают вероятность дальнейшего распространения терроризма в этой стране. Организованная наркопреступность использует методы террора для обеспечения наркобизнеса, в то время как незаконные вооружённые леворадикальные организации (FARC, ELN) задействованы в наркобизнесе в целях организации и проведения террористических актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потапов, Н. А. Неопарамилитаризм в современной Колумбии // Латинская Америка. – 2012. – № 12. – С. 20–26.
2. Степанова, Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликта и терроризма / Е. А. Степанов. – М. : Весь Мир, 2005. – 312 с.
3. Avance de la Política de Defensa y Seguridad [Электронный ресурс] // Ministro de Defensa Nacional. – Режим доступа: https://www.mindefensa.gov.co/irj/go/km/docs/Mindefensa/Documentos/descargas/estudios%20sectoriales/info_estadistica/Avance%20de%20la%20Politica%20de%20Defensa%20y%20Seguridad.pdf.

4. Country Reports on Terrorism 2014 [Электронный ресурс] // United States Department of State. – Режим доступа: <http://www.state.gov/documents/organization/239631.pdf>.
5. Colombia. Events 2015. [Электронный ресурс] // Human Rights Watch. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/world-report/2016/country-chapters/colombia>.
6. Foreign Terrorist Organizations [Электронный ресурс] // United States Department of State. – Режим доступа: <http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2015/257523.htm>.
7. Gomis, B. Demystifying «Narcoterrorism» [Электронный ресурс] / SwanseaUniversity // Policy Brief. – May 2015. – № 9. – Режим доступа: <https://www.swansea.ac.uk/media/Demistifying%20narcoterrorism%20FINAL.pdf>.
8. Holland, C. Political Violence, Child Soldiers, and Neo-Liberal Globalization: The Cases of Indonesia and Columbia // Undergraduate Review. – 2008. – № 4. – P. 17–24.
9. McDermott, J. The BACRIM and Their Position in Colombia's Underworld [Электронный ресурс] // InSight Crime. – May 2014. – Friday, 02. – Режим доступа: <http://www.insightcrime.org/investigations/bacrim-and-their-position-in-colombia-underworld>.
10. Sullivan, M. P. Latin America: Terrorism Issues / M. P. Sullivan, J. S. Beittel [Электронный ресурс] // The Federation of American Scientists. – 2014. – August 15. – Режим доступа: <http://www.fas.org/sgp/crs/terror/RS21049.pdf>.
11. Terrorism Index [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.visionofhumanity.org/#page/indexes/terrorism-index/2011/COL/OVER>.

REFERENCES

1. Potapov N.A. Neoparamilitarizm in contemporary Colombia. *Latinskaya America*, 2012, no. 12, p. 20–26. (In Russian).
2. Stepanova E.A. *The Role of drug trafficking in the political economy of conflict and terrorism*. Moscow: Ves' Mir, 2005. 312 p. (In Russian).
3. Avance de la Política de Defensa y Seguridad. *Ministro de Defensa Nacional*. Available at: https://www.mindefensa.gov.co/irj/go/km/docs/Mindefensa/Documentos/descargas/estudios%20sectoriales/info_estadistica/Avance%20de%20la%20Política%20de%20Defensa%20y%20Seguridad.pdf (accessed 16 January 2016).
4. *Country Reports on Terrorism 2014*. United States Department of State. Available at: <http://www.state.gov/documents/organization/239631.pdf> (accessed 16 January 2016).

5. Colombia. Events 2015. *Human Rights Watch*. Available: <https://www.hrw.org/world-report/2016/country-chapters/colombia> (accessed 16 January 2016).

6. *Foreign Terrorist Organizations*. United States Department of State. Available at: <http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2015/257523.htm> (accessed 16 January 2016).

7. Gomis B. Demystifying «Narcoterrorism». *Policy Brief*, Swansea University, May 2015, no. 9. Available at: <https://www.swansea.ac.uk/media/Demystifying%20narcoterrorism%20FINAL.pdf> (accessed 16 January 2016).

8. Holland C. Political Violence, Child Soldiers, and Neo-Liberal Globalization: The Cases of Indonesia and Columbia. *Undergraduate Review*, 2008, no. 4, pp. 17–24.

9. McDermott J. The BACRIM and Their Position in Colombia's Underworld. *InSight Crime*, May 2014, Friday 02. Available at: <http://www.insightcrime.org/investigations/bacrim-and-their-position-in-colombia-underworld> (accessed 16 January 2016).

10. Sullivan M.P., Beittel J.S. *Latin America: Terrorism Issues*. *The Federation of American Scientists*, 2014, August 15. Available at: <http://www.fas.org/sgp/crs/terror/RS21049.pdf> (accessed 16 January 2016).

11. *Terrorism Index*. Available at: <http://www.visionofhumanity.org/#page/indexes/terrorism-index/2011/COL/OVER> (accessed 16 January 2016).

УДК 343.97:343.6(571.6)

Е.М. Стоун¹

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия

E-mail: lzqz@mail.ru

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОСОБО ТЯЖКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. В статье проведён сравнительный анализ структуры преступности особой тяжести на территории Дальневосточного федерального округа и Российской Федерации в целом. Проанализирована динамика особо тяжкой преступности против личности на Дальнем Востоке с использованием статистических и математических методов исследования. Детально исследован вред от преступлений особой тяжести против личности (количество погибших в результате преступных посягательств особой тяжести) на всей территории Дальневосточного федерального округа в целом и в каждом из регионов, входящих в его структуру, в частности. Установлено, что среднегодовой уровень особо тяжких преступлений на 29,2 % выше на Дальнем Востоке, чем в целом по России. Уровень погибших от преступных посягательств особой тяжести на территории ДФО в среднем на 84,12 % выше общероссийского. Среди регионов Дальнего Востока наибольший уровень количества погибших, зарегистрированный на 100 тыс. населения, наблюдался в Чукотском автономном округе, наименьший был зарегистрирован в Сахалинской области. Наиболее высокий темп роста количества погибших в результате совершения преступлений особой тяжести среди регионов ДФО наблюдался в Сахалинской области. Наиболее низкий – на территории Магаданской области. Рассмотрены основные детерминанты особо тяжких преступлений против личности в Дальневосточ-

¹ Елена Михайловна Стоун, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Восточного государственного университета, г. Магадан, Россия.

Для цитирования: Стоун, Е.М. Анализ основных криминологических показателей особо тяжкой преступности против личности на территории Дальневосточного федерального округа // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2016. – № 3. – С. 149–160.

© Стоун Е.М., 2016

ном федеральном округе – исторические, экономические, социальные, психологические, национальные и другие причины высокого уровня преступности особой тяжести против личности. Все выводы основаны на актуальных статистических данных и современных исследованиях учёных-криминологов.

Ключевые слова: преступность, преступность особой тяжести, преступность против личности, преступный вред, уголовная политика, преступность в Дальневосточном федеральном округе.

Elena M. Stoun¹

North-East State University, Magadan, Russia

E-mail: lzqz@mail.ru

ANALYSIS OF MAIN CRIMINOLOGICAL PERSONAL CORE CRIMES INDEXES OF RUSSIAN FAR EAST TERRITORIES

Abstract. A comparative analysis of the structure of core crimes in Russian Far East and Russian Federation is performed in the article. The dynamics of Russian Far East personal core crimes is analyzed with statistical and mathematical methods. Personal core crimes harm is studied in detail (the core crimes death toll) as on Russian Far East territory in general so in each of its regions in particular. It was found out that the annual average core crimes level is by 29.2 % higher in Russian Far East than in Russian Federation. The Far East core crimes death toll is by 84.12 % higher than the all-Russian one. Among the Far East regions the highest death toll registered per a 100 thousand people is in Chukotka Autonomous Region, the lowest – in Sakhalin Region. The highest core crimes death toll growth rate in Russian Far East was observed in Sakhalin Region, the lowest – in Magadan Region. The main Far East personal core crimes determinants were analyzed – historical, economical, social, psychological, national and other reasons of personal core crimes high level. All implications are based on effective data and current scientific studies in criminology.

¹ Elena M. Stoun, Senior professor of Criminal Law and Criminal Process Department, North-East State University, Magadan, Russia.

For citing: Stoun, Elena M. Analysis of main criminological personal core crimes indexes of Russian Far East territories // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2016, no. 3, p. 149–160.

Key words: crime, core crimes, personal crimes, criminal harm, criminal policy, Russian Far East crimes.

В силу своего географического положения Дальневосточный федеральный округ является уникальным. Его общая площадь составляет более 1/3 всей территории России, при этом здесь проживает всего 4,2 % населения России. Преступность на Дальнем Востоке имеет свою специфику, обусловленную географическим положением и социально-экономическими особенностями региона. Среднегодовой уровень особо тяжких преступлений за период с 2009 г. по 2014 г. на 29,2 % выше на Дальнем Востоке, чем в целом по России. В структуре преступности особой тяжести преобладают преступления против личности. Эти преступления имеют самые печальные последствия.

Структура особо тяжкой преступности Дальнего Востока обладает определенной спецификой, обусловленной такими региональными особенностями, как географическая удаленность, суровые природно-климатические условия, близость границы с Китаем, Кореей, Японией и др.

Сравним структуру особо тяжкой преступности по объекту посягательства в России и на Дальнем Востоке за период с 2009 г. по 2014 г.

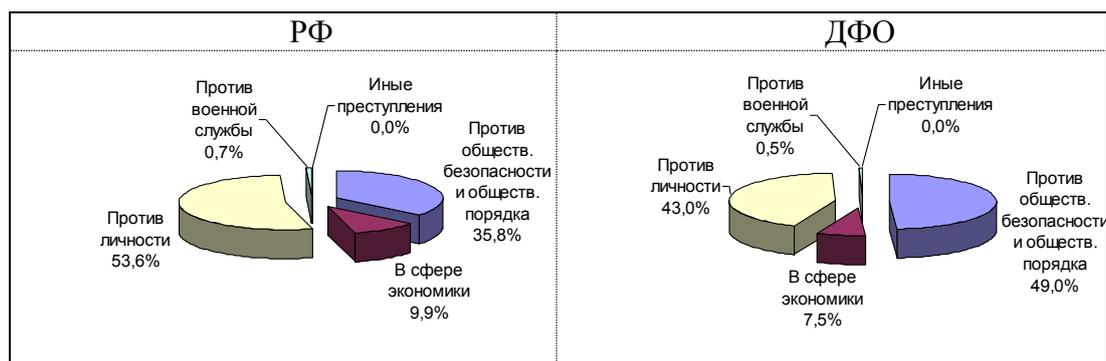

Рис. 1. Структура преступности особой тяжести по объекту посягательства в Российской Федерации и Дальневосточном федеральном округе в 2009–2014 гг. Составлено по данным источника: [1].

Из диаграмм рис. 1 следует, что в исследуемый период наибольший удельный вес в общем количестве зарегистрированных особо тяжких преступлений на территории России составили преступления против личности – 53,6 %. На Дальнем Востоке эти преступления занимают второе место по распространенности среди преступлений особой тяжести – 43 %.

В различных регионах Дальнего Востока существует своя специфика преступлений по географическому признаку [2, с. 9]. Самые низкие показатели особо тяжких преступлений против личности были зарегистрированы на территории Чукотского автономного округа и в Республике Саха (Якутия). Эти регионы – самые малозаселенные в ДФО, именно в здесь проживают народы, ведущие активный кочевой образ жизни. Это исключает их из механизмов социального контроля и объектов наблюдения правоохранительных органов. Низкая плотность населения оказывает негативное влияние на уровень регистрации преступлений. Резонно предположить здесь большой удельный вес латентных преступлений по сравнению с европейской частью России [3, с. 55].

Несмотря на общую тенденцию по смягчению многих норм Уголовного кодекса, в 2011–2012 гг. была ужесточена уголовная ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления, такие как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, насилие над детьми, педофилия, растление несовершеннолетних, иные преступления против личности [4, с. 3]. Эти изменения, наряду с проводимой государством уголовной политикой, дают положительные результаты. В многолетней динамике наблюдается общее снижение преступлений особой тяжести против личности.

Таблица 1

Многолетняя динамика особо тяжкой преступности против личности за период с 2010 г. по 2014 г. на территории РФ и ДФО

Россия и Дальний Восток	Годы	Темп роста по отношению к 2009 г., %	Темп прироста по отношению к 2009 г., %	Прирост к предыдущему году, %
РФ	2010	93,76	– 6,24	– 6,24
	2011	85,29	– 14,71	– 9,04
	2012	73,72	– 26,28	– 13,56
	2013	77,48	– 22,52	5,09
	2014	71,54	– 28,46	– 7,67
ДФО	2010	118,41	18,41	18,41
	2011	100,34	0,34	– 15,26
	2012	110,18	10,18	9,80
	2013	52,67	– 47,33	– 52,20
	2014	85,12	– 14,88	61,61

Составлено по данным источника: [1].

Для расчёта среднегодового темпа роста количества преступлений на территории Российской Федерации используем следующую формулу:

$$\overline{K}_p^u = \sqrt[n]{K_{p_1}^u \cdot K_{p_2}^u \cdot \dots \cdot K_{p_n}^u} = \sqrt[n]{\prod K_p^u} = \sqrt[n]{K_p^b},$$

где n – число цепных коэффициентов роста, равное 5, K^u – цепные коэффициенты роста (табл. 1), K^b – базисный коэффициент роста за весь период с 2009 г. по 2014 г.

Среднегодовой темп роста (снижения) зарегистрированных особо тяжких преступлений против личности по отношению к 2010 г. составил в РФ 93,52 % и в ДФО 96,83 %, то есть ежегодно в исследуемый период удельный вес преступлений против личности снижался в среднем на 6,48 % и 3,17 % соответственно.

Таким образом, с 2009 г. по 2014 г. число зарегистрированных преступлений особой тяжести против личности на территории ДФО в среднем за год снижалось на 3,31 % медленнее, чем в целом в России.

Общественная опасность преступности – это свойство последней причинять существенный вред общественным отношениям (гражданам, обществу и государству), либо создавать угрозу причинения такого вреда, и одновременно – основанная на объективных критериях субъективная оценка обществом характера и меры этого вреда [5, с. 33].

В зависимости от характера нарушенного блага потерпевшего лица виды преступного вреда делятся на физические, имущественные, моральные, интеллектуальные и иные [6, с. 40]. В официальной статистике МВД России вред от преступности включает в себя материальный ущерб и физический вред, причинённый преступлением [1].

По степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий насильственные преступления во многом превосходят другие криминальные проявления и наносят огромный ущерб обществу. Только непосредственно потерпевшими от них выступают сотни тысяч людей. Эти преступления наносят ущерб наиболее важным в цивилизованном обществе ценностям – жизни, здоровью, неприкосновенности человека, и поэтому они наиболее опасны с точки зрения права и общечеловеческой морали [4, с. 71].

Проанализируем данные о количестве погибших в результате совершения преступлений особой тяжести в субъектах ДФО за период с 2009 г. по 2014 г. (табл. 2).

С 2009 г. по 2014 г. на территории Российской Федерации и ДФО наблюдалось снижение количества погибших в результате совершения преступлений особой тяжести – как в абсолютных показателях, так и в относительных (на 100 тыс. населения). Наименьшее количество абсолютно-го числа погибших в результате совершения преступлений особой тяжести

было зарегистрировано в 2014 г. в ДФО и РФ, наибольшее – в 2009 г. в ДФО и РФ. Аналогичные показатели по годам относятся и к уровню анализируемых данных. Уровень погибших от преступных посягательств особой тяжести на территории ДФО в среднем на 84,12 % выше общероссийского.

Таблица 2

**Данные о количестве погибших
в результате совершения преступлений особой тяжести
в Российской Федерации и в ДФО за период 2009–2014 гг.**

Годы	Число погибших в России	Число погибших в ДФО	Уровень погибших на 100 тыс. населения в РФ	Уровень погибших на 100 тыс. населения в ДФО
2009	26 763	1 953	19	31
2010	24 457	1 804	17	29
2011	22 320	1 821	16	29
2012	20 137	1 672	14	27
2013	19 131	1 723	13	28
2014	17 944	1 431	12	23

Составлено по данным источника: [1].

Рассмотрим уровень погибших от преступлений особой тяжести, зарегистрированных в регионах ДФО, рассчитанный на 100 тыс. населения за период с 2009 г. по 2014 г. За основу примем среднесписочную численность населения за год.

Таблица 3

Данные об уровне количества погибших в результате совершения преступлений особой тяжести в субъектах ДФО за период 2009–2014 гг.

Субъект ДФО	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Амурская обл.	29	27	33	6	30	27
Еврейская АО	16	30	50	33	37	26
Камчатский край	19	21	19	79	21	20
Магаданская обл.	108	25	26	22	26	24
Приморский край	27	26	27	24	29	22
Республика Саха	36	34	30	30	29	24
Сахалинская обл.	11	27	29	27	26	24
Хабаровский край	34	31	28	27	24	21
Чукотский АО	99	43	37	51	24	30

Составлено по данным источника: [1].

Таблица 4

**Многолетняя динамика количества погибших в результате
совершения особо тяжких преступлений за период 2010–2014 гг.
на территории РФ и ДФО**

Россия и Дальний Восток	Годы	Темп роста по отношению к 2009 г., %	Темп прироста по отношению к 2009 г., %	Прирост к предыдущему году, %
РФ	2010	91,34	– 8,66	– 8,66
	2011	83,30	– 16,70	– 8,81
	2012	75,02	– 24,98	– 9,93
	2013	71,12	– 28,88	– 5,20
	2014	65,51	– 34,49	– 7,89
ДФО	2010	92,77	– 7,23	– 7,23
	2011	94,04	– 5,96	1,38
	2012	86,58	– 13,42	– 7,94
	2013	89,50	– 10,50	3,37

Составлено по данным источника: [1].

Среднегодовой темп роста (снижения) уровня погибших в результате совершения особо тяжких преступлений на территории Российской Федерации по отношению к 2009 г. составил 91,89 %, то есть ежегодно в исследуемый период уровень погибших в результате совершения особо тяжких преступлений снижался в среднем на 8,11 %.

Среднегодовой темп роста удельного веса погибших в результате совершения особо тяжких преступлений на территории ДФО по отношению к 2009 г. составил 94,3 %, то есть ежегодно в исследуемый период удельный вес преступлений несовершеннолетних снижался в среднем на 5,7 %.

Таким образом, с 2009 г. по 2014 г. уровень погибших в результате совершения особо тяжких преступлений на территории ДФО в среднем за год снижался на 2,41 % медленнее, чем в целом в России.

Наиболее высокий темп роста количества погибших в результате совершения преступлений особой тяжести среди регионов ДФО наблюдался в Сахалинской области. По отношению к 2009 г. этот показатель составил 116,09 %, то есть ежегодно в исследуемый период уровень таких преступлений увеличивался в среднем на 16,09 %. Это на 17,31 % больше, чем в ДФО, и на 15,09 % больше, чем в РФ.

На втором и третьем местах по темпам прироста этого показателя среди регионов ДФО стоят Еврейский автономный округ (+ 10,53 %) и Камчатский край (+ 1,32 %).

Таблица 5

**Многолетняя динамика количества погибших
в результате совершения особо тяжких преступлений
за период с 2010 г. по 2014 г. в субъектах
Дальневосточного федерального округа**

Регионы ДФО	Годы	Темп роста по отношению к 2009 г., %	Темп прироста по отношению к 2009 г., %	Прирост к предыдущему году, %
Амурская область	2010	92,37	- 7,63	- 7,63
	2012	22,19	- 77,81	- 80,45
	2014	91,82	- 8,18	- 11,04
Еврейская автономная область	2010	190,27	90,27	90,27
	2012	212,25	112,25	- 33,40
	2014	164,98	64,98	- 29,27
Камчатский край	2010	110,44	10,44	10,44
	2012	421,36	321,36	310,39
	2014	106,76	6,76	- 2,53
Магаданская область	2010	23,58	- 76,42	- 76,42
	2012	20,61	- 79,39	- 13,84
	2014	22,44	- 77,56	- 6,37
Приморский край	2010	95,77	- 4,23	- 4,23
	2012	86,58	- 13,42	- 12,97
	2014	80,77	- 19,23	- 24,16
Республика Саха (Якутия)	2010	95,31	- 4,69	- 4,69
	2012	82,67	- 17,33	- 1,26
	2014	68,30	- 31,70	- 15,02
Сахалинская область	2010	235,24	135,24	135,24
	2012	239,24	139,24	- 7,26
	2014	210,87	110,87	- 7,41
Хабаровский край	2010	92,84	- 7,16	- 7,16
	2012	80,78	- 19,22	- 1,84
	2014	60,67	- 39,33	- 16,04
Чукотский автономный округ	2010	43,90	- 56,10	- 56,10
	2012	51,76	- 48,24	36,26
	2014	30,06	- 69,94	25,30

Составлено по данным источника: [1].

Наименьший темп роста количества погибших в результате совершения преступлений особой тяжести среди регионов ДФО наблюдался на территории Магаданской области. Он составил 74,17 %, то есть темп при-

роста составил – 25,83 %. Это на 24,61 % меньше, чем в целом в России, и на 26,83 % меньше, чем в ДФО.

На втором и третьем местах по темпам снижения количества погибших в результате совершения преступлений особой тяжести среди регионов ДФО стоят Чукотский автономный округ (– 21,37) и Хабаровский край (– 9,51 %).

Уровень преступности особой тяжести против личности в ДФО ниже общероссийского на 10,6 %, однако снижение показателей Дальнего Востока в динамике на 3,31 % меньше российских.

Не следует забывать и о латентности данного вида преступлений. Так, за 2001–2010 гг. было официально зарегистрировано 263 889 убийств, по которым было выявлено 86,3 % виновных лиц, а осуждено только 67,5 %. Вместе с тем, за этот же период в стране пропало без вести 1,2 млн человек, из которых не разысканными осталось 38,2 % (около 469 тыс.), но зато выявлен был почти миллион (974 672) неопознанных трупов, значительная часть которых была убита, но в статистику убийств она не попала [7, с. 251].

Успех в профилактике преступлений против личности зависит от полноты их выявления и обеспечения неотвратимости наказания за совершение этих преступлений. Несоблюдение этих требований быстро приводит к повторному совершению лицами преступлений, вовлечению в преступления новых участников [4, с. 86].

Социально-экономическое положение ДФО – наихудшее в стране, в силу удаленности от основного экономического потенциала России. Суровые климатические условия, бедность населения, уровень безработицы, который превышает общероссийский, алкоголизация и наркотизация населения, – всё это приводит к социальной напряжённости, психической усталости, усилению агрессивности населения и, как следствие, повышению уровня преступности по всему региону, который выше, чем в среднем по России на протяжении последних двух десятилетий [3, с. 23–24].

Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляет в ДФО 17,4 %, а в среднем по России – 10,7 %, по уровню безработицы и по уровню розничных цен на товары первой необходимости регион также является одним из лидеров. Отсюда можно сделать вывод, что фактическое благосостояние населения региона значительно ниже среднего по России.

Когда-то Дальнему Востоку отводилась роль российских задворков, куда ссылали преступников, которые, отбыв свой положенный срок, здесь и оседали. Таким образом, сложился регион с высокими показателями криминальной заряженности населения [2, с. 103].

В структуре особо тяжкой преступности Дальнего Востока преобладают преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления (на 8,6 % выше показателей РФ).

От рецидивных преступлений особой тяжести не отстают и дальневосточные показатели особо тяжких преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения (на 8,5 % выше показателей РФ). При этом в динамике этих преступлений на Дальнем Востоке наблюдается рост, в отличие от РФ. Повышенный уровень алкоголизации населения ДФО объясняется совокупностью факторов: особенностями этнического состава населения, суровыми природно-климатическими условиями, увеличением уровня безработицы, ухудшением социально-экономического положения, усилением депрессивного настроения населения. В совокупности они вызывают особую склонность населения к употреблению алкоголя и, как следствие, обуславливают высокий уровень преступлений и их рост. Это, в том числе, обусловлено и тем, что алкоголизм у народов Севера и Дальнего Востока протекает совершенно особенным образом, поскольку у представителей северных народностей отмечается дефицит изофермента альдегиддегидрогеназы, они очень быстро пьянеют. Причем, культура потребления такова, что северяне пьют на голодный желудок маленькими дозами. Все эти факторы определяют характер развития и протекания алкоголизма среди коренного населения Дальнего Востока [3 с. 59].

Согласно результатам проведенных клинических исследований, у жителей Дальневосточного региона наблюдается высокая распространенность депрессивных состояний у мужчин, чего нет в таком количестве в центральных регионах страны. Также наблюдается смещение этого заболевания на более молодой возраст и явное ухудшение в старшем возрасте. Депрессивные состояния наблюдаются у 2/3 жителей Крайнего Севера, и только одного из 10 северян можно охарактеризовать как эмоционально стабильную личность. У остальных наблюдается аффективная ригидность, характеризующаяся инертностью установок и длительно неугасающими отрицательными эмоциями [3, с. 9]. Эти факторы занимают не последнее место в причинном комплексе вышеуказанной динамики особо тяжких преступлений против личности на территории Дальневосточного федерального округа.

Необходимо определить реальные пути и средства противодействия преступлениям против жизни и здоровья граждан. Требуется разработка эффективных правовых и криминологических предложений по предупреждению преступлений против личности. Это могло бы способствовать преодолению ряда проблем в этой области и качественному обеспечению охраны и защиты жизни и здоровья граждан от преступных посягательств [4, с. 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений за 2009–2015 годы [Электронный ресурс] : Статистическая форма МВД России Ф.494 КН.87 [от 17.02.2016] // Сборник по Дальневосточному федеральному округу, г. Москва, 2016. – М., 2016. – Режим доступа: БД ФКУ «ГИАЦ МВД России».
2. Организованная преступность Дальнего Востока: региональные черты и хроника событий / кол. авт. ; отв. ред. В. А. Номоконов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – 516 с.
3. Варанкина, Ю. С. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых на Дальнем Востоке : монография / Ю. С. Варанкина, В. Д. Ларичев. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 152 с.
4. Уголовно-правовые аспекты борьбы с преступлениями против личности / Ф. М. Абубакиров [и др.] ; под ред. В. Е. Степенко. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. – 291 с.
5. Бабаев, М. М. Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Проспект, 2014. – 296 с.
6. Анисимкова, Н. В. Возмещение вреда, причиненного преступлением: уголовно-правовой и гражданско-правовой аспекты проблемы : монография / Н. В. Анисимкова. – Краснодар : Издательский дом «Юг», 2010. – 104 с.
7. Лунеев, В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства / В. В. Лунеев. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 320 с.

REFERENCES

1. *Main Information and Analysis Center of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (2009–2015 yrs). Collected volume on Far Eastern Federal District F.494 KN.87.* Moscow, 2016. Available at: Federal St. Inst. «Main information-analytical center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» Data base (accessed 17 February 2016). (In Russian).
2. Nomokonov V.A., execut. ed. *The organized crime of the Far East: regional pattern and chronicle.* Vladivostok: Far Eastern Federal Univ. Publishing House, 2011. 516 p. (In Russian).
3. Varankina Yu.S., Larichev V.D. *Criminological characteristics and prevention of homicide, committed in the Far East:* monograph. Moscow: Yurlitinform, 2015. 152 p. (In Russian).
4. Stepenko V.E., ed. *Criminal law aspects of offenses against person prevention.* Khabarovsk: Pacific Nation. Univ. Publishing House, 2014. 291 p. (In Russian).

5. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Problems of criminal policy of Russia*. Moscow: Prospekt, 2014. 296 p. (In Russian).
6. Anisimkova N.V. *Compensation for harm caused by crime: criminal law and civil law aspects of the problem*: monograph. Krasnodar: Yug Publishing House, 2010. 104 p. (In Russian).
7. Luneev V.V. *Origins and blemishes of Russian criminal lawmaking*. Moscow: Yurlitinform, 2014. 320 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт, директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, проректор ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung), Председатель Совета, ShinIL Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг, декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel), заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен, профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxii), председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor in Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President of Far Eastern Federal University, Director & Dean, School of Law, FEFU, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in Historical Sciences, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Daniel C. Sneider, Associate director for research at the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, Ko Guan Chair, Professor in Law, Ko Guan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Professor, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Beijing, PRC.

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**2016
№ 3**

Главный редактор
В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия
Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков (зам. гл. ред.), С.Д. Князев, А.И. Коробеев (зам. гл. ред.),
Ли Се Ун, Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Ответственный за выпуск
В.В. Короченцев

Редактор *Т. Л. Федотова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная вёрстка *С. А. Стогний*

Подписано в печать 15.10.2016.
Дата выхода в свет 13.01.2017.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 13,22. Уч.-изд. л. 12,60.
Тираж 500 экз. Заказ 566.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10